СБОРНИКЪ

МУЗЕЯ ПО АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE

ST.-PÉTERSBOURG.

II.

1901.

APERÇU

SUR

L'ETHNOGRAPHIE DES TCHOUKTCHES

D'APRÈS LES COLLECTIONS

de **N. L. Gondatti**

DU MUSÉE ÉTHNOGRAPHIQUE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE S.-PÉTERSBOURG.

PAR

W. H. Bogoraz.

AVEC XXV PLANCHES APRÈS LE TEXTE.

ST.-PÉTERSBOURG. 1901.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

MM. **J. Glasounof, Eggers & Cie.** et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg. M. **N. Karbasnikof** à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna. M. **N. Oglobline** à St.-Pétersbourg et Kief. M. **M. Kluckine** à Moscou. M. **E. Raspopof** à Odessa. M. **N. Kymmel** à Riga. **Voss' Sortiment (G. Haessel)** à Leipsic. **Luzac & Cie** à Londres.

Prix: 8 Mrk.

ОЧЕРКЪ

МАТЕРІАЛЬНАГО БЫТА ОЛЕННЫХЪ ЧУКЧЕЙ

СОСТАВЛЕННЫЙ НА ОСНОВАНІИ КОЛЛЕКЦІЙ

Н. Л. Гондатти,

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СОСТАВИЛЪ

В. Г. Богоразъ.

СЪ XXV ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ ВЪ КОНЦѢ ТЕКСТА.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 26 января 1900 г.)

Ст.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1901.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ. **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ. **Н. Я. Оглоблина** въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ. **М. В. Клюкина** въ Москвѣ. **Е. П. Распопова** въ Одессѣ. **Н. Киммеля** въ Ригѣ. **Фоссъ (Г. Гэссель)** въ Лейпцигѣ. **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ.

Цѣна: 3 руб. 20 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1901 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ маѣ 1898 года этнографическій музей Императорской Академіи Наукъ обогатился большой коллекціей этнографическихъ предметовъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти во время его трехлѣтняго пребыванія въ Анадырскомъ Округѣ у чукчей и другихъ инородцевъ названнаго края. Выдающійся интересъ, представляемый коллекціей, благодаря ея полнотѣ и ея важное значеніе для науки, нашли подобающую оцѣнку въ Академіи Наукъ, которая, отдавая должную дань уваженія энергіи и преданности научнымъ интересамъ Н. Л. Гондатти, удостоила его высокой научной награды, присудивъ ему по представленію директора музея антропологіи и этнографіи и директора зоологическаго музея, золотую медаль памяти Бэра.

Среди отставшихъ въ культурномъ отношеніи народовъ, и до сихъ поръ еще мало утратившихъ свою первобытную этнографическую чистоту, благодаря физико-географическимъ условіямъ территоріи, на которой сложилась ихъ жизнь, чукчи и ихъ ближайшіе сосѣди — юкагиры, ламуты, коряки и другіе народы, получившіе въ антропологіи общее названіе гиперборейскихъ народовъ, представляютъ особенно важный этнографическій интересъ, такъ какъ

вся обстановка ихъ жизни должна наиболѣе близко подходить къ той, которую возсоздаютъ намъ соединенныя усилія геологовъ, палеонтологовъ и археологовъ для послѣдней эпохи палеолитическаго періода, получившей у французскихъ археологовъ названіе époque magdalénienne*). Холодный климатъ, требующій постоянной и теплой одежды, снѣжныя и ледяныя поля — однообразный пейзажъ, къ которому привыкаетъ глазъ, сѣверный олень, служащій для удовлетворенія главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей: въ пищѣ, одеждѣ и кровѣ, примитивное каменное и костяное орудіе и оружіе — вотъ вся та несложная жизненная обстановка, среди которой жили наши доисторическіе предки въ Европѣ въ ту отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху. Сколько въ этой картинѣ поразительно сходныхъ чертъ съ условіями современной чукотской жизни! При наличности столь бросающейся въ глаза аналогіи едва-ли простымъ совпаденіемъ является и развитіе у чукчей и ихъ сосѣдей эстетическаго чувства, выраженіемъ котораго могутъ служить приводимые далѣе образчики скульптурныхъ издѣлій изъ кости и дерева. Подобнаго рода издѣлія и гравюры на кости весьма характерны также и для послѣдней эпохи палеолитическаго періода. Можно поэтому надѣяться, что изученіе этнографіи этихъ народовъ дастъ ключъ къ пониманію многихъ темныхъ еще сторонъ въ жизни доисторическаго человѣка каменнаго вѣка.

Имѣя въ виду важное научное значеніе чукотскихъ коллекцій, директоръ музея антропологіи и этнографіи воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ спеціальнаго знатока чукотской этнографіи В. Г. Богораза и поручилъ ему составить, въ ожиданіи полной научной разработки коллекцій Н. Л. Гондатти, описаніе чукотской культуры на основаніи имѣющихся этнографическихъ образчиковъ ея. Исполняя данное порученіе, В. Г. Богоразъ на-

*) Le Préhistorique. G. et A. de-Mortillet. Paris 1900, p. 241.

писалъ краткое за недостаткомъ времени (авторъ былъ занятъ сборами къ новой экспедиціи въ полярныя области Восточной Сибири) описаніе чукотской жизни подъ заглавіемъ „очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей“, съ которымъ авторъ наиболѣе близко знакомъ*).

Большинство иллюстрацій, приложенныхъ къ описанію въ видѣ отдѣльныхъ таблицъ, сдѣланы съ фотографій, снятыхъ С. М. Дудинымъ съ предметовъ коллекціи Н. Л. Гондатти; остальные — съ оригинальныхъ фотографій и рисунковъ В. Г. Богораза. Наблюденіе за печатаніемъ очерка было поручено авторомъ мнѣ.

Н. Могилянскій.

Петербургъ, 5-го сентября 1900 г.

---

*) Читателей, заинтересованныхъ правильнымъ произношеніемъ приводимыхъ въ текстѣ очерка чукотскихъ словъ съ своеобразнымъ начертаніемъ, отсылаемъ къ работѣ В. Г. Богораза: «Образцы матеріаловъ по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранныхъ въ Колымскомъ округѣ», напечатанной въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, Т. X, № 3 (Мартъ 1899).

Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей.

Пища.

Пища оленныхъ чукчей почти исключительно состоитъ изъ оленьяго мяса, причемъ чукчи извлекаютъ изъ оленьей туши больше питательныхъ веществъ, чѣмъ всѣ сосѣднія племена. Мясо чукчи употребляютъ преимущественно вареное, но головной и костный мозгъ, почки, печень, кровь, глаза, сухожилія ногъ ѣдятъ охотнѣе въ сыромъ видѣ. Лѣтомъ, когда отъ копытницы обыкновенно пропадаетъ много оленей, чукчи, не успѣвая потреблять все, стараются дѣлать запасы, складывая ихъ въ особые мѣшки, состоящіе изъ шкуры тюленя, снятой цѣликомъ съ туши, или сшитые изъ оленьихъ шкуръ по тому-же образцу. Основнымъ элементомъ этихъ запасовъ служитъ кровь, которая подъ вліяніемъ лѣтняго тепла горькнетъ и бродитъ. Вмѣстѣ съ кровью въ мѣшки складываются печень и сердце, кишки кое-какъ очищенныя и мелко изрѣзанныя, опаленныя оболочки копытъ и губъ, также всѣ остатки и обрѣзки мяса. Получаемый продуктъ потребляется зимой въ замороженномъ видѣ, причемъ чукчи для того, чтобы уменьшить его непріятный вкусъ, смѣшиваютъ его съ свѣжимъ мороженнымъ мясомъ, раздробленнымъ въ порошокъ. Нельзя сказать, чтобы чукчи любили этотъ продуктъ. Они не столько сами потребляютъ его, сколько стараются продавать его на пищу русскимъ и приморскимъ собакамъ, для чего постоянно привозятъ свои мѣшки на ярмарки и на мѣста торга. Пища продается вездѣ съ мѣшкомъ, который считается не имѣющимъ никакой цѣны, и при собачьей кормежкѣ рубится топоромъ на части вмѣстѣ съ замороженнымъ продуктомъ.

Чукотскіе хозяйки посвящаютъ много заботъ приготовленію различныхъ растительныхъ продуктовъ для пищевыхъ запасовъ. Первое мѣсто занимаетъ pílqäril (по русски *моняло*), полупереварившійся мохъ, извлеченный изъ большаго оленьяго желудка. Pílqäril представляетъ полужидкую зеленоватую кашу очень противнаго цвѣта, запаха и вкуса. Чукчанки от-

жимаютъ ее руками надъ котломъ при помощи обрывка старой волосяной сѣти, купленнаго отъ русскихъ (№ 434—34).

Обыкновенно въ пищу идетъ кашица, а непереваренныя растительныя волокна, остающіяся въ сѣткѣ, выбрасываютъ вонъ, но самые бѣдные изъ тунгусовъ а также нѣкоторые чукчи набиваютъ такими волокнами или моня́ломъ въ его первобытномъ видѣ оленій желудокъ и сушатъ его надъ очагомъ. Потомъ, когда онъ совершенно почернѣетъ и прокоптится, ѣдятъ его кусочками во время крайняго голода. Вообще моняло не считается настоящей ѣдой. Осенью, когда сразу убиваются многіе десятки оленей, на мѣстѣ убоя образуется цѣлое озеро изъ слитого вмѣстѣ моняла. Небольшую частицу берутъ чукчанки; нѣсколько большую голодные ламуты и тунгусы, всегда пріѣзжающіе къ чукчамъ ко времени убоя; русскіе, пріѣхавшіе изъ близлежащихъ поселковъ, иногда увозятъ часть домой для того чтобы примѣшивать къ собачьему корму, приготовляемому въ вареномъ видѣ, но за всѣмъ тѣмъ большая часть моняла пропадаетъ безъ употребленія.

Чукчанки варятъ изъ моняла кашу, смѣшивая его съ оленьей кровью, жиромъ, кусочками мяса или мелко изрѣзанными кишками. Въ старину эта полужидкая похлебка составляла самый распространенный видъ горячей пищи и замѣняла также питье, но теперь распространеніе чая оттѣсняетъ ее на задній планъ. Отчасти подъ вліяніемъ русскихъ насмѣшекъ богатые чукчи предпочитаютъ приготовлять похлебку безъ моняла, замѣняя его кореньями, и зеленая моняльная каша постепенно становится пищею бѣдняковъ, а болѣе зажиточныхъ людей только въ голодные періоды.

Лѣтомъ чукчанки смѣшиваютъ моняло съ ивовыми листьями и складываютъ его въ мѣшки, гдѣ оно подвергается кислому броженію и пріобрѣтаетъ прогорклый, острый вкусъ, опять-таки чрезвычайно противный. Этотъ продуктъ вэріwpílӄäpil они употребляютъ въ пищу также зимой, смѣшивая его съ печенью, свѣжей кровью, толченымъ мерзлымъ мясомъ и т. п. Иногда попадаются любители этого продукта, но большая часть потребителей относится къ этому оригинальному салату безъ особого пристрастія. Въ общемъ употребленіе моняла обусловливается не столько потребностью въ растительныхъ продуктахъ, сколько стремленіемъ получить суррогатъ ѣды и уменьшить потребленіе мяса и убой оленей. Особенно это замѣтно въ семьяхъ молодыхъ и бѣдныхъ пастуховъ, желающихъ непремѣнно размножить свое стадо.

Лѣтомъ чукчи употребляютъ въ пищу также побѣги многихъ растеній, опять-таки смѣшивая ихъ съ кровью.

Таковы wетчо́wтыlӄын—(по опредѣленію Kjelman'a, Vega-expeditionens iakktagelser, Bd. I) oxyria digyna, мымы́ӄlыңын — polygonum polymorphum, popáўт — pedicularis sudetica.

Еще ревностнѣе, чѣмъ собираніемъ листьевъ и моняла, чукчанки занимаются отыскиваніемъ и выкапываніемъ кореньевъ, для чего употребляютъ разнообразныя мотыки wíӈыр, желѣзныя, костяныя и даже деревянныя. Самые любимые коренья чукчей — ыпáтыӷын — hedysarum obscurum, попóкаӷын — claytonia acutifolia и ээ́кыӷын — polygonum viviparum. Въ отличіе отъ листьевъ и моняла коренья эти дѣйствительно являются довольно съѣдобными, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ видѣ примѣси къ кровяной или мясной похлебкѣ.

Хорошія хозяйки стараются запасать ихъ на зиму и похлебка кíвlэт изъ крови и жиру съ примѣсью толченыхъ корней считается самымъ лакомымъ блюдомъ и является необходимымъ элементомъ каждаго жертвоприношенія. Во время большихъ праздниковъ она приготовляется въ большихъ количествахъ и сю кропятъ огонь; также выкапываютъ ямку въ снѣгу и наливаютъ туда похлебку при помощи особой жертвенной ложки, или же накладываютъ ее на маленькіе клочки старой *рэвдуги* (замши), кругло обрѣзанные въ видѣ тарелочекъ и выставляютъ ихъ въ сторону разсвѣта — тцаырӷéты.

Впрочемъ въ жертвоприношеніи, кромѣ похлебки съ кореньями, употребляются и другіе растительные продукты, похлебка изъ моняла, квашеное моняло съ листьями. Приготовляется также особое мѣсиво изъ различныхъ листьевъ, изъ котораго приготовляются фигурки, замѣняющія жертвенныхъ оленей. Такія же фигурки приготовляются изъ топленаго сала и даже просто изъ снѣга; также вмѣсто символическихъ жертвенныхъ фигуръ употребляются зародыши плода и недоноски, вынутые изъ убитыхъ тельныхъ *важенокъ*.

Чукчи, живущіе у моря, употребляютъ въ пищу также водоросли мерӷóмер, но къ оленнымъ чукчамъ это почти не относится.

Всѣ чукчи курятъ табакъ и начинаютъ куреніе съ самого ранняго дѣтскаго возраста, такъ какъ родители поощряютъ куреніе дѣтей и даютъ имъ курить изъ собственной трубки. Тоже самое обыкновеніе существуетъ также и у другихъ инородцевъ и даже во многихъ русскихъ семьяхъ на Колымѣ. Некурящихъ чукчей я встрѣчалъ очень рѣдко, всего два или три раза. Чукчи употребляютъ для куренія листовой, такъ называемый *черкасскій табакъ* № 434—55, къ которому примѣшиваютъ на треть мелко наскобленной тополевой или осиновой коры, а за неимѣніемъ ея, просто сыраго тальничнаго дерева. Образцы такого приготовленнаго табаку № 434—56.

Впрочемъ волокнистый, такъ называемый турецкій табакъ кэрӷы-тáаӷ чукчи тоже очень любятъ и постоянно покупаютъ его у купцовъ. Отъ американцевъ чукчи покупаютъ только черный прессованный табакъ

для жеванія, № 434—57. Но даже для жеванія они предпочитаютъ русскій листовый табакъ, такъ какъ они утверждаютъ, что американскій табакъ получаетъ отъ морской перевозки особенный, непріятный вкусъ. Даже къ русскому листовому табаку, привезенному моремъ, они относятся очень разборчиво, такъ какъ при морской перевозкѣ табакъ часто выдыхается и теряетъ крѣпость.

Недостатокъ табаку весьма чувствителенъ для курильщиковъ и жевальщиковъ и они утверждаютъ, что это лишеніе превосходитъ даже голодъ. При недостаткѣ табаку чукчи собираютъ трубочный нагаръ (kòjŋ-álal) и, смѣшивая его съ деревомъ, употребляютъ для куренія. Именно для этой цѣли мундштуки многихъ трубокъ расколоты пополамъ и крѣпко обвиты потомъ узкимъ и длиннымъ ремешкомъ. Если нѣтъ нагару, чукчи разрѣзываютъ и выкуриваютъ табачные мѣшки, употребляютъ также для куренія сильно прокопченную ровдугу, которая все-таки даетъ горькій дымъ. Человѣкъ, долго не видѣвшій табаку, закуривается потомъ до одуренія, до того, что падаетъ на мѣстѣ безъ чувствъ. Точно такое же пристрастіе къ табаку, значительно превосходящее пристрастіе культурныхъ курильщиковъ, замѣчается и у другихъ племенъ, не исключая и русскихъ порѣчанъ. Русскіе говорятъ, напр., вмѣсто «пить, ѣсть надо» — «пить, курить надо».

Нюханье табаку между чукчами развито мало. Для этой цѣли табакъ перетирается въ деревянныхъ ступахъ большими деревянными пестами и потомъ смѣшивается съ золой, но вообще чукотскіе нюхальщики предпочитаютъ пріобрѣтать нюхательный табакъ въ готовомъ видѣ отъ русскихъ.

При первомъ появленіи табакъ наравнѣ съ желѣзомъ составлялъ главный предметъ торговли съ чукчами на Колымѣ и переходилъ на острова Берингова моря и на американскій континентъ, гдѣ и вымѣнивался на дорогіе американскіе мѣха, но и до настоящаго времени, несмотря на паденіе торговыхъ сношеній азіатскихъ инородцевъ съ американскими, русскій листовый табакъ продолжаетъ переходить на американскій континентъ, между тѣмъ какъ желѣзныя издѣлія теперь распространяются уже съ востока на западъ.

Трубки, употребляемыя чукчами (№ 434—38, № 408—125), имѣютъ самую различную форму, начиная отъ маленькихъ трубокъ, литыхъ изъ мѣди, олова или рѣзанныхъ изъ стали и кончая огромными деревянными, облитыми по краямъ оловомъ, изъ которыхъ иныя вѣсятъ болѣе фунта. При трубкѣ имѣется желѣзная ковырялка и небольшой мѣшочекъ для табаку. Въ отличіе отъ ламутскихъ кисетовъ чукчи украшаютъ свои табачные мѣшки мало и неискусно и часто мѣняютъ ихъ.

Спиртъ для чукчей не является предметомъ такого постояннаго потребленія какъ табакъ, потому что появляется сравнительно рѣдко. Правда,

приморскіе чукчи покупаютъ у американскихъ китолововъ ромъ, а чукчи западные и омолонскіе приходятъ за спиртомъ въ Среднеколымскъ, гдѣ имѣется три кабака, но большинство оленныхъ чукчей можетъ получать спиртъ только на Анюйской ярмаркѣ, куда русскіе торговцы возятъ его, несмотря на запрещеніе, или же отъ тѣхъ-же торговцевъ въ то время, когда они разъѣзжаютъ по стойбищамъ для скупанія шкуръ. Въ чукотско-русской торговлѣ спиртъ цѣнится по лисицѣ за слегка разведенную бутылку, и дастъ торговцу 300% барыша, такъ какъ по мѣстной цѣнѣ лисица равняется 5 рублямъ, а бутылка водки стоитъ въ Среднеколымскѣ $1\frac{1}{2}$ рубля. Чукчи впрочемъ предпочитаютъ не разведенный спиртъ и въ состояніи пить даже очень крѣпкій аптечный, и притомъ въ значительномъ количествѣ.

Вмѣсто спирта для произведенія опьяненія употребляютъ также мухоморъ. Потребленіе мухомора впрочемъ распространено болѣе всего между коряками, а къ чукчамъ занесено русскими торговцами, которые продаютъ сушеные мухоморы небольшими связками (три гриба составляютъ достаточный пріемъ для взрослаго крѣпкаго мужчины). Мухоморъ при потребленіи жуютъ и дѣйствіе его сходно съ дѣйствіемъ опіума.

Одежда.

Чукотская мужская зимняя одежда настолько практична, что она распространилась между всѣми сосѣдними племенами и купленныя у чукчей мѣховыя рубахи и балахоны вывозятся въ Якутскъ и дальше. Вся она шьется изъ *пыжика* т. е. подросшаго теленка, убитаго осенью болѣе или менѣе поздно. Шкура взрослаго оленя чукчами на одежду не употребляется, такъ какъ она тяжелѣе, грубѣе волосомъ и менѣе красива цвѣтомъ, хотя якуты часто носятъ кафтаны и зимнія рубахи изъ такихъ шкуръ. Ламуты также шьютъ изъ такихъ шкуръ верхніе кафтаны, которые надѣваютъ поверхъ остального платья въ самое холодное время года. Одежда взрослаго чукчи состоитъ изъ двойной мѣховой рубахи, такихъ-же двойныхъ штановъ, короткихъ мѣховыхъ чулокъ съ такими же сапогами и двойной шапки въ видѣ женскаго капора. Вся внутренняя одежда надѣвается шерстью внутрь, а наружная шерстью наружу, такъ что обѣ одежды, сложенныя мездрой, плотно прикасаются другъ къ другу и составляютъ непроницаемый щитъ противъ мороза. Благодаря мягкости оленьей шерсти чукотскую одежду можно безъ особеннаго неудобства носить безъ бѣлья, чего нельзя сказать ни о ламутскихъ, ни о якутскихъ кафтанахъ.

Чукотская мѣховая рубаха (ірын, по русски *кукашка*) № 395—1 очень широка, съ рукавами, просторными у плеча и съуживающимися къ кисти. Благодаря такому покрою чукча имѣетъ возможность, выдернувъ руки изъ рукавовъ и сложивъ ихъ на груди, принимать въ своей мѣховой рубахѣ наиболѣе удобное положеніе, и пастухи, спящіе зимой у стада, совсѣмъ спрячутся съ головой въ кукашку, затыкая отверстіе ворота шапкой, если впрочемъ они не опасаются за безопасность стада (напр. если караульщиковъ двое и они спятъ по очереди). Зато кукашка не длинна, обыкновенно короче колѣнъ и только старики носятъ ее длиннѣе. Воротъ кукашки вырѣзанъ довольно низко и обшитъ кожей, съ пропущеннымъ внутрь шнуркомъ. По объясненію чукчей этотъ шнурокъ существуетъ изстари для потребностей борьбы, а именно для того, чтобы непрочная шкура пыжика не рвалась при хватаніи за шиворотъ. Снизу кукашка опушена узкой опушкой а̂тты́сӈӓн, обыкновенно изъ собачьяго мѣха, но щеголи замѣняютъ ее полосками мѣха выдры или россомахи. Одна изъ кукашекъ, по желанію нижняя или верхняя, шьется изъ болѣе тонкаго и легкаго, снятого раньше пыжика, а другая изъ плотнаго осеньяго. Что касается цвѣта пыжика, то для мужской одежды вообще чукчи оленные считаютъ самымъ наряднымъ бѣлый цвѣтъ, русскіе покупатели пыжиковыхъ шкуръ — гладкій темно-коричневый, который называется *чернымъ*, а приморскіе чукчи темно-коричневый съ рѣдкими бѣлыми пятнами, такъ называемый *пестрый*. Въ видѣ украшеній къ спинѣ и рукавамъ кукашки пришиваютъ такъ называемый пенака́ӈын, длинную кисть, сшитую изъ кусочковъ шкурки молодаго тюленя и окрашенную въ ярко-пунсовый цвѣтъ. Собственно говоря украшеніе это принадлежитъ женской одеждѣ больше, чѣмъ мужской и тундрено-тунгузской болѣе, чѣмъ чукотской, но любопытно отмѣтить здѣсь, что тунгусы, не занимающіеся охотой на тюленя, покупаютъ обрѣзки тюленьей шкуры у чукчанокъ, но зато тунгузскія женщины продаютъ чукчанкамъ готовыя кисти, такъ какъ эти послѣднія не умѣютъ красить тюленью шкуру такъ ярко.

Штаны кона́ӈте (№ 395—16) шьются чаще всего изъ *камусовъ*, т. е. изъ крѣпкихъ и гладкихъ кусковъ шкуры, содранной съ оленьихъ ногъ, а въ самое холодное время изъ пушистаго пыжика (№ 395—13). Камусовые штаны подбираются такъ, чтобы направленіе прилеганія шерсти было сверху внизъ, такъ какъ при этомъ снѣгъ скатывается и человѣку, цѣлый день пробродившему по сугробамъ стоитъ только отряхнуться, чтобы его ноги были чисты. Чукотскіе штаны шьются безъ пояса и достигаютъ только до средины живота, вокругъ котораго они плотно стягиваются шнуркомъ; къ ладыжкѣ они узки и затягиваются поверхъ обуви, пропущенной внутрь, при помощи очень крѣпкихъ и тугихъ шнурковъ. Это

практичное расположеніе дѣлаетъ обувь совершенно непроницаемой для снѣга, чего вовсе нельзя сказать о ламутской или якутской обуви.

Обувь чукотская состоитъ изъ очень короткихъ сапогъ, тоже сшитыхъ изъ камуса (№ 395—28) и имѣющихъ удобный полукруглый покрой, нисколько не стѣсняющій ноги, обутой въ толстый чулокъ. Подошва сшивается изъ такъ называемыхъ *оленьихъ щетокъ* — чéчот, небольшихъ кусочковъ очень жесткой шкуры, покрывающей подошву оленьей стопы между передними и задними копытами. Шерсть, покрывающая эту кожу, такъ жестка, что съ трудомъ стирается даже при ходьбѣ. Русскіе называютъ обувь съ такими подошвами *щеткари* (по чукотски чéчо-пáкыт). Осенью и весной щетки замѣняются подошвой, вырѣзанной изъ моржовой, лахтачной, рѣже коровьей шкуры (только на стойбищахъ, ближайшихъ къ русскимъ). Вся эта одежда, прилаженная какъ слѣдуетъ, составляетъ одинаково надежную защиту отъ холода и снѣга и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легка, что пастухъ, одѣтый въ нее, можетъ безъ всякого труда цѣлый день бѣгать за стадомъ. Вообще пыжиковая шкура такъ легка, что путешественникъ, надѣвающій поверхъ обыкновенной одежды еще очень длинный мѣховой балахонъ, не чувствуетъ своихъ движеній стѣсненными и можетъ при желаніи пройти полверсты или версту пѣшкомъ, что при продолжительныхъ переѣздахъ во время сильныхъ морозовъ очень важно для возобновленія запаса теплоты. Поэтому предположеніе Миддендорфа, что хорошая баранья шуба, въ концѣ концовъ, оказалась бы предпочтительнѣе оленьей шкуры, должно быть сочтено недоразумѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, для быстраго бѣга на лыжахъ и для верховой ѣзды на оленяхъ одежда чукотскаго пастуха пригодна не вполнѣ, именно вслѣдствіе своей плотности, которая стѣсняетъ гибкость движеній тѣла. Поэтому ламутскіе охотники надѣваютъ чукотскую одежду только при ѣздѣ на нартѣ зимой, а возвращаясь къ своему сѣдлу опять надѣваютъ свой кафтанъ и передникъ. Чукчи впрочемъ насмѣхаются надъ ламутскимъ кафтаномъ и говорятъ, что онъ весь въ щеляхъ, распахнутъ настежь (аáцы вáркын), такъ какъ дѣйствительно сквозь многочисленныя спайки его легко проникаетъ холодъ; но и ламутскій костюмъ, также какъ и чукотскій для своихъ цѣлей очень практиченъ и представляетъ продуктъ долгаго и детальнаго приспособленія. Поэтому, между прочимъ, мнѣніе Сѣрошевскаго, который называетъ тунгусскій кафтанъ простѣйшимъ видомъ одежды, кажется мнѣ неосновательнымъ. На выкройки представленныя имъ и доказывающія, что тунгусскій кафтанъ явственно возникъ изъ простой шкуры, наброшенной на плечи, я могу представить рисунки другихъ кафтановъ, сшитыхъ въ талію съ такимъ искусствомъ, которое предполагаетъ большой навыкъ въ кройкѣ. Мало того я видѣлъ женскіе ламутскіе костюмы, которые были

снабжены сзади чѣмъ-то вродѣ турнюра, изъ жесткой лахтачной кожи для того, чтобы складки полъ выглядѣли пышнѣе.

Чукотская шапка сшита изъ телячьяго или пыжиковаго мѣха, изъ собачьихъ лапъ, также изъ лапъ выдры или россомахи (№ 395, 43, 44, 45, 46). Зимою, отправляясь въ дорогу, чукча надѣваетъ поверхъ обыкновенной шапки огромный капюшонъ, большей частью изъ волчьяго мѣха, причемъ кожа съ волчьей головы вмѣстѣ съ оттопыренными ушами, которыя украшены красными ленточками, приходится на темени, напоминая головной уборъ древнихъ германскихъ воиновъ. Впрочемъ такіе капюшоны (чѵ́м-ƀырƀы-ƀále — опушенная шапка) носятъ по преимуществу пожилые люди и женщины, тогда какъ молодые пастухи у стада напротивъ считаютъ излишней даже обыкновенную шапку и вмѣсто нея надѣваютъ вечówкун, прикрывающій только уши и лобъ и всю средину темени оставляющій открытою.

Послѣ продолжительной бѣготни на морозѣ открытая часть головы покрывается густыми хлопьями инея и становится совершенно похожей на бѣлый мѣхъ.

Женская чукотская одежда напротивъ отличается своей нераціональностью. Она представляетъ цѣльно сшитое платье (кéркер по русски *хоньбы*) № 395—8, 9, состоящее изъ широкихъ штановъ, соединенныхъ съ еще болѣе широкимъ низко вырѣзаннымъ корсажемъ. И то и другое сшито изъ двойного пыжика, причемъ штаны такъ толсты и широки, что походка чукчанокъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ утиный, смѣшно переваливающійся видъ. Корсажъ вырѣзанъ двумя глубокими мысами на груди и на спинѣ, и вырѣзы обшиты широкой полосой самаго простого собачьяго мѣха, большей частью составленной изъ двухъ вмѣстѣ сшитыхъ полосокъ разнаго цвѣта. Къ широкимъ проймамъ плечъ пришиты очень широкіе и длинные рукава, похожіе на рукава рясы и постоянно мѣшающіе чукчанкамъ работать. Эта странная одежда имѣетъ перехватъ въ таліи и поддерживается еще шнурками, стягивающими разрѣзъ на груди, но вся верхняя часть ея сидитъ такъ свободно, что одного движенія плечъ достаточно, чтобы сбросить ее съ одного плеча или совсѣмъ высвободить обѣ руки и всю верхнюю часть тѣла. Чукчанки, когда имъ нужно производить какую нибудь работу, особенно въ согнутомъ положеніи, всегда начинаютъ съ того, что высвобождаются изъ корсажа и работаютъ на морозѣ съ голыми плечами или руками съ такой непринужденностью, какъ будто онѣ совсѣмъ неспособны чувствовать холодъ. Старухи вообще поднимаютъ выше разрѣзы своего кéркер и защищаютъ шею шалью или просто полоской оленьей шкуры, но молодыя пренебрегаютъ этимъ и предоставляютъ вѣтру свободно продувать имъ шею и грудь.

Обувь чукчанокъ состоитъ изъ чулокъ № 395—22, немного недостигающихъ колѣна, которые внизу сшиты изъ тонкаго пыжика, но у икры состоятъ изъ толстой шкуры взрослаго оленя, слегка остриженной, но все-таки придающей икрамъ несоотвѣтственную толщину. Мѣховые сапоги № 395—21 затягиваются у колѣнъ такимъ-же шнуркомъ, какъ и у мужчинъ, но поверхъ штановъ. Самымъ парднымъ цвѣтомъ для женской одежды считается темнокоричневый съ пестриной у колѣнъ.

Женская шапка мало отличается отъ мужской. Точно также мужчины и женщины носятъ одинаковыя рукавицы (№ 395—52, 53, 54, 55, 56, 57), сшитыя изъ камусовъ, выкроенныя раціональнѣе, чѣмъ русскія или ламутскія рукавицы, несмотря на внѣшнее тожество ихъ формы.

У оленныхъ чукчей въ сущности нѣтъ особой лѣтней одежды и они въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ носятъ ту-же мѣховую одежду, выбирая только самыя потертыя рубахи и штаны. Поэтому чукчи, зимою довольно нарядные, благодаря плотному и лоснящемуся мѣху своихъ кукашекъ, лѣтомъ имѣютъ очень поношенный видъ. За то обувь лѣтняя отличается большимъ разнообразіемъ. Она шьется большей частью изъ такъ называемой *дымленины*, т. е. оболочки наружнаго шатра рэ́ттэм. Выбираются изъ нея, конечно, мѣста наиболѣе плотныя и бывшія долго вверху у дымоваго отверстія. Такіе куски дымленины № 443—30 такъ прокопчены, что имѣютъ почти черный цвѣтъ. Они почти совсѣмъ лишены шерсти и промокаютъ сравнительно не такъ скоро, и кромѣ того имѣютъ незамѣнимое свойство высыхая послѣ дождя не коробится, между тѣмъ какъ мездра всякой другой шкуры, смоченная дождемъ, послѣ высыханія сморщивается и твердѣетъ какъ дерево. Изъ этой дымленины дѣлаютъ очень крѣпкіе сапоги, которые надѣваются прямо на босую ногу. Подошвы ихъ, сшитыя изъ лахтака, нарочно прокалываются шиломъ для того, чтобы вода, набираясь въ эти сапоги, вытекала такъ-же быстро. Послѣ того, при переходѣ на сухую почву, такіе сапоги высыхаютъ чрезвычайно быстро, хотя впрочемъ владѣлецъ обращаетъ на это мало вниманія. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, когда снѣгъ еще не совсѣмъ сошелъ съ почвы, вмѣсто этихъ сапогъ употребляются другіе, болѣе теплые, обыкновенно съ верхами изъ старыхъ камусовъ и головками изъ тюленьей шкуры, сохранившей шерсть. При ходьбѣ по мокрому снѣгу такая обувь скоро портится и требуетъ частой починки. Приморскіе чукчи сбиваютъ съ тюленьей шкуры шерсть и выдѣлываютъ кожу съ ворванью, что придастъ ей почти полную непромокаемость (№ 395—39), но оленнымъ чукчамъ это искусство неизвѣстно и они только изрѣдка могутъ покупать сапоги изъ такой кожи у приморскихъ промышленниковъ или у русскихъ порѣчанъ.

Нѣкоторые чукчи впрочемъ дѣлаютъ себѣ лѣтнюю одежду изъ болѣе

толстой дымленины, въ особенности штаны, которые лѣтомъ при ходьбѣ по болотамъ портятся и рвутся такъ-же скоро, какъ и обувь.

Зимняя верхняя одежда чукчей состоитъ изъ широкихъ и длинныхъ балахоновъ wуты́чӈын, снабженныхъ большимъ капюшономъ, который часто опушается волчьимъ мѣхомъ. Въ настоящее время чаще всего эти балахоны шьются изъ пестрыхъ тканей русскаго и американскаго привоза, у богатыхъ изъ краснаго сукна, изъ пестрыхъ байковыхъ одѣялъ, изъ полосъ пестрыхъ платковъ, изъ цвѣтнаго ситца, № 395—60. Чукчи всѣ ткани, покупаемыя ими, употребляютъ именно на эти балахоны, такъ какъ они совершенно не носятъ рубахъ или какого-нибудь иного бѣлья. Кромѣ тканей такіе балахоны дѣлаются также изъ мягко выдѣланной остриженной шкуры взрослаго оленя или изъ замши, окрашенной въ желтый цвѣтъ посредствомъ охры чӧ́рычэр (№ 395—61). Нижнеколымскіе русскіе заимствовали отъ чукчей привычку носить такіе же замшевые или матерчатые балахоны (*камлейки*), но любимый ихъ цвѣтъ черный, и они употребляютъ черный ластикъ, люстринъ или другую матерію того же рода.

Чукчанки напротивъ не носятъ балахоновъ изъ матеріи и шьютъ свою верхнюю одежду изъ лѣтней шкуры взрослаго оленя, очень тонкошерстной, мягко выдѣланой и окрашенной въ красивый красный цвѣтъ при помощи настоя ольхи. Женская камлейка (кэмлы́ӈын) (№ 395—4) широка и коротка, она увѣшана вокругъ пояса бахромой изъ ровдуги (замши), а на спинѣ украшена клочками волосъ и вышивками, которыя имѣютъ отношеніе къ различнымъ лѣтнимъ праздникамъ. Эта одежда кромѣ защиты отъ ненастья имѣетъ обрядовое значеніе, такъ какъ женщина, собираясь участвовать въ различныхъ праздникахъ въ качествѣ веӈа́лын[1]), должна непремѣнно надѣвать кэмлы́ӈын. За то почти всѣ женщины повязываютъ теперь голову пестрымъ платкомъ, подражая въ этомъ русскимъ или ламутскимъ сосѣдкамъ. Конечно зимою платки уступаютъ мѣсто шапкѣ. Кромѣ того женщины, желая щегольнуть, покрываютъ плечи цвѣтною бумажною шалью, очень плохого качества, а мужчины повязываютъ шеи небольшимъ бумажнымъ же шарфомъ (э́ӈы-кэ́мӈыl т. е. ошейникъ).

Дѣтская одежда чукчей отличается такой же раціональностью, какъ и мужская одежда. Грудныя дѣти завязываются въ мѣховой мѣшокъ, выложенный внутри самой мягкой телячьей шкуркой съ четырьмя глухими развѣтвленіями для рукъ и ногъ (№ 395—11). Снизу мѣшокъ открытъ и къ нему пристегивается широкій клапанъ, ма́кы, составляющій необходимую

1) Веӈа́лыт (исключительно женщины) исполняютъ родъ обрядовой пляски передъ своимъ домашнимъ очагомъ во время исполненія обрядоваго служенія мцы́кін, составляющаго родъ тризны надъ продуктами охоты или промысла.

часть дѣтскаго костюма до 6—8 лѣтняго возраста. Голова ребенка скрывается въ огромномъ капюшонѣ, а лицо по желанію можетъ задергиваться мѣховымъ передникомъ. Вмѣсто бѣлья подъ ребенка подкладываютъ слой мху, перемѣшаннаго съ оленьей шерстью. Нѣсколько разъ въ день чрезъ отверстіе ма́кы этотъ слой извлекаютъ и замѣняютъ новымъ. Это является чрезвычайно гигіеничнымъ способомъ, такъ какъ такая подстилка очень гигроскопична и у каждой матери находится подъ руками. Поэтому такой способъ обращенія съ младенцами принятъ всѣми племенами сѣверовостока, не исключая и русскихъ

Когда дѣти начинаютъ ходить, ихъ одѣваютъ въ ҕаlҕе́-кѐр «цѣльно (сшитое) платье» (№ 395—10), — который облекаетъ все тѣло и оканчивается капюшономъ, пришитымъ сзади къ вороту; сзади костюмъ снабженъ клапаномъ, а рукава наглухо зашиты на концахъ, но снабжены прорѣзами сбоку, куда ребенокъ при желаніи можетъ просовывать руки. Маленькія дѣти съ развязавшимся клапаномъ, конецъ котораго далеко волочится сзади, составляютъ одно изъ самыхъ обычныхъ зрѣлищъ на чукотскомъ стойбищѣ. Ребенокъ, который носитъ такое платье, называется каlҕѐ-ке́ḋа̂н и это служитъ обозначеніемъ извѣстнаго возраста отъ трехъ до шести лѣтъ. Вмѣсто этого говорятъ также lѵ́мҕыḋа̂н — «въ капюшонѣ» отъ lѵ́мҕыlѵм «капюшонъ». Любопытно указать, что между тѣмъ какъ взрослые чукчи никогда не пришиваютъ капюшоновъ къ своей мѣховой рубахѣ, смертная одежда мужчины тоже имѣетъ капюшонъ, и покойника называютъ поэтому иногда тоже lѵ́мҕыḋа̂н.

Въ лѣтнее время для защиты отъ непогоды чукчи надѣваютъ укэ́нчіт, балахонъ изъ весенней кожи оленя, очищенной отъ шерсти. Весенняя кожа оленя отличается тонкостью, такъ что балахонъ, сшитый изъ нея, очень легокъ, но за то послѣ каждаго дождя укэ́нчіт сначала совершенно размокаетъ, потомъ засыхаетъ и съеживается въ комокъ и для того, чтобы надѣть, его нужно сначала слегка размочить.

Напротивъ того раттам-wуты́чhын — балахонъ, сшитый изъ той копченной дымленины, о которой я говорилъ выше, гораздо удобнѣе, но пастухи считаютъ его нѣсколько тяжелымъ для постоянныхъ скитаній со стадомъ.

Для защиты отъ комаровъ чукчи иногда надѣваютъ мрано́wкуп, родъ замшеваго очень глубокаго капюшона съ пришитой къ нему пелериной, защищающей плечи. Зимою на тундрѣ пожилые люди иногда покрываютъ головы и плечи такой же пелериной съ капюшономъ, сшитой изъ толстой шкуры взрослаго оленя, замѣняя ею большой волчій капоръ.

Украшенія.

Чукотскія женщины, а также отчасти и мужчины, имѣютъ на своей одеждѣ и на самомъ тѣлѣ много различныхъ подвѣсокъ, изъ которыхъ иныя служатъ амулетами, а большая часть удовлетворяетъ потребности къ самоукрашенію.

Амулетами является: 1) мынӈӈа́чаw (№ 434—50 b) — браслетъ. Онъ состоитъ изъ бусинки, навязанной на ремешокъ, обвитый то вокругъ лѣвой, то вокругъ правой руки. Ребенку надѣваютъ мынӈӈа́чаw вскорѣ послѣ рожденія. Онъ имѣетъ назначеніе предохранять владѣльца отъ нападенія Кэ́lэт (злыхъ духовъ), причемъ бусина считается представляющей бубенъ, а ремешокъ есть символъ духа покровителя, который защищаетъ того человѣка, которому его сила подчинена.

Точно такое же значеніе имѣетъ е́ннычhын — ожерелье (434—47 c), которое состоитъ тоже изъ ремешка, поддерживающаго небольшой мѣшочекъ, заключающій въ себѣ бусину, камешекъ, иногда шкурку небольшой птички или мелкаго звѣря, который считается въ такомъ случаѣ покровителемъ владѣльца.

Нѣкоторыя женщины носятъ также рөнма́ччаw — поручни, совершенно подобные кожаному браслету запастья, но обвивающіе верхнюю часть руки.

Такое же символическое значеніе имѣетъ головная повязка мужчинъ чэ́wчэчэw (№ 434—49 d), состоящая изъ узкаго ремешка, усаженнаго бусами въ перемежку съ ѐтт-орawéďат — буквально «деревянные люди». Это небольшіе безформенные кусочки дерева, которые считаются покровителями владѣльца и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣстителями его по отношенію къ ударамъ злыхъ духовъ Кэ́lę, обрушивающихся на его голову. Впрочемъ чэ́wчэчэw носятъ по преимуществу люди приморскаго происхожденія.

Она замѣняется иногда одной или двумя небольшими бусами, прикрѣпленными къ волосамъ на темени при помощи тщательно связаннаго узла.

Къ одеждѣ мужчинъ и женщинъ въ разныхъ мѣстахъ привѣшиваются өкка́мак'и, состоящіе изъ узкой кожанной полоски, раздвоенной снизу, что должно изображать ноги.

Кромѣ браслетовъ и ожерельевъ символическаго характера женщины носятъ ихъ и въ видѣ настоящаго украшенія. Браслеты выковываются изъ желѣза или изъ мѣди самой грубой работы, или представляютъ собой жильную нитку съ довольно жидко надерганными на нее бусами. Главнымъ

матеріаломъ для составленія ожерельевъ служатъ тоже бусы различной величины и цвѣта, начиная отъ очень крупныхъ, величиною съ вишню, и кончая мелкимъ бисеромъ. Затѣмъ сюда входятъ пуговицы мѣдныя и фарфоровыя, различныя металлическія украшенія, напр. мѣдные гвозди, сорванные съ стараго чемодана и т. п. мелкіе предметы. Въ расположеніи ихъ чукчанки обнаруживаютъ полное отсутствіе вкуса и чувства симметріи, что въ особенности выдѣляется рядомъ съ симметрическими украшеніями ламутокъ.

Серьги дѣлаются изъ того же матеріала и по общему правилу въ отверстіе мочки уха продергивается тонкій ремешокъ, на концѣ завязанный узелкомъ. Волосы свои чукчанки заплетаютъ въ двѣ косы, располагая ихъ такъ чтобы онѣ торчали по сторонамъ головы, и украшаютъ ихъ такими же бусами и пуговицами. Это относится главнымъ образомъ къ дѣвушкамъ, между тѣмъ какъ женщины повязываютъ голову платкомъ, но иногда въ передніе пряди вплетаютъ по нѣсколько разноцвѣтныхъ бусъ и выпускаютъ ихъ на лобъ. Пожилыя чукчанки нерѣдко коротко стригутся.

Мужчины выстригаютъ свои волосы очень гладко, оставляя спереди у лба широкую болѣе густую бахрому, и иногда украшая темя двумя пучками волосъ, торчащими по сторонамъ головы, какъ звѣриныя уши.

Особенно крупныя бусины на отдѣльномъ ремешкѣ пришиваются въ различныхъ мѣстахъ къ одеждѣ и служатъ особыми подвѣсками. Кромѣ того на спинѣ и на верхней части рукавовъ пришиваются красныя пенакáлӈыт, о которыхъ я говорилъ выше (стр. 10).

Мужчины иногда носятъ ожерелья въ видѣ одного ряда бусъ, также браслеты изъ бусъ, и нѣсколько чаще бисерныя серьги. Это дѣлается или вслѣдствіе указанія, полученнаго во снѣ, или по повелѣнію шамановъ послѣ болѣзни или какого нибудь несчастія, для того, чтобы предовратить гнѣвъ или нападеніе духовъ Кэ́лӷ, но серьги обыкновенно не продергиваются въ мочки, а вѣшаются на уши и связываются сзади ниткой.

Вышивки чукотскихъ женщинъ также лишены вкуса, какъ и ихъ украшенія. Онѣ производятся шерстью, снятой съ оленьяго, а еще лучше лосинаго подгривка или тонкой нитью, ссученной изъ сухожилій. Шерсть и жильная нить иногда предварительно окрашиваются въ желтый или зеленый цвѣтъ. Разноцвѣтный бисеръ, столь любимый ламутками, чукчанки почти не употребляютъ. Самый любимый рисунокъ чукотскихъ вышивокъ представляетъ неправильный рядъ небольшихъ дырочекъ, обметанныхъ по краямъ и напоминающихъ такъ называемое англійское вышиваніе. Нижній край одежды, оторочка сапогъ, легкая шапка иногда украшаются узоромъ, выложеннымъ изъ черныхъ и бѣлыхъ квадратиковъ гладкой оленьей шкуры, довольно грубо вырѣзанныхъ и сшитыхъ вмѣстѣ. Коряки, живущіе

съ чукчами въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ, развили у себя очень сложное и очень красивое вышиваніе такихъ оторочекъ, которое теперь начинаетъ превращаться въ кустарный промыселъ и однимъ изъ основныхъ мотивовъ котораго является соединеніе безчисленныхъ квадратныхъ и ромбовидныхъ кусочковъ шкуры въ общій причудливый узоръ. Нѣкоторые изъ такихъ узоровъ заключаютъ нѣсколько тысячъ такихъ крошечныхъ кусочковъ, въ вырѣзываніи и подбираніи которыхъ участвуютъ маленькіе дѣвочки и старухи. Другіе вышиты разноцвѣтными шелками подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскаго вышиванія, которое производится на Колымѣ и Анадырѣ, — но гораздо красивѣе его.

Это коряцкое вышиваніе примѣняется преимущественно къ *опуванамъ*—широкимъ полосамъ другого цвѣта, пришиваемымъ снизу къ верхней мѣховой одеждѣ (рис. № 441—17 е).

Чукчанки, какъ сказано, не пошли дальше первоначальныхъ начатковъ этого искусства.

Нѣкоторыя вышивки имѣютъ также символическое значеніе. Таковы такъ называемые тíркіір «солнце» и jíłҕын «мѣсяцъ», вышитые кружки, украшающіе снаружи заднюю стѣнку нарядной кибитки. На такомъ кружкѣ изображены солнечные или лунные лучи, рядъ концентрическихъ круговъ обозначаетъ послѣдовательный рядъ вселенныхъ. Въ промежуткахъ изображены въ видѣ круглыхъ дырочекъ различныя звѣзды: Полярная Звѣзда — Унн-э́цэр (Воткнутый колъ-звѣзда). Арктуръ и Вэга, называемыя Головами (Lэ́ўтті; Арктуръ есть Передняя Голова Jáпот láўт, а Вэга — Задняя Голова Jáal-láўт). Венера — ҕытóтан (Прозрачныя ребра). За звѣздами слѣдуютъ птицы, изображаемыя крестиками, а иногда также и люди, тоже изображаемые крестиками, но болѣе вертикальными.

Раскрашиваніе лицъ у чукчей имѣетъ по преимуществу обрядовое значеніе. Во время большого осенняго праздника убоя неполношерстныхъ оленей (wv́łҕы-ҕаанмáтірҕын), всѣ члены каждой семьи, собираясь вмѣстѣ на обычномъ жертвенномъ мѣстѣ сзади шатра, изображаютъ на своихъ лицахъ кровью убитой жертвы особый наслѣдственный знакъ, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію. Точно такое же помазаніе кровью имѣетъ мѣсто при бракѣ и рожденіи ребенка. Знаки, изображаемые на лицахъ, состоятъ изъ различныхъ весьма простыхъ комбинацій кривыхъ и прямыхъ чертъ. Одна обыкновенно проводится на лбу и одна или двѣ на щекахъ.

При встрѣчѣ съ незнакомыми людьми, приходѣ въ чужое селеніе, особенно, если есть опасеніе заразительной болѣзни, многіе чукчи, особенно женщины, разрисовываютъ себѣ лицо графитомъ, проводя вертикальную черту на лбу и вдоль средней линіи носа и нѣсколько болѣе мелкихъ чертъ

на вискахъ и щекахъ. Это имѣетъ цѣлью перемѣнить внѣшній видъ и сдѣлаться неузнаваемымъ для духовъ болѣзни. Съ тою же цѣлью другіе чукчи перестригаютъ волосы или измѣняютъ цвѣтъ своей обычной одежды, принимаютъ новое имя, преимущественно имя хищнаго звѣря, медвѣдя, волка, собаки.

Оленьи шкуры, употребляемыя для одежды, дѣлятся на различные разряды соотвѣтственно возрасту животнаго и длинѣ его шерсти, которая точно соотвѣтствуетъ времени убоя.

1) Телячья шкура ҕају́-нэ́lҕын, неправильно называемая русскими *выпоротокъ*, какъ будто бы она была снята съ недоноска, на са́момъ дѣлѣ снимается съ теленка, издохшаго вскорѣ послѣ рожденія (до двухъ мѣсяцевъ). Почти каждую весну телята во множествѣ пропадаютъ отъ ночнаго холода и отъ истощенія, особенно когда вслѣдствіе преждевременныхъ оттепелей пастбища леденѣютъ и молодыя матки не могутъ добывать изъ-подъ смерзшагося снѣга достаточное количество мху, а потому даютъ мало молока. Сами чукчи почти не употребляютъ телячьихъ шкурокъ, вслѣдствіе ихъ непрочности и собираютъ ихъ для продажи русскимъ торговцамъ. Выпоротокъ имѣетъ очень различную цѣну, соотвѣтственно различію цвѣта. Пестрый или рыжій выпоротокъ цѣнится 20—30 к., сѣрый — немного дороже, а коричневый и темнокоричневый отъ 50 к. до 1 р., съ средней обычной цѣной при покупкѣ большихъ количествъ — 80 к.; на Анюйской ярмаркѣ 3 выпоротка даютъ за одинъ кирпичъ чаю, считая номинальную цѣну кирпича чаю 2 рубля. Выпоротки оленя чукотской породы гораздо чернѣе, чѣмъ ламутскіе, а коряцкіе выпоротки еще чернѣе чукотскихъ. Отборные коряцкіе выпоротки на Анюйской ярмаркѣ носятъ названіе *атласныхъ* и доходятъ до полутора рубля, причемъ въ обмѣнъ за нихъ можно получить водку, между тѣмъ какъ чукотскіе выпоротки не удостаиваются такого отличія. Выпоротки вывозятся въ Якутскъ и отсюда расходятся по всей Восточной Сибири, гдѣ изъ нихъ приготовляютъ преимущественно шапки.

2) Телячья шкура, снятая въ началѣ лѣта со склоченной кудрявой шерстью (у русскихъ - *кудряшъ*), гораздо крѣпче обыкновеннаго выпоротка и довольно охотно покупается мѣстными русскими на подбой платья, но въ торговлю не поступаетъ.

3) Шкура оленьяго теленка 4—7 мѣсяцевъ не́ечвак-на́lҕын, по русски *пыжикъ*, составляетъ, какъ сказано выше, главный разрядъ оленьихъ шкуръ, употребляемый для одежды. Цѣна его тоже измѣняется соотвѣтственно цвѣту и равняется 75 к. до 1 р. 50 к.

4) Шкура взрослаго оленя, снятая весной, считается не имѣющей никакой цѣны, шерсть на ней лѣзетъ и виситъ клочьями, мездра очень тонка

и кромѣ того усѣяна круглыми дырочками отъ личинокъ оленьяго овода, выходящихъ въ это время изъ оленьей спины (№ 443—23). Она употребляется на мѣшки, на лѣтнія *окончины*, на дождевые балахоны и т. п.

5) Шкура взрослаго оленя, снятая лѣтомъ послѣ того какъ олень успѣлъ вылинять, wv́lӈы-нálӈын, буквально — тонкая шкура, по русски *недоросль* или *недорость*, въ торговлѣ цѣнится дороже всего, 1 р. до 1 р. 50 к. и дороже. Въ это время оленья шкура наиболѣе черна и шерсть на ней крѣпче; поэтому верхняя одежда изъ недоросля является наиболѣе практичной, если она соединена съ подбоемъ изъ легкаго и теплаго мѣха; но сами чукчи считаютъ ее, благодаря сравнительно плотной мездрѣ, слишкомъ тяжелою и для той же цѣли берутъ лѣтніе пыжики, которые гораздо легче.

6) Шкура взрослаго оленя, убитаго поздней осенью или зимой, ӈì-нэ́lӈын. Употребляется на постели, также для приготовленія палатокъ, а также для приготовленія рóвдуги (замши). Русскіе торговцы скупаютъ такія шкуры у чукчей именно для того, чтобы приготовлять изъ нихъ замшу.

Выдѣлка шкуръ крупныхъ и мелкихъ производится приблизительно всѣми племенами одинаково. Она состоитъ изъ соскабливанія всякихъ лишнихъ пленокъ и неровностей на наружной сторонѣ мездры, разминанія при помощи рукъ, ногъ, каменнаго скребка и просто тупого камня, вставленнаго въ ту же деревянную оправу, и смазыванія различными острыми и жирными веществами для того, чтобы размягчить жесткую кожу. Для первоначальной смазки употребляется прокисшая печень, оленій калъ, смѣшанный съ печенью, или безъ примѣси. Русскія мастерицы примѣняютъ для этой цѣли также рыбью печень и рыбью икру. Потомъ шкуру скоблятъ и мнутъ, потомъ намазываютъ тюленьимъ жиромъ, прокисшимъ оленьимъ мозгомъ, или просто тюленнымъ саломъ, а русскія мастерицы рыбьимъ жиромъ; потомъ опять усиленно мнутъ, слегка вспрыскивая тепловатой водой, а чукчанки мочей. Якутскія и русскія мастерицы на средней Колымѣ этимъ ограничиваются, но чукчанки, ламутки и нижнеколымскія русскія работницы еще красятъ мездру шкуры въ красивый цвѣтъ настоемъ ольховой коры (у чукчанокъ на мочѣ). Отъ этой окраски шкура пріобрѣтаетъ большую мягкость и также становится менѣе способна отсырѣвать. Впрочемъ всѣ шкуры, выдѣланныя такимъ образомъ, пропускаютъ воду, какъ бумага, и высохнувъ послѣ смачиванія, коробятся, сморщиваются и вообще портятся. Чукчанки все-таки выдѣлываютъ всѣ шкуры мягче, чѣмъ работницы другихъ племенъ и краска у нихъ ложится гуще и ровнѣе, что тоже увеличиваетъ мягкость кожи.

Между тѣмъ чукчанкѣ приходится выдѣлывать болѣе шкуръ, чѣмъ

кому бы то ни было. При постоянной жизни на открытомъ воздухѣ для чукотскаго пастуха въ высшей степени важно имѣть одежду изъ новой пушистой шкуры. Поэтому зажиточный чукча каждую осень шьетъ себѣ новую одежду, особенно кукашку, а старую продастъ русскимъ промышленникамъ, которые пріѣзжаютъ къ чукчамъ за покупкой одежды; или же онъ отдастъ изношенную одежду бѣднымъ сосѣдямъ. Внѣшній видъ такой одежды, пропошенной одну зиму, таковъ, что ее трудно отличить отъ новой и только при носкѣ начинаешь чувствовать разницу. Далѣе чукчанка должна разъ въ два, три года поставить новый пологъ для спанья, а въ другое время чинить и поправлять старый. Поэтому хорошая чукотская хозяйка никогда не прекращаетъ работу надъ шкурами и всегда мнетъ или краситъ, или сушитъ шкуры какихъ нибудь пыжиковъ или недорослей.

Выдѣлываніе ровдуги производится приблизительно тѣмъ же путемъ, что и выдѣлываніе шкуръ, но предварительно для того, чтобы сбить шерсть, шкуру смачиваютъ, свертываютъ и оставляютъ на одни сутки, послѣ чего шерсть сходитъ при скобленіи совершенно легко. Затѣмъ ровдугу не красятъ въ красный цвѣтъ, а или желтятъ при помощи охры (№ 443—31) или же бѣлятъ тщательнымъ промываніемъ съ мыломъ и отрубями и продолжительнымъ просушиваніемъ на вѣтрѣ (№ 443—27). Само собой разумѣется, что бѣленіе ровдугъ извѣстно только русскимъ мастерицамъ, которыя вообще превосходятъ инородческихъ женщинъ въ выдѣлкѣ ровдуги. Готовыя ровдуги дымятъ обыкновенно набрасывая ихъ на палки въ видѣ временнаго шатра и разводя внутри тлѣющій костеръ, дающій много дыма. Ровдуга, сильно продымленная, менѣе податлива къ сырости и кромѣ того прочнѣе въ носкѣ.

Болѣе мелкія шкуры, напр. лисицъ, песцовъ, также бѣлокъ, горностаевъ и т. п. выдѣлывать легче, чѣмъ оленьи, такъ какъ мездра ихъ тоньше. Русскія мастерицы выдѣлываютъ ихъ преимущественно при помощи смазыванія жиромъ и икрой, смѣшанной съ отрубями, проскабливанія тупымъ ножомъ и разминанія руками, а чукчанки замѣняютъ отруби печенью и оленьимъ каломъ. Впрочемъ выдѣлка мѣховъ на Колымѣ очень несовершенна, такъ какъ они очень непрочны и быстро плѣшивѣютъ и вылѣзаютъ.

Жилище.

Чукотское жилище јарáңы представляетъ большой шатеръ въ формѣ многоугольника неправильной формы, въ общихъ очертаніяхъ приближающагося къ формѣ полушарія. Основой шатра служатъ три длинныхъ и тол-

стыхъ столба, тэwрiт, связанныхъ вверху и разставленныхъ въ видѣ треножника. На эти столбы опирается рама, связываемая изъ отдѣльныхъ жердей и перекладинъ различной длины и толщины. Каждая изъ этихъ жердей просверлена на одномъ или на обоихъ концахъ и снабжена ремешками, при помощи которыхъ ее можно увязывать. На раму натягивается покрышка рэ́ттэм, сшитая изъ стриженыхъ шкуръ, прежде бывшихъ оболочкою внутренней палатки (joро́цы), но послѣ того передѣланныхъ на наружную оболочку; рэ́ттэм сшитъ двумя полотнищами ра́ттамӈач, которыя связываются между собою веревками, сученными изъ оленьихъ сухожилій. Онъ натягивается на раму такъ, что вверху остается отверстіе для свѣта и для дыма (рынэ́урӈын). Одна пола отворачивается, образуя входъ (тыттыl). Оболочка рэ́ттем'а отъ долгого пребыванія надъ дымомъ очага проканчивается до темнокоричневаго цвѣта, особенно та часть ея, которая находится около дымоваго отверстія; всѣ прорѣхи и даже малѣйшія дырочки отъ падающихъ искръ тщательно покрываются заплатками. Зажиточные оленеводы для лѣта и зимы имѣютъ два отдѣльныхъ рэ́ттэм'а, при чемъ лѣтній рэ́ттэм — похуже и постарѣе, зимній новѣе и толще. Сидячіе чукчи, за неимѣніемъ рэ́ттэм'а изъ оленьихъ шкуръ, покрываютъ свое жилище шкурами тюленей, лахтаковъ или моржей, или же вмѣсто обыкновенной jара́цы ставятъ о́рран, т. е. конусообразный шатеръ изъ тонкихъ жердей, плотно приставленныхъ другъ къ другу и со стороны вѣтра забросанныхъ обрывками шкуръ.

Для того, чтобы чукотская jара́цы могла устоять противъ порывовъ вѣтра, къ основнымъ столбамъ привязываютъ огромные камни, въ нѣсколько пудовъ каждый. Такіе же камни привязываются снаружи или ими придавливаютъ наружный край рэ́ттэм'а. За неимѣніемъ камней оболочка рэ́ттэм'а привязывается къ тяжелымъ санямъ, нагруженнымъ рухлядью и поставленнымъ внутри шатра. Оболочка рэ́ттэм'а, послѣ того какъ она натянута, вытягивается при помощи особенныхъ *пятниковъ*, состоящихъ изъ кривой перекладины, подпертой крѣпкимъ и длиннымъ шестомъ. Съ вытянутой такимъ образомъ jара́цы скатывается падающій снѣгъ и никакой вѣтеръ не можетъ сорвать ее съ мѣста.

Внутри шатра ставится внутренняя спальная палатка joро́цы. Она представляетъ видъ четвероугольнаго ящика безъ дна, сшитаго изъ самыхъ мохнатыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь. Мездра шкуръ окрашена въ густой красный цвѣтъ настоемъ ольховой коры, вымоченной въ водѣ, бульонѣ или чаще всего въ человѣческой мочѣ. Joро́цы (у мѣстныхъ русскихъ называется *пологъ*) ставится у задней стѣны наружнаго шатра и удерживается въ растянутомъ видѣ при помощи особыхъ подпорокъ съ раздвоеннымъ концомъ и перекладинъ.

Полъ ʼјорóҥы устилается мохнатыми оленьими шкурами (áјкоlте) и полы подворачиваются подъ эти шкуры, со всѣхъ сторонъ, глухо облагая ящикъ. Передняя пола подворачивается, оставляя лазейку для входа, но когда всѣ войдутъ, она опускается и тоже подворачивается подъ шкуры настилки. Для того, чтобы она держалась крѣпче, спереди во всю длину кладутъ валикъ (чóтчот), обыкновенно состоящій изъ двухъ узкихъ и длинныхъ мѣшковъ съ рухлядью (нíркыт). Этотъ валикъ служитъ также и изголовьемъ, такъ что чукчи спятъ головою къ выходу. Јорóҥы нагрѣвается животной теплотой обитателей, а отчасти также жировой лампою, которая ставится посрединѣ задней стѣны на деревянной подставкѣ, въ видѣ небольшаго четыреугольнаго корыта. Послѣ того, какъ внесены горячіе чайники съ чаемъ и котлы съ пищей, температура такъ повышается, что всѣ люди, сидящіе въ јорóҥы, снимаютъ съ себя всю лишнюю одежду и большею частью обнажаются до пояса. Но потомъ, если ночующихъ въ јорóҥы людей не такъ много, къ утру она опять остываетъ. Такъ какъ дыханіе людей и испаренія пищи осаждаются на стѣнки въ видѣ росы, на болѣе тонкихъ мѣстахъ и плѣшинкахъ промерзающей насквозь, то јорóҥы необходимо каждый день снимать и подвергать чисткѣ. Для этого јорóҥы разстилается на снѣгу и предварительно хорошенько вымораживается, потомъ женщины тщательно выколачиваютъ ее при помощи кривыхъ колотушекъ тыýјҕып, сдѣланныхъ изъ оленьяго рога. Послѣ того јорóҥы вытряхаютъ и наконецъ просушиваютъ, развѣсивъ на кольяхъ или вѣтвяхъ дерева.

Зимой всю эту работу необходимо продѣлывать каждый день, а весной или осенью черезъ день или черезъ два, смотря по степени холода. Въ суровые зимніе морозы јорóҥы, простоявшая лишній день безъ чистки, отогрѣваясь начинаетъ мокнуть и на голову сидящихъ людей капаютъ капли накопившейся раньше сырости.

Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ мохнатая јорóҥы замѣняется áҕран'омъ, сшитымъ въ той же формѣ, но изъ низко остриженныхъ обыкновенно довольно ветхихъ шкуръ. Такой же áҕран ставится и на зимовьѣ, гдѣ чукчи проводятъ два или три самыхъ холодныхъ мѣсяца. Зимній áҕран укрѣпляется на деревянной рамѣ, въ видѣ переплета жердей и покрывается толстыми пучками травы, связанными вмѣстѣ. Áҕран укрѣпляется настолько, что по крышѣ его можно ходить. Въ противоположность мохнатной палаткѣ, áҕран во все время зимованья не снимаютъ съ мѣста и не вытряхиваютъ. Внутри его цѣлый день горитъ лампа, а въ наружномъ шатрѣ передъ входомъ въ áҕран постоянно тлѣетъ костеръ. Поэтому áҕран, окруженный и снаружи болѣе или менѣе нагрѣтымъ воздухомъ, меньше отсырѣваетъ, хотя къ концу зимовки стѣны его все-таки размокаютъ и пребы-

ваніе въ немъ становится довольно тягостнымъ, благодаря гніенію шкуръ и сырости.

Сидячіе чукчи вмѣсто такого а̓ӈран'а устраиваютъ болѣе прочное жилище ом-ра́н изъ деревянной рамы, обложенной дерномъ. Такой ом-ра́н въ отличіе отъ мѣховаго а̓ӈран'а устраивается внѣ шатра и примыкаетъ къ шатру только одной стѣной, въ которой для входа устраивается досчатая дверь, обшитая шкурами. Такой о́м-ран обширнѣе размѣрами и въ немъ можно даже встать на ноги, между тѣмъ какъ мохнатая спальная палатка позволяетъ только встать на колѣни. При отдаленныхъ путешествіяхъ, напр. при торговыхъ поѣздкахъ съ Чукотскаго мыса на Колыму или Анадыръ и обратно, чукчи возятъ съ собой совсѣмъ маленькую jopо́ны, иногда даже нѣчто вродѣ мѣшка, въ которомъ могутъ помѣститься только два или три человѣка. Надо сказать, впрочемъ, что вообще тѣсная мохнатая палатка кочевыхъ чукчей, хотя и меньше неподвижнаго а̓ӈран'а, но гораздо чище его. Шкуры, постоянно вымораживаемыя и выколачиваемыя на вольномъ воздухѣ, сохраняютъ опрятный видъ, между тѣмъ какъ въ зимнемъ помѣщеніи царствуетъ невообразимая грязь и вонь.

Модель жилища оленныхъ чукчей, наружный шатеръ — № 408—1. Ро́ттэм, оболочка наружнаго шатра въ двухъ половинахъ № 422—110, 116. Мохнатая спальная палатка № 422—117. Оболочка походнаго шатра № 422—118.

Модель жилища сидячихъ чукчей ом-ра́н № 408—2. Колотушки для выколачиванія снѣга изъ шкуръ тыӯӈын № 408—3, 4; № 434, 7.

Утварь.

Въ большомъ наружномъ шатрѣ центральное мѣсто занимаетъ очагъ въ видѣ огнища, обыкновенно нѣсколько углубленнаго въ землю, надъ которымъ на веревкахъ, привязанныхъ къ одному изъ основныхъ столбовъ, свѣшиваются два крюка, назначенные для подвѣшиванія котловъ и чайниковъ. По сторонамъ огнища стоятъ нарты, въ которыхъ сложена посуда и всякая рухлядь.

Впрочемъ огнище часто устраивается и на открытомъ воздухѣ, причемъ котлы подвѣшиваются на деревянномъ трепогѣ, состоящемъ изъ трехъ связанныхъ вмѣстѣ жердей съ спускающимся крюкомъ, подвязаннымъ на веревкѣ.

Въ настоящее время посуда для варки пищи состоитъ исключительно изъ желѣзныхъ и мѣдныхъ котловъ, покупаемыхъ отъ американцевъ и русскихъ, причемъ, между прочимъ, чукчи предпочитаютъ нелуженное

желѣзо, такъ какъ обыкновенно котлы изъ такого желѣза толще. Но до прихода русскихъ, по преданію, въ употребленіи были глиняные горшки, которые густо смазывались кровью оленя или тюленя и потомъ высушивались на огнѣ. Есть также указаніе на высѣканіе котловъ изъ мягкаго камня, подобно тому, какъ теперь дѣлаютъ чаши для лампъ. Кромѣ котловъ въ настоящее время въ употребленіи у чукчей желѣзныя сковороды, которыя служатъ, впрочемъ, не для приготовленія пищи, а замѣняютъ блюда, такъ какъ чукчи, если и жарятъ мясо, то прямо въ горячей золѣ. Нерѣдко также встрѣчаются желѣзныя эмалированныя тарелки.

Впрочемъ, чаще всего въ употребленіи находятся деревянныя корыта — кэмэ̑ӈы или у́ккăм, самой примитивной формы, и полукруглыя чаши — кокó-кóӈын, различной величины, выдолбленныя изъ наплыва на стволѣ или корнѣ лиственницы. Чаши служатъ для самого различнаго употребленія, онѣ являются мисками для ѣды и для храненія остатковъ пищи, ковшами, пріемниками для пищи и т. п.

Такіе же ковшики, поменьше, замѣняютъ разливательныя ложки; обыкновенныя ложки для ѣды дѣлаются изъ рога дикаго барана, который распаривается въ кипяткѣ и потомъ съ большой легкостью обрабатывается ножомъ. Оленій рогъ для этой цѣли мало пригоденъ, такъ какъ онъ тверже и не представляетъ широкихъ лопастей. Ложки чукотскія очень коротки, почти совсѣмъ безъ ручекъ и по формѣ своей приспособлены болѣе для полужидкой пищи, напр., для каши. Кромѣ бараньяго рога ложки выбиваются также изъ обломковъ старой котельной жести, которая вообще служитъ матеріаломъ для разнообразныхъ подѣлокъ.

Модель тренога съ крюкомъ для подвѣшиванія котла № 408—93. Модель желѣзнаго котла № 408—94.

Модель чукотскаго деревяннаго блюда — у́ккăм № 408—15, № 434—26. Лопасть оленьяго рога, употребляемая для вынимапія мяса изъ котла — рырамнако́ӈын № 434—28. Ложки изъ дерева и рога, по преимуществу бараньяго — о́тту-wо́рӈут и кытэ̀п-wо́рӈут № 434—30, 31.

Чаша изъ лиственничнаго наплыва кокò-кóӈын № 434—29.

Необходимой принадлежностью чукотской внутренней палатки является лампа — э́эк. Чукотская лампа въ старину состояла изъ большой плоской чаши, выдолбленной изъ мягкаго камня; но въ послѣдніе годы у оленныхъ чукчей она все больше и больше вытѣсняется желѣзной сковородой. Приморскіе чукчи не могутъ принять этого типа лампы, такъ какъ для освѣщенія имъ служитъ почти жидкій тюленій жиръ, который вылился-бы со сковороды. Между тѣмъ какъ оленные чукчи употребляютъ твердое и бѣлое сало, вытопленное изъ толченыхъ костей, которое лежитъ пластинами на одной сторонѣ сковороды и по мѣрѣ надобности подкладывается къ горящей

свѣтильнѣ. Свѣтильня дѣлается изъ размельченной гнилушки или изъ болотнаго мха и укладывается въ видѣ валика у передней стороны ламповой чаши, которая всегда ставится наклонно, для того, чтобы по мѣрѣ надобности растопленный жиръ могъ стекать внизъ. Лампа оленныхъ чукчей горитъ свѣтлымъ и ровнымъ пламенемъ безъ малѣйшей копоти. У носовыхъ же чукчей, благодаря употребленію вонючаго тюленьяго жира, лампа сильно коптитъ и распространяетъ тяжелый запахъ. Лампа ставится въ небольшое четвероугольное деревянное корыто, съ выдающимися впередъ краями, для того, чтобы подтеки пролитаго жира и отпадающій угольный нагаръ не могли попадать на шкуры. Корытце это въ свою очередь ставится на какую-нибудь вещь повыше, у оленныхъ чукчей чаще всего на походный ящичекъ съ чайной посудой (коӈцы́ӈочӈын). Заправкой служитъ небольшая деревянная палочка (тэ́ӈычын), которая лежитъ тутъ же возлѣ сковороды.

Каменная лампа для перничьяго жира — wу́ку-а́ак и подставка къ ней № 422—37 и 39.

Для того, чтобы вынимать мясо изъ котла, служитъ просто лопасть оленьяго рога съ развилистыми и острыми концами; такая первобытная вынималка называется рырампако́ӈцын. Для вынманія рыбы служитъ широкая, грубо выструганная *чумичка* изъ дерева, снабженная дырочками для того, чтобы давать стекать водѣ.

Чайную посуду пріобрѣтаютъ отъ русскихъ и американцевъ, причемъ у мѣстныхъ русскихъ они переняли также умѣнье реставрировать разбитыя чашки, посредствомъ желѣзныхъ ободковъ.

Для собиранія оленьей крови употребляется также высушенный большой желудокъ оленя. Въ такіе же мѣшки складываютъ такъ называемое *моня́ло* pи́ӄäpil, т. е. полупереваренный мохъ, вынутый изъ оленьихъ желудковъ. Предварительно это содержимое отжимается при посредствѣ стараго обрывка сѣти; густой остатокъ выбрасывается вонъ, рѣже сушится для употребленія въ пищу, а жидкую зеленоватую кашицу, остающуюся отъ отжиманія, сливаютъ въ мѣшокъ и употребляютъ по мѣрѣ надобности въ пищу; обыкновенно изъ этихъ зеленыхъ остатковъ варятъ кашу съ примѣсью крови и жира. Лѣтомъ запасы крови и pи́ӄäpil складываются въ большіе мѣшки, сшитые изъ кожи, гдѣ они бродятъ и горькнутъ. Въ мѣшокъ съ оленьей кровью складываютъ также всевозможныя обрѣзки и остатки, хрящи носа и губъ, уши и т. д. Вмѣстѣ съ pи́ӄäpil складываютъ также листья тальника и нѣкоторыхъ другихъ растеній; все это смѣшивается и киснетъ до осени, когда оно должно пойти въ пищу.

Чашка и блюдце, разбитые и починенные посредствомъ жестяныхъ ободковъ № 434—32. Такая починка, одинаково употребительна у русскихъ, чукчей, коряковъ и другихъ племенъ азіатскаго сѣверовостока.

Чукчи добываютъ огонь посредствомъ особаго деревяннаго огнива (у́тты-мі́ӈымі́ или ӈы́рӈыр), которое состоитъ изъ деревяннаго бруска, обтесаннаго въ видѣ грубого идола, деревяннаго сверла — ӈі́ӓӈ, роговаго лучка — тіӈу́чын и костяной головки къ сверлу.

Приборъ этотъ дѣлается изъ осиноваго или сосноваго дерева, причемъ сверло дѣлается изъ того же матеріала, что и брусокъ (ywи́к т. е. тѣло). Сосновое дерево берутъ изъ сплавнаго лѣса, который приносится морскими теченіями на берега океана.

Головку дѣлаютъ изъ колѣнной чашки или бабки дика́го оленьяго быка. Если и брусокъ, и сверло сухи, то огонь можно добыть довольно скоро, но если они сколько нибудь отсырѣютъ, то операція значительно усложняется. Процессъ добыванія состоитъ въ томъ, что въ одномъ изъ многочисленныхъ глазъ бруска вертятъ сверло до тѣхъ поръ, пока не появится частица раскаленнаго угля, которую немедленно переносятъ на сухіе уголья, нарочно сохраняемые для этой цѣли, и тогда уже раздуваютъ огонь.

Огонь, добываемый при помощи ӈы́рӈыр, въ настоящее время имѣетъ болѣе обрядовое значеніе и обязателенъ во время многихъ праздниковъ. Въ обычномъ же употребленіи огонь чаще добывается при помощи обыкновеннаго кресала — кы́пын и кремня — ачо́wкун, которые пріобрѣтаются отъ русскихъ. Въ качествѣ трута употребляется особенный губчатый наростъ, который нерѣдко попадается на осиновыхъ и березовыхъ пняхъ. Корку нароста обдираютъ, а губчатую массу варятъ въ водѣ. Конечно чукчи, не углубляющіеся далеко внутрь лѣсной черты, не имѣютъ возможности добывать такой трутъ сами и покупаютъ его отъ русскихъ и въ особенности отъ ламутовъ. Сами они дѣлаютъ трутъ изъ тальничныхъ барашковъ, истертыхъ съ сухимъ углемъ, но не всякому удается запасти столько трута, чтобы хватило на всю зиму, принимая во вниманіе расходъ на закурпваніе трубокъ при стадѣ или на промыслѣ. Къ веснѣ у многихъ хозяекъ уже нѣтъ трута и онѣ поневолѣ должны прибѣгать за свое старинное деревянное огниво.

Спички (ка́wэ-мі́ӈымі́ — шаркающее огниво) попадаются у чукчей въ видѣ исключенія.

Значительнымъ подспорьемъ при недостаткѣ трута служитъ сѣрница, крошечная костяная лодочка, залитая расплавной сѣрой. Каждая искра, падающая на сѣру, тотчасъ же зажигаетъ ее и даетъ возможность легко получить огонь. Сѣрница собственно привезена русскими, но вошла въ употребленіе у всѣхъ племенъ сѣверовостока.

Деревянный приборъ для добыванія огня — у́тты-мі́ӈымі́ № 422—68. Постепенная обработка трута № 444—7.

Оружіе.

Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ главнымъ боевымъ и охотничьимъ оружіемъ чукчей былъ лукъ, такъ что, напр., въ актахъ Анюйской арміи количество чукчей, явившихся для торга, опредѣлялось по числу «людей, лукомъ владѣющихъ». Типичный чукотскій лукъ — líыр буквально «настоящій лукъ», также у́ттыр — «лиственничный лукъ» № 408—75, 76, дѣлается изъ лиственничнаго дерева, по преимуществу изъ мелкослоистаго *креня* (такъ называется лиственничное дерево, слои котораго извиты винтообразно). Для большей крѣпости дерево лука оклеивается однимъ или двумя рядами тонко расчесанныхъ спинныхъ сухожилій оленя и оплетается снуркомъ изъ того же матеріала, густо намазаннымъ клеемъ.

Стрѣлы — мэ́міт № 408—66, 67 представляютъ большое разнообразіе, таковы: у́тты-ма́ӄом, по русски *тумаръ*, просто тонкая деревянная палочка съ цилиндрическимъ утолщеніемъ на концѣ; употребляется для охоты на куропатокъ, бѣлокъ и т. п. мелкую дичь.

Ры́нныӄом, по русски *костянка*, съ наконечникомъ изъ заостренной кости, которая въ настоящее время обрабатывается исключительно желѣзомъ и пыlвы́нты-ма́ӄом — желѣзная стрѣла, наконечникъ которой или вытачивается изъ котельной жести и имѣетъ листовидную или четыреугольную форму, или выковывается изъ стараго желѣза, по преимуществу въ формѣ двуконечной рогатки.

Въ старинныя времена чукчи отличались искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Молодые люди постоянно упражнялись въ стрѣльбѣ и на каждомъ общественномъ собраніи устраивались состязанія, причемъ побѣдитель получалъ призъ, повѣшенный около цѣли. Преданія говорятъ, что цѣлью служилъ деревянный прутъ, воткнутый въ землю, который нужно было расколоть стрѣлой пополамъ, и который назывался ры́пјо, т. е. «воткнутый». Это названіе до сихъ поръ примѣняется къ призу на любое состязаніе, устраиваемое чукчами, такъ какъ призъ всегда привязывается къ палкѣ, воткнутой въ снѣгъ. Въ настоящее время состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука употребительны только между подростками и вообще лукъ все больше и больше вытѣсняется ружьемъ.

Ружья въ употребленіи у чукчей бываютъ трехъ родовъ.

Мílӄыр — буквально «лукъ съ огнивомъ», кремневое ружье обыкновеннаго тунгузскаго типа № 422—36. Такія ружья никогда не были очень распространены среди чукчей, такъ какъ даже ламуты и тунгусы на крайнемъ

сѣверовостокѣ, живущіе исключительно охотой, чувствуютъ недостатокъ въ кремневыхъ ружьяхъ. Въ настоящее время кремневыя ружья употребляются только чукчами западной тундры, а также живущими на верховьяхъ рр. Олоя, Молонды, Уягапа и т. п., т. е. крайними западными и южными форпостами племени. Въ искусствѣ обращаться съ кремневымъ ружьемъ чукчи уступаютъ ламутамъ, а при малѣйшей порчѣ ружья они совершенно безпомощны и должны обращаться къ ламутскимъ или тунгузскимъ кузнецамъ, которые въ обращеніи съ кремневымъ ружьемъ пріобрѣли много практическаго навыка и при помощи самыхъ несовершенныхъ орудій поправляютъ всевозможныя испорченныя части, наваривають изломанное огниво, очищаютъ винтовой стволъ отъ плены и придѣлываютъ новый казенникъ. Я видѣлъ, напр., ламутское ружье, въ которомъ испорченная желѣзная пружина замка была замѣнена костяною.

Къ востоку отъ р. Колымы, въ особенности же начиная отъ средняго теченія обоихъ Анюевъ, среди чукчей находится въ употребленіи американское ружье винчестеръ, которое чукчи называютъ чéӈык — «изворотъ», по внезапному повороту курка № 422—35. Приморскіе чукчи ежегодно покупаютъ десятками такія ружья у американскихъ китолововъ и распространяютъ ихъ по всей области, заселенной чукчами. Вблизи отъ прибрежья каждый взрослый человѣкъ вооруженъ ружьемъ, но и въ Анюйскомъ околоткѣ американскихъ винчестеровъ много, и напр., во время недоразумѣнія между русскими и чукчами на анюйской ярмаркѣ 1895 г. оказалось, что чукчи, бывшіе на ярмаркѣ, имѣли болѣе ста винчестеровъ, между тѣмъ какъ русскіе привезли только одну берданку съ четырьмя патронами. Вмѣстѣ съ ружьями чукчи покупаютъ отъ американцевъ и патроны, а также коробки пистоновъ (јы́ӈычыт — огоньки) и машинки для приготовленія патроновъ, но порохъ, привозимый американцами, плохъ, крупнозернистъ и даетъ много копоти. Американскія ружья часто портятся и тогда чукчи отдаютъ или продаютъ ихъ ламутскимъ кузнецамъ, которые передѣлываютъ ихъ на кремневыя ружья.

Такія передѣлки очень распространены на полярномъ сѣверѣ: напр., американскіе напильники расковываются каменнымъ молотомъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ тесла.

Сѣрый холстъ тщательно раздергивается по ниточкамъ, изъ которыхъ потомъ ссучиваются нити для вязанія невода и т. п.

Пистонныя ружья (вéӀыӀын — буквально «напёрсточникъ», по сравненію пистона, надѣвающагося на капсюль съ напёрсткомъ) распространены очень мало, въ видѣ прихоти нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ приморскихъ жителей. № 422—34 пистонный штуцеръ, купленный отъ американцевъ.

Вторымъ, не менѣе важнымъ предметомъ чукотскаго вооруженія является по́йӈын — копье.

Какъ прежде, такъ и теперь каждый взрослый охотникъ или пастухъ является владѣльцемъ копья, которое повсюду носитъ съ собою или возитъ при партѣ, гдѣ для этого существуютъ особыя завязки. Наконечники чукотскихъ копій выковываются русскими и ламутскими кузнецами, которые вымѣниваютъ ихъ чукчамъ на шкуры и убойныхъ оленей, но чукчи гораздо больше цѣнятъ копья работы сидячихъ коряковъ, которыхъ они называютъ по́wтыӀыт. Эти копья, какъ и всѣ издѣлія по́wтыӀыт'овъ выкованы тоньше и украшены насѣчкой изъ желтой и красной мѣди. Сравнительно съ копьемъ, употребляемымъ русскими на Колымѣ, чукотское копье имѣетъ большее лезвіе и болѣе плотное древко, не говоря уже о такъ называемой *поколюгѣ* (очень маленькое копье съ длиннымъ и тонкимъ древкомъ, которое употребляется исключительно на водѣ для закалыванія оленей и лосей, переплывающихъ рѣки).

Въ старину чукчи упражнялись въ фехтованіи копьями — пойӈыӀа́аркын, причемъ устраивали примѣрныя сраженія на копьяхъ въ видѣ состязанія, но теперь только нѣкоторые старики знаютъ до извѣстной степени пріемы этого искусства, и копье употребляется преимущественно для защиты отъ хищныхъ звѣрей. Не лишнее указать, что при нѣкоторыхъ обрядахъ жертва должна быть убиваема при помощи именно копья.

Чукотскія копья № 408—48, 49; № 444—12. Поколюга—№ 408—62. Копье чукотской работы № 434—13.

Во время войнъ съ та́нӈ'ами, т. е. русскими, коряками и чуванцами, которые всѣ объединяются подъ этимъ общимъ именемъ, у чукчей были также въ употребленіи панцыри — мы́рӈэw.

Эти панцыри дѣлались изъ полосъ лахтачной кожи, связанныхъ вмѣстѣ ремешками, или изъ небольшихъ, тоже связанныхъ ремешками, желѣзныхъ пластинокъ. Отъ этихъ мы́рӈэw надо отличать jeӈӈэ́wқун (буквально заслона кишекъ), который есть ничто иное, какъ желѣзная кольчуга. Кромѣ панцырей существовали налокотники и колпаки, покрывавшіе голову, также кожаные и деревянные щиты — ката́т «заслона». О происхожденіи этихъ панцырей трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Чукчи приписываютъ ихъ выдѣлку своимъ предкамъ, которые будто бы умѣли ковать желѣзо.

Въ коллекціяхъ имѣются два панцыря, одинъ 434—10 a, b, с сдѣланъ изъ желѣзныхъ пластинокъ, сшитыхъ ремешками, продернутыми сквозь отверстія, пробитыя въ пластинкахъ, при немъ налокотникъ и *мишанъ* изъ такого же матеріала. Другой панцырь № 434—9 сдѣланъ изъ полосъ лахтачной кожи, тоже сшитыхъ ремешками. Вмѣстѣ съ панцырями сшиты два щита изъ луба, обшитаго тонкой кожей.

Ножи, употребляемые чукчами, дѣлятся соотвѣтственно величинѣ на: поясные — ре́ччет-ва́l (поясной ножъ) и большіе — ре́ҫӈӓн или ре́ҫӈу-wal. Точное значеніе слова ре́ҫӈӓн теперь потеряно.

Ножи пріобрѣтаются отъ русскихъ, ламутскихъ и коряцкихъ кузнецовъ, отъ якутскихъ купцовъ и американскихъ китолововъ, но обыкновенно имѣютъ ножны чукотской работы, грубо сшитыя изъ обрывка твердой кожи. Поясные ножи гораздо меньше. До появленія европейцевъ матеріаломъ для выдѣлыванія ножей служилъ вӣ́ӯт — китовый усъ и всѣ преданія и сказки постоянно упоминаютъ маленькій китоворусовый ножичекъ, которымъ герой убиваетъ чудовищъ и побѣждаетъ богатырей. Хотя въ коллекціи есть два каменныхъ ножа — wӯ́ӈу-wal, но по своему внѣшнему виду они являются подражаніемъ желѣзному ножу и едва ли были бы пригодны для практическаго употребленія.

Большіе ре́ҫӈу-wal вполнѣ соотвѣтствуютъ якутскому *батасу*, хотя формы ихъ гораздо разнообразнѣе; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до $2^1/_2$ четвертей длины. Такой ножъ является боевымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нарядным ножомъ чукчей и отсутствіе его свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности.

Ре́ҫӈу-wal — большой ножъ № 408—80, 87. Поясной ножъ — ре́ччет -bal — № 408—81.

Каменные ножи сомнительнаго происхожденія № 434—90.

Оружіемъ, которое въ настоящее время выходитъ изъ употребленія, является также праща — wыіјо́wы, хотя въ сказкахъ и преданіяхъ она часто упоминается.

Слѣдуетъ упомянуть еще оригинальное оружіе э́пӓкӓт, связку крѣпкихъ шнурковъ съ шариками изъ оленьяго рога, привязанными на концахъ. Въ настоящее время это оружіе употребляется для ловли птицъ, причемъ его бросаютъ въ средину стаи, пролетающей мимо. Но одна изъ записанныхъ мною сказокъ (см. мой сборникъ «Матеріалы по чукотскому фольклору», нынѣ издаваемый Имп. Академіей Наукъ, текстъ № 167) описываетъ э́пӓкӓт какъ военное оружіе, причемъ роговые шарики замѣщены когтями т. е. крючьями.

Другое метательное оружіе — тэ́ӷрыщэ, по русски *ша́тина*, свойственно гораздо больше русскимъ порѣчанамъ, чѣмъ чукчамъ. Шатина представляетъ метательное копье особой формы съ длиннымъ древкомъ, толстымъ спереди, по утончающимся и заострѣннымъ сзади. Голова шатины вооружена четырьмя желѣзными зубцами, торчащими въ разныя стороны и похожими на зубья остроги. Шатину бросаютъ съ особой метательной доски, которая совершенно тождественна съ рисункомъ австралійскаго копьеметателя, помѣщеннымъ у Лёббока (см. Первобытная культура) и нѣ-

сколько разнится отъ многочисленныхъ копьеметателей, принадлежащихъ племенамъ западной и полярной Америки и имѣющихся въ музеѣ. Шатина употребляется исключительно для водяной охоты на летную птицу, но чукчи часто бросаютъ ее безъ копьеметателя просто отъ руки. Замѣчательно, что колымскіе якуты и остатки юкагировъ не знаютъ шатины, которая, какъ я уже сказалъ выше, называется по преимуществу русскимъ оружіемъ.

Праща — № 434—16. Эпläкäт — № 434—14. Шатина — № 408—63.

Орудія.

Для всѣхъ вообще первобытныхъ народовъ главнымъ орудіемъ является обыкновенный ножъ, которымъ они пользуются для разрѣзыванія ѣды и всевозможныхъ другихъ предметовъ. Чукчи напротивъ того не любятъ работать обыкновеннымъ ножомъ и для ремесленныхъ надобностей примѣняютъ различныя видоизмѣненія его.

Первое мѣсто между ними занимаетъ тамéн̀ц̣у-wal — «мастеровой ножикъ». Это очень маленькій ножикъ съ узкимъ отогнутымъ назадъ и слегка искривленнымъ лезвіемъ и съ очень тонкой и короткой рукояткой, которая обматывается ремешкомъ для того, чтобы она не скользнула въ рукѣ.

Вся форма мастерового ножика говоритъ о происхожденіи его отъ орудія, сдѣланнаго изъ кости или китоваго уса. Чукчи именно такими тамéн̀ц̣у-wálат выдѣлываютъ различные переплеты своихъ ѣздовыхъ нартъ, а также вырѣзываютъ различныя костяныя издѣлія значительной художественной цѣнности.

Женщины для кройки кожи употребляютъ ц̣awáн̀-wàl — «женскій ножъ», по русски *палёмка*, по формѣ похожій на сапожный съ полукруглымъ лезвіемъ, а для стрижки оленьихъ шкуръ апакөlы́рҕыly-wal, по русски *стригущій ножъ*, болѣе длинный и узкій чѣмъ палёмка.

Другое, не менѣе распространное чѣмъ ножъ орудіе, обыкновенный топоръ, употребляется чукчами исключительно для того, чтобы валить деревья и рубить дрова. Для всякихъ плотничныхъ работъ его замѣняетъ ҕáтты, по русски *гáтка*, поперечное тесло особой формы, насаженное на изогнутую деревянную рукоять. Орудіе это совершенно чукотское и роговая лопатка вэ́ҕрil, употребляемая для разгребанія снѣга на мѣстѣ, назначен-

номъ для шатра, представляетъ, вѣроятно, его простѣйшій прототипъ. Еще и теперь можно иногда встрѣтить костяную гатку.

Гатки выковываются русскими кузнецами для продажи чукчамъ, хотя русскіе совершенно не умѣютъ владѣть гаткой и никогда не употребляютъ ея. Для мелкихъ работъ гатка весьма пригодна, но для болѣе крупнаго тесанія она плохо приспособлена, вслѣдствіе своей легкости и незначительной ширины лезвія; такъ напр., чукча, вытесывающій гаткой полозья изъ бревна, употребитъ вдвое болѣе времени, чѣмъ русскій или ламутъ, работающій топоромъ. Въ общемъ гатка является такимъ же желѣзнымъ подражаніемъ роговому орудію, какъ нѣкоторые бронзовые топоры, которые подражаютъ типу каменныхъ топоровъ.

Топоры (по чукотски — âlӈáтты, сокращено изъ ā́lын-ӈáтты, буквально — гатка для долбленія), употребляемые чукчами, покупаются преимущественно отъ американскихъ китолововъ.

Это большей частью тяжелые и толстые орудія, назначенныя для раскапыванія, и мало удобныя, напр., для прорубанія просѣкъ, которыя чукчи прокладываютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ передъ своимъ обозомъ. Тѣмъ не менѣе даже русскіе охотно покупаютъ у чукчей такіе топоры, такъ какъ топоры, привозимые изъ Якутска, очень плохи, а мѣстные кузнецы ни выдѣлывать, ни исправлять топоровъ не умѣютъ. Чукотское названіе топора можетъ быть объяснено, если мы взглянемъ на игрушечные топоры, сохранившіе первоначальную форму. Это узкое костяное лезвіе, можетъ быть даже конецъ моржоваго клыка, укрѣпленный въ массивной рукояткѣ, предназначается для пробиванія дыръ. Именно къ этому орудію чукчи приравнивали европейскій топоръ, до того имъ неизвѣстный.

Въ числѣ орудій слѣдуетъ упомянуть также — інэ́ррічhын, костяную или роговую свайку, употребляемую для развязыванія узловъ и на тупомъ концѣ оканчивающуюся небольшой лопаткой, служащей для того, чтобы ѣсть густую кровяную кашу.

Для долбленія льда употребляются всевозможныя *пешни* и мотыки изъ желѣза, кости и камня.

Мастеровой ножикъ — № 422—5, 14; № 408—91. Чукотское долотце — lу́мінӡ — № 408—98. Гатка русскаго издѣлія — № 444—13. Чукотскій самодѣльный топоръ — № 408—89.

Костяная гатка № 408—99. Игрушечный костяной топоръ изъ коллекціи костяныхъ издѣлій племени керековъ (см. опись рисунковъ). Ковырялка для развязыванія узловъ № 434—3.

Въ числѣ орудій, употребляемыхъ мужчинами, слѣдуетъ упомянуть также чáат — арканъ.

Арканъ чукотскаго оленевода имѣетъ 10—15 саженъ длины и утонь-

шается по направленію отъ руки къ кольцу, что дѣлаетъ его полетъ прямымъ. Толстый конецъ его кромѣ того снабженъ узломъ для того, чтобы онъ не выскользалъ изъ рукъ. Кольцо дѣлается изъ оленьяго рога, иногда изъ мамонтовой кости, и очень рѣдко употребляются желѣзныя кольца. Арканъ дѣлается изъ лысоваго ремня, вырѣзывается изъ шкуры лахтака, также изъ моржоваго ремня, сплетается изъ тонкихъ ремешковъ, накроенныхъ изъ оленьей или тюленьей кожи или изъ шнурковъ, ссученныхъ изъ сухожилій. Для большей прочности арканы смазываютъ тюленьимъ жиромъ, потомъ просушиваютъ на вѣтрѣ. Чукотскій «хранитель стадъ» никогда не выходитъ безъ аркана и носитъ его на шеѣ или черезъ плечо, въ видѣ толстаго свертка. Чукотскіе пастухи гораздо искуснѣе въ бросаніи аркана, чѣмъ всѣ сосѣдніе племена. Они пользуются арканомъ не только для поимки оленей, но и для охоты, напр., на дикихъ барановъ, загоняя ихъ при помощи собакъ на какой-нибудь отдѣльно торчащій камень и набрасывая на нихъ арканъ; арканомъ чукотскій охотникъ ловитъ также загнаннаго волка, котораго считается грѣхомъ убивать желѣзомъ или свинцомъ.

Охотникъ за тюленями, также пастухъ при стадѣ для ходьбы по твердому «убою» или неровному оленнему коновищу употребляетъ такъ называемыя вэ́lвы-jэ́ӈыт — буквально «вороньи лапы», небольшія лыжи, состоящія изъ ободка, оплетеннаго тонкимъ ремнемъ; очень легкія и прочныя.

Между тѣмъ какъ широкія и тонкія ламутскія лыжи (по ламутски — мары́нтаl, по чукотски — ты́jот) годятся только для бѣга по гладкому, болѣе или менѣе мягкому снѣгу.

Лыжи вэ́lвы-jэ́ӈыт № 407—22.

Лыжи, подбитыя камусомъ, русскаго издѣлія — № 407—46.

Между орудіями женскаго хозяйства и ремесла прежде всего нужно указать приборъ для размельченія мерзлаго мяса и костей — такама́нjоlӈын. Онъ состоитъ изъ каменнаго молота — рынэ́ӊы, широкаго плоскаго камня — эlу́кын, который играетъ роль подставки и низкой цилиндрической сумы вродѣ широкаго ведра, сшитаго изъ жесткой кожи. Въ этой сумѣ женщина приноситъ нарубленный ледъ для полученія воды и измельчаетъ его при помощи молота на плоскомъ камнѣ. Приборъ этотъ считается частью домашней святыни и неотъемлемой принадлежностью очага. Его также нельзя отдавать въ чужія руки, какъ и огнива или связки та́jӊыӄут. При жертвоприношеніяхъ его выносятъ и помѣщаютъ рядомъ съ огнивами и при помазаніяхъ кровью всѣ три предмета этого прибора помазываютъ наравнѣ съ другими святынями.

Что касается рынэ́ӊы, то онъ имѣетъ обыкновенную удлиненную форму каменныхъ молотковъ, съ короткой деревянной ручкой, подвязанной снизу.

Другимъ каменнымъ орудіемъ является скребокъ для первоначальнаго выдѣлыванія шкуръ, по чукотски — âláпвыпа т. е. соскабливатель кала (оленьяго), которымъ смазываются шкуры для предварительнаго размягченія, по русски *хальбай*.

Скребокъ этотъ состоитъ изъ тонкаго каменнаго диска съ остро обитыми краями, но безъ шлифовки; онъ вставленъ въ крѣпкую двуручную оправу (по чукотски — wýкы-hóјӈып, по русски *камень-дерево*). Въ настоящее время орудіе это употребляется только для болѣе грубой обработки, обыкновенно же вмѣсто его употребляется скребокъ желѣзный (по чукотски — спáпвыца, по русски *аутъ*), въ которомъ каменный дискъ замѣненъ круглымъ желѣзнымъ продырявленнымъ дискомъ, очень похожимъ на переплетный ножъ. Русскія и ламутскія женщины тоже знаютъ каменный скребокъ, но въ настоящее время почти не употребляютъ его; однако на старомъ Стодухинскомъ городищѣ, представляющемъ мѣсто, гдѣ стоялъ сто лѣтъ тому назадъ Нижнеколымскъ, я видѣлъ много старыхъ каменныхъ скребковъ, очень тонкихъ и острыхъ, которые очевидно были въ употребленіи у русскихъ женщинъ.

Изъ оленьяго рога дѣлаются также тяжелыя колотушки — тыу́јӈыт, которыми чукчанки выколачиваютъ снѣгъ изъ пологовъ. Другими, болѣе легкими колотушками тщательно выколачивается снѣжная пыль, набившаяся въ мѣховую одежду; выколачиваніе производится передъ тѣмъ, какъ влѣзать въ пологъ.

Каменный молотъ — рыпэ́цы и наковальня — эју́кып съ кожанымъ мѣшкомъ — такама́пјоiӈып № 408—6, 7.

Каменный скребокъ для кожъ № 408—11, 12. Желѣзный скребокъ № 408—10.

Каменный молотъ кереко въ, приведенный для сравненія № 442—17.

Ӈalа́wӈочhын — мужской рабочій мѣшокъ содержитъ кромѣ указанныхъ выше мастеровыхъ ножей еще нѣсколько рѣзцовъ различной величины — lумі́пэ, которые употребляются для пробиванія отверстій въ деревѣ и кости; также нѣсколько сверлъ для просверливанія дыръ въ полозьяхъ маленькую пилу, очень часто вызубренную изъ стараго ножа и вдѣланную въ оправу изъ оленьяго рога. Не мѣшаетъ отмѣтить, что ӈalа́wӈочhын буквально обозначаетъ мѣшокъ для храненія полосокъ китоваго уса, такъ какъ прежде большая часть инструментовъ дѣлалась изъ китоваго уса.

Пила чукчей № 422—2. Сверло для желѣза № 422—4. Костяное сверло для дерева № 434—1.

Женскій рабочій мѣшокъ содержитъ прежде всего ассортиментъ иголъ, изъ которыхъ самыя лучшія американскія. Чукчанки особенно любятъ большія трехгранныя иглы американскаго происхожденія. За неимѣніемъ

такихъ иголъ онѣ расколачиваютъ обыкновенныя крупныя иглы, отпустивъ предварительно желѣзо на огнѣ и стараясь сдѣлать ихъ многоугольными, такъ какъ многоугольныя иглы берутъ толстую кожу гораздо лучше круглыхъ.

Вмѣстѣ съ иглами хранятся наперстники металлическіе, костяные или даже кожаные, но всегда сквозные безъ донышка и запасъ сухожилій, цѣльныхъ или трепанныхъ и расчесанныхъ на тонкія волокна. Для шитья употребляются сухожилія, снятыя со спины, между тѣмъ какъ болѣе грубыя связки ногъ употребляются для приготовленія шнурковъ и веревокъ. Изъ тонко расчесанныхъ волоконъ сухожилія нить ссучивается почти также какъ изъ грубой конопли. Такія нитки также пригодны для шитья, какъ обыкновенныя суровыя небѣленныя нитки и допускаютъ возможность довольно тонкой работы; онѣ находятся въ употребленіи у русскихъ и у якутовъ точно также какъ и у чукчей, и на нижней Колымѣ при отсутствіи привозныхъ нитокъ ими сшиваютъ даже бѣлье. Чукчи изъ этихъ же нитокъ вяжутъ рыболовныя сѣти, нисколько не уступающія связаннымъ изъ конопляпаго прядева или конскаго волоса.

Къ женскому рабочему мѣшку принадлежитъ и часто привязывается на ремешкѣ узкая и длинная кропльная доска, которая большей частью служитъ также для крошенія табаку. У ламутовъ и русскихъ точно такія же доски употребляются также для избіенія насѣкомыхъ, слишкомъ размножившихся въ бѣльѣ. Для этого бѣлье надѣваютъ внутренней стороной на доску и проводятъ сверху торцовой стороной рукоятки ножа. Это по русски спеціально называется *«выхлопать бѣлье»*. Послѣ такой операціи доска не моется и можетъ быть немедленно употреблена для крошенія табаку. Чукчи такой операціи не дѣлаютъ за неимѣніемъ бѣлья.

Пеӆэ́ттын — оленьи сухожилія спинныя, ӆытка̀-ры́ррыт — оленьи сухожилія ножныя, рыррыыры́ӈolӆa̋l — оленьи сухожилія битыя и трепанныя № 434—40 a, b, c, d.

Рырры́ырыт — нитки изъ сухожилій — № 434—42.

Купрэ́lӆa̋l — мотокъ бичевки для вязанія сѣтей, сдѣланной изъ сухожилій № 434—42.

Тэlэ́т — веревка изъ сухожилій № 434—43.

Ку́прэн — сѣть изъ жильныхъ шнурковъ № 434—44.

Оленеводство.

Главнымъ и даже исключительнымъ занятіемъ оленныхъ чукчей является оленеводство, которое поглащаетъ все время работниковъ и

почти не оставляетъ имъ досуга для того, чтобы заниматься охотой или рыбнымъ промысломъ. Чукотскій олень ниже на погахъ и слабосильнѣе ламутскаго. Голова его толще и короче, рога больше и вѣтвистѣе и цвѣтъ шерсти гораздо темнѣе, вслѣдствіе чего чукотскія оленьи шкуры цѣнятся дороже. Для верховой ѣзды чукотскій олень годится мало и для дальныхъ поѣздокъ, особенно въ снѣжную пору года онъ тоже гораздо хуже ламутскаго, такъ какъ шагъ его меньше и онъ скоро устаетъ. Это олень по преимуществу убойный. Онъ легко и скоро жирѣетъ, причемъ вся туша покрывается жировой оболочкой, которая на крупѣ достигаетъ толщины въ три и даже четыре пальца; ламутскій олень, напротивъ, жирѣетъ меньше и, разъ потерявъ жиръ, отгуливается съ трудомъ. Чукотскій олень очень дикъ и долженъ считаться въ сущности только полуприрученнымъ животнымъ; поэтому чукотскія стада требуютъ большой бдительности со стороны пастуховъ, ибо при небрежности ихъ многіе олени убѣгаютъ изъ стада и даже все стадо иногда убѣгаетъ и распадается. Предоставленный самому себѣ чукотскій олень чрезвычайно скоро дичаетъ и болѣе не поддается власти человѣка; вообще одинокій олень не подпускаетъ близко хозяина и тяготѣетъ только къ стаду, въ которомъ онъ выросъ. Если онъ отобьется отъ стада, то для того, чтобы снова овладѣть имъ, необходимо подгонять къ нему стадо, такъ какъ цѣлое стадо легче подчиняется власти человѣка, чѣмъ отдѣльная особь. Пасти оленей гораздо труднѣе лѣтомъ, когда стадо, преслѣдуемое насѣкомыми, становится особенно безпокойнымъ и склоннымъ разбѣгаться врозь, между тѣмъ какъ на почвѣ, лишенной снѣга, не остается никакихъ слѣдовъ, облегчающихъ поискъ. Бываютъ случаи, что въ лѣто, обильное комарами, слабосильные пастухи вовсе теряютъ стадо и превращаются изъ зажиточныхъ людей въ нищихъ. Зимою олени разбѣгаются преимущественно вслѣдствіе нападенія волковъ, которые выбираютъ для своихъ нападеній темныя ненастныя ночи и нерѣдко при одномъ нападеніи умерщвляютъ по нѣсколько десятковъ животныхъ.

Чукотскія стада гораздо многочисленнѣе, чѣмъ стада другихъ племенъ, занимающихся оленеводствомъ, кромѣ коряковъ. Средній размѣръ стада, обезпечивающій существованіе семьи, есть 300—400 головъ. Но есть стада въ нѣсколько тысячъ головъ, причемъ одному владѣльцу принадлежатъ два или три стада. Чукчи относятся очень ревностно къ увеличенію размѣра своихъ стадъ и прилагаютъ для этого всѣ старанія, чѣмъ они выгодно отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Сравнительно съ русскимъ порѣчанинomъ рыболовомъ, чукотскій оленеводъ, несмотря на низшую культуру, обнаруживаетъ гораздо больше предусмотрительности и вниманія, направленнаго на накопленіе богатствъ. Богатый стадовладѣлецъ скупо кормитъ свою семью, употребляетъ въ пищу падаль и всевозможные от-

бросы для того, чтобы по возможности рѣже убивать животныхъ и пріучаетъ къ охраненію стада своихъ сыновей съ самого ранняго возраста, и самъ только въ старости перестаетъ ходить вмѣстѣ со стадомъ съ пастбища на пастбище.

Чукотскій олень, благодаря своей дикости, труднѣе поддается дрессировкѣ, чѣмъ ламутскій, и чукчи вездѣ, гдѣ могутъ, пріобрѣтаютъ для упряжки и верховой ѣзды ламутскихъ оленей. По всей линіи прикосновенія двухъ племенъ происходитъ дѣятельный обмѣнъ животными, причемъ ламутскій олень цѣнится вдвое дороже. Ламуты употребляютъ пріобрѣтаемыхъ животныхъ на убой, чукчи же кромѣ молодыхъ бычковъ, предназначенныхъ для обученія упряжкѣ, очень охотно покупаютъ также матокъ для улучшенія своей породы. Дѣйствительно, у нѣкоторыхъ богатыхъ чукотскихъ оленеводовъ на крайнихъ западныхъ и южныхъ границахъ племени почти половина стада состоитъ изъ оленей ламутской породы, но у большей части чукотскихъ оленеводовъ ламутскихъ оленей все-таки очень мало и имъ приходится употреблять для перевозки клади и для ѣзды своихъ собственныхъ оленей изъ стада.

Нарты, употребляемыя чукчами, вообще бываютъ двухъ родовъ.

Ѣздовая нарта — эчэ́тык (модели № 407—1, 2) маленькая, легкая дѣлается вся изъ березоваго дерева. Она не имѣетъ копыльевъ, а сидѣнье утверждено поверхъ ряда полукруглыхъ дугъ, опирающихся концами на полозья и очень похожихъ на хорошо очищенныя ребра. Сидѣнье и спинка дѣлаются изъ рѣдкаго переплета очень тонкихъ, гладко оскобленныхъ березовыхъ жердочекъ. Нижнія дуги часто дѣлаются изъ оленьихъ роговъ, форма которыхъ очень подходитъ для этой цѣли. Чукотская нарта не только не имѣетъ желѣзныхъ частей или гвоздей, но даже деревянныя части ея смыкаются очень несовершенными гнѣздами и вся она скрѣплена цѣлой системой ремешковъ — этэлэ́ут, связанныхъ и перекрученныхъ по одному, разъ навсегда установленному образцу. Ѣздовая нарта красива и очень легка, но весьма непрочна и при каждомъ дорожномъ инцидентѣ ломается или разъѣзжается въ стороны. За то нѣтъ такого изъяна, который не могъ бы быть возстановленъ при помощи запаса ремешковъ и березовыхъ жердочекъ.

На чукотской ѣздовой партѣ можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ, притомъ имѣя при себѣ самое ничтожное количество клади. Вообще чукчи ѣздятъ безъ клади и даже дорожный запасъ возятъ на своей партѣ только въ самомъ ограниченномъ количествѣ. На партѣ приходится сидѣть верхомъ, свѣсивъ ноги по сторонамъ или поставивъ ихъ на полозья. При неровностяхъ дороги ѣздокъ употребляетъ свои ноги для того, чтобы управлять партой и не давать ей опрокидываться.

Весной для того, чтобы ѣздовая нарта легче скользила по снѣгу, полозья ея подбиваютъ китовымъ усомъ или плоско вырѣзанными полосками китовыхъ костей. Ѣздовая нарта имѣетъ нѣсколько разновидностей. Изъ нихъ самая легкая и маленькая — это бѣговая нарта, употребляемая преимущественно для состязаній на скачкахъ, а женская нарта сравнительно больше и прочнѣе № 407—3.

Кладовая нарта (№ 407—6, 7, 8) дѣлается очень грубо и неуклюже изъ лиственничнаго дерева въ общемъ по тому же самому образу. Она тоже въ высшей степени непрочна и вдобавокъ нераціонально устроена. Во время клевокъ кладовыя нарты такъ часто разстраиваются, что хозяину нужно ежедневно тратить два три часа на приведеніе ихъ въ порядокъ вечеромъ послѣ окончанія дневнаго перехода. Упряжка ѣздовая и кладовая тоже очень разнятся между собой. Нарты, на которыхъ ѣздятъ люди, почти всегда запрягаются парой. Упряжь, для каждаго оленя особая, (№ 407—13, 14, 15, 16) состоитъ изъ широкой ременной лямки — рáрка, перекинутой черезъ правое плечо оленя съ концами, пропущенными между ногъ и прикрѣпленными къ недолгой постромкѣ. На голову оленя вокругъ роговъ надѣвается недоуздокъ — ləwtílɣын, къ которому прикрѣплена одна длинная возжа съ правой стороны; оба недоуздка связаны вмѣстѣ особымъ ремешкомъ, и одна возжа проходитъ между оленей, а другая справа отъ праваго упряжнаго оленя — ɣaɣáŋɣor. Такимъ образомъ правый олень — ɣaɣáŋɣor, который всегда сильнѣе и лучше выдрессированъ, чѣмъ лѣвый — ə́wɣəw, можетъ быть направляемъ то лѣвой, то правой возжей. Для того, чтобы принудить оленей къ повиновенію, въ ləwtílɣын на лбу, возлѣ ушей и подъ челюстями вводятъ особыя гребенки—рынныlе́пуқун, сдѣланныя изъ бараньяго рога съ острыми концами (№ 434—6), которыя колютъ животное при натягиваніи возжей и заставляютъ ихъ быть болѣе послушными на поворотахъ. Такимъ образомъ эти гребенки имѣютъ приблизительно такое же значеніе, какъ копская узда, хотя конечно онѣ гораздо менѣе дѣйствительны.

Кладовыя нарты всегда запрягаются однимъ оленемъ при помощи такой же точно лямки и постромки; его недоуздокъ снабженъ поводомъ и привязывается къ нартѣ, идущей впереди.

Чукчи перевозятъ кладь и домашнюю рухлядь обозомъ, который часто для одного стойбища состоитъ изъ 100 нартъ. Ведутъ обозъ женщины, между тѣмъ какъ мужчины ѣдутъ впереди для того, чтобы, въ случаѣ надобности, прочищать дорогу, прорубить просѣки и т. п. Всѣ вещи укладываются въ опредѣленномъ порядкѣ на опредѣленныя нарты, которыя никогда не мѣняются и располагаются въ обозѣ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Одна женщина ведетъ за собой поѣздъ въ десять, пятнадцать саней, такъ какъ съ большимъ числомъ ей трудно управиться. Если женщинъ на стой-

бищѣ мало по числу нартъ, то часть поѣзда ведутъ и мужчины, хотя они не любятъ этой обязанности и считаютъ ее унизительной для себя.

Для лучшаго приученія упряжныхъ оленей чукчи пользуются пристрастіемъ оленя къ мочѣ. Каждый ѣздокъ на оленяхъ носитъ у пояса или возитъ привязаннымъ къ нартѣ небольшой кожаный ӷор-ачо́оlӷын — оленій мочеприемникъ (№ 407—12), который служитъ для того, чтобы поить изъ него оленей мочей. Намѣченныхъ для упряжки болѣе красивыхъ и статныхъ телятъ начинаютъ съ ранняго возраста пріучать къ мочѣ, таская мимо нихъ на длинномъ шнуркѣ обледенѣлый ӷор-ачо́оlӷын, для того, чтобы телепокъ, заинтересовавшись новымъ предметомъ, началъ играть съ нимъ и привыкъ къ запаху и виду этого сосуда. Нѣкоторые олени до того приручаются подъ вліяніемъ этого пристрастія, что прибѣгаютъ на зовъ и пьютъ прямо изъ рукъ. Многіе однако остаются пугливыми до конца. Чукчи вообще стараются собирать мочу и выливаютъ ее на большія снѣжныя глыбы, которыя потомъ замораживаютъ и въ раздробленномъ видѣ скармливаютъ оленямъ.

Какъ чукчи, такъ и ламуты очень цѣнятъ примѣсь крови дикаго оленя въ своихъ стадахъ. Дикіе быки каждую осень во время течки приходятъ въ стада, особенно въ чукотскія, которыя повидимому своей относительной дикостью привлекаютъ ихъ больше ламутскихъ. Въ иномъ чукотскомъ стадѣ перебываетъ за одну осень нѣсколько десятковъ дикихъ быковъ, которымъ хозяинъ позволяетъ оставаться въ стадѣ нѣсколько дней, а потомъ старается непремѣнно убить ихъ. Этотъ оригинальный видъ охоты сопровождается многими очистительными и умилостивительными жертвами, такъ какъ по представленію чукчей вмѣстѣ съ этими быками является «оленное счастье стада» — ӷаа́-кыта́ырӷын (см. Матеріалы по чукотскому фольклору № 1). Потомки дикихъ оленей, несмотря на свою большую пугливость и неукротимый нравъ, употребляются преимущественно для упряжки, такъ какъ изъ нихъ выходятъ очень быстрые и неутомимые бѣгуны и чукчи высчитываютъ такую родословную до пятого колѣна. Ламуты дрессируютъ изъ потомковъ дикаго быка по преимуществу такъ называемыхъ *манщиковъ* (по ламутски — о́ндат, по чукотски — ко́нчын-ӷо́р). Манщикъ назначается для того, чтобы приманивать дикихъ оленей для спрятавшагося охотника. Онъ выпускается впередъ на длинномъ ремнѣ — ко́нчын-цэ́lӷын (№ 434—45) подъ каждой сопкой, на скатахъ которой охотникъ видитъ пасущихся дикихъ оленей, и въ концѣ концовъ приманиваетъ ихъ къ себѣ, такъ какъ дикіе олени очень любопытны. Конечно, чѣмъ больше сходства манщикъ имѣетъ съ дикимъ оленемъ, тѣмъ охота успѣшнѣе. Удачнѣе всего охота съ манщикомъ производится осенью во время течки. Чукчи сами не умѣютъ дрессировать манщиковъ, но охотно покупаютъ ихъ у ламутовъ дорогой цѣной.

Въ жизни оленныхъ чукчей охота и рыбный промыселъ имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе.

Охота.

Главнымъ промысловымъ животнымъ сѣверовостока Азіи въ настоящее время послѣ уменьшенія количества лосей является дикій сѣверный олень.

Почему лось сталъ встрѣчаться рѣдко, сказать трудно, но изъ преданій и археологическихъ остатковъ можно съ увѣренностью заключить, что нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ лось былъ главнымъ промысловымъ животнымъ, по крайней мѣрѣ для юкагировъ, жившихъ по нижнему теченію р. Колымы. Даже на Стадухинскомъ городищѣ, представляющемъ остатокъ стараго русскаго Собачьяго Острога и расположеннаго верстахъ въ 25 къ сѣверу отъ Нижнеколымска, я нашелъ между различными остатками много роговъ лося, между тѣмъ какъ теперь появленіе лося въ этой мѣстности является событіемъ. По разсказамъ, лось въ старину водился не только въ лѣсу, но и на тундрѣ вплоть до самого океана. Въ настоящее время онъ попадается чаще всего по сѣверной части средняго теченія Колымы и въ горной области къ востоку отъ этой рѣчной полосы, напр., по рѣкѣ Березовой, которую чукчи называютъ Ӆо́пӈу-ва́ам — Лосья рѣка, по рр. Хояну и Звѣриной. Промышленники, впрочемъ, говорятъ, что въ послѣдніе годы количество лосей снова увеличивается.

Что касается дикаго оленя, то для ламутовъ охота за нимъ является главнымъ средствомъ добыванія пищи, и напр., глаголъ «охотиться» — буjудáі, взятъ отъ бýjуп — дикій олень. Точно также и русскіе порѣчане, замѣстившіе на нижней Колымѣ юкагировъ и практически почти забросившіе охоту на дикаго оленя, тѣмъ не менѣе при каждой случайной встрѣчѣ съ дикимъ оленемъ проявляютъ такую степень страстности, какая не вызывается даже самымъ удачнымъ рыбнымъ промысломъ, хотя онъ имѣетъ для нихъ гораздо болѣе важное значеніе; страстность эта особенно увеличивается, если встрѣча съ оленемъ произошла на водѣ. Здѣсь сказывается воспоминаніе объ оленьихъ плавяхъ на рр. Омолонѣ и обоихъ Анюяхъ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка дававшихъ тамошнимъ жителямъ средства къ существованію, но теперь въ Колымскомъ округѣ совершенно прекратившихся.

Точно такую же страстность проявляютъ и оленные чукчи по отношенію къ оленьей охотѣ, несмотря на то, что ихъ стада считаются на Колымѣ главной причиной, остановившей миграціи дикихъ оленей, и вообще

оттѣснившей дикихъ оленей къ югу вглубь лѣсовъ и къ востоку на Анадырь. Эта страстность и преувеличенное значеніе, придаваемое дикому оленю, высказывается между прочимъ въ различныхъ умилостивительныхъ обрядахъ во время осенней охоты на дикихъ быковъ, приходящихъ въ прирученныя стада, о чемъ уже говорилось выше. Но и помимо этого между оленными чукчами попадаются люди, которые, привлекаемые страстью къ охотѣ за дикими оленями, покидаютъ даже стадо и проводятъ значительную часть года въ поискахъ за охотничьей добычей. Несмотря на прекращеніе плавей, частныя миграціи оленей еще имѣютъ мѣсто, и лѣтомъ на тундрѣ собирается много животныхъ, которыя осенью уходятъ обратно въ область лѣса. Охота за дикимъ оленемъ производится исключительно при помощи стрѣляющаго оружія (ружья и рѣдко лука) и не представляетъ особыхъ трудностей, такъ какъ олень обладаетъ плохимъ зрѣніемъ и не особенно чуткимъ слухомъ и даетъ охотнику возможность при нѣкоторомъ терпѣніи удобно подобраться на выстрѣлъ, разумѣется противъ вѣтра.

Горный баранъ — кытепáлӈын, водится въ той же самой области въ количествѣ гораздо болѣе ограниченномъ, чѣмъ дикій олень. Охота за нимъ гораздо затруднительнѣе, благодаря его большой чуткости и осторожности. Впрочемъ, и между чукчами попадаются удачливые охотники за баранами, напр., въ области Баранова мыса и р. Баранихи. Охота производится съ собаками; также при помощи ружья, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при помощи аркана, какъ сказано выше. Чукчи цѣнятъ въ дикомъ баранѣ не столько его мясо или шкуру, сколько огромные рога, представляющіе обычный матеріалъ для разныхъ подѣлокъ, каковы гребенки для оленьей упряжи, ложки и даже чаши для питья. Пара хорошихъ бараньихъ роговъ цѣнится въ одного убойнаго оленя. Бараній рогъ гораздо пригоднѣе для подѣлокъ, чѣмъ оленій, такъ какъ онъ представляетъ болѣе широкія плоскости и кромѣ того мягче, бѣлѣе и мало поздреватъ.

Изъ животныхъ, составляющихъ мѣхъ для продажи, главнымъ объектомъ чукотской охоты является песецъ — еӈэ́р или рекокáлӈын, который среди чукотской пушнины занимаетъ такое же положеніе, какъ бѣлка среди ламутской. Охота за песцами производится самыми различными способами; первое мѣсто между ними занимаетъ угонъ песцовъ пріученными къ тому собаками, или же самимъ охотникомъ на легкихъ оленяхъ, тоже пріученныхъ къ такому роду охоты. Угонъ песцовъ производится только ранней осенью по первой порошѣ, такъ какъ сколько-нибудь глубокій снѣгъ уже даетъ легкому песцу большое преимущество надъ болѣе тяжелыми преслѣдователями. Напротивъ, при погонѣ по твердой землѣ, слегка только запорошенной снѣгомъ, песецъ скоро устаетъ и, если не имѣетъ возможности спастись въ какую нибудь нору, то убѣгаетъ на гладкій ледъ озера,

обдуваемаго вѣтромъ, гдѣ олень является совершенно безпомощнымъ, и собака лишь съ большимъ трудомъ можетъ поймать увертливаго и низкаго на ногахъ песца. Что касается выкапыванія изъ норъ взрослыхъ песцовъ и песцовыхъ дѣтенышей разнаго возраста, что является исконнымъ промысломъ тунгусовъ на западной тундрѣ, то чукчи до послѣдняго времени считали это грѣхомъ, такъ какъ вообще грѣшно нападать на звѣря не на волѣ, а въ его собственномъ жильѣ; но въ послѣднее время, благодаря вліянію примѣра, они тоже производятъ эту охоту весьма ревностно на западной Колымской тундрѣ; между тѣмъ какъ чаунскіе чукчи соблюдаютъ старинное правило, что, разумѣется, вознаграждается изобиліемъ взрослыхъ песцовъ. Благодаря этому мудрому правилу, чаунскіе чукчи приносятъ на Анюйскую ярмарку всегда больше песцовъ, чѣмъ тундренные.

Промыселъ песца производится также при помощи американскихъ пружинныхъ капкановъ—пывы̀нт-отко́чын, которые очень цѣнятся и русскими и ламутами и охотно перекупаются отъ чукчей по 10—12 рублей за штуку. Ударные капканы мѣстной работы по русски *кляпцы*, по чукотски у̀тт-утку́чын (№ 408—108, 109) тоже встрѣчаются часто, хотя чукчи сознаютъ, что они гораздо хуже американскихъ. Эти ударные капканы устроены такъ, что пружиной въ нихъ служитъ перекручиваемыя тетивы, сдѣланныя изъ очень крѣпкихъ жильныхъ веревокъ; а поражаетъ животное деревянная пластинка съ насаженными на концахъ ея желѣзными лезвіями, которыя чукчи иногда замѣняютъ костяными. Кляпца не можетъ считаться надежнымъ орудіемъ, такъ какъ ударъ, наносимый ею, часто несмертеленъ и животное имѣетъ силу вырваться и убѣжать.

Падающихъ ловушекъ (пастей, сру́бовъ), употребляемыхъ русскими и юкагирскими промышленниками, оленные чукчи не знаютъ, хотя бываютъ случаи единичнаго заимствованія; точно также не ставятъ лучшихъ самострѣловъ на звѣриныхъ тропахъ, подобно якутамъ и ламутамъ. Поэтому охота на настоящую лисицу и волка производится только тѣми же способами, что охота на песца.

Красной лисицы вообще мало на тундрѣ и та, которая попадается, имѣетъ некрасивый блѣдно-желтый цвѣтъ шкуры. Красивыя *огневки*, привозимыя чукчами въ довольно большомъ количествѣ на русскія ярмарки, происходятъ съ тихоокеанскаго побережья или даже изъ Америки отъ эскимосскихъ охотниковъ.

Что касается волка, то онъ составляетъ настоящій бичъ оленьихъ стадъ, хотя энергія чукчей къ его уничтоженію далеко не соотвѣтствуетъ приносимому имъ вреду.

Полярный тундренный волкъ великъ, свирѣпъ и силенъ. Туземцы утверждаютъ, что пара старыхъ волковъ является опасной даже для мед-

вѣдя, хотя, конечно, это преувеличено. Шерсть волка очень свѣтлаго цвѣта и въ старости настолько бѣлѣетъ, что неопытный глазъ можетъ смѣшать шкуру волка съ шкурой бѣлаго медвѣдя. Чукчи утверждаютъ, что существуютъ двѣ разновидности волка; одна изъ нихъ меньше и темнѣе шерстью, называемая ими ыlвэ̀ны (дикаго оленя волкъ), занимается исключительно охотою на дикихъ оленей, а къ чукотскимъ стадамъ опасается даже приблизиться, вслѣдствіе своей чрезвычайной пугливости. Ӄаéны (домашняго оленя волкъ) напротивъ преслѣдуетъ исключительно прирученныхъ оленей, а на дикихъ оленей не можетъ охотиться уже потому, что онъ менѣе быстръ. Впрочемъ и ыlвэ̀ны бѣгаетъ гораздо медленнѣе дикаго оленя и можетъ догнать его только потому, что во-первыхъ олень, убѣгая, безъ нужды бросается изъ стороны въ сторону и тратитъ много времени на эти безполезные изгороты, между тѣмъ какъ волкъ всегда избираетъ кратчайшій путь, а во-вторыхъ потому, что волки часто охотятся парами и даже по нѣскольку штукъ вмѣстѣ и легко обезсиливаютъ добычу. Ӄаéны въ многочисленныхъ чукотскихъ стадахъ легко находитъ себѣ добычу и довольно разборчивъ въ пищѣ. Мнѣ приходилось десятки разъ видѣть волчеѣдину (iкрэ́р), у которой волкъ только выѣлъ почки и объѣлъ жиръ съ круна, а остальное покинулъ нетронутымъ. Даже не имѣя возможности охотиться на крупныхъ животныхъ, волкъ, повидимому, находитъ довольно пищи на тундрѣ. Мнѣ показывали шкуру волка, убитаго на р. Россомашьей, которая имѣла три ноги; четвертая, по словамъ чукчей, очевидно отвалилась послѣ того, какъ волкъ попалъ въ капканъ и унесъ его съ собою на ногѣ. По словамъ промышленника, убившаго волка, рана уже совершенно зажила и, однако, волкъ не былъ очень тощъ. Такой трехногій волкъ по объясненіямъ чукчей ловитъ мышей, евражекъ, залегаетъ заячью тропу и хватаетъ зайцевъ, охотится за куропатками, а лѣтомъ за *ленной* птицей.

Оленные чукчи относятся къ волку съ особымъ суевѣрнымъ страхомъ. Во многихъ отношеніяхъ волкъ и злой духъ разсматриваются одинаково. Напр., при гаданіи на жженной лопаткѣ дорога волка и злого духа Кэ̀lӈ обозначаются тождественной линіей. Всѣ неблагопріятныя предзнаменованія, полученныя самыми разнообразными путями, можно истолковать двояко, какъ предсказаніе несчастія человѣку отъ злого духа, или его стаду отъ волка. Чукчи также считаютъ волка шаманомъ, который въ ненастныя ночи наводитъ сонъ на пастуховъ, опуская имъ на голову большой сонный колпакъ, подбитый бѣлымъ заячьимъ мѣхомъ для того, чтобы потомъ разогнать стадо.

Выше уже было сказано, что убивать волка желѣзомъ или свинцомъ считается грѣхомъ. Болѣе всего промышляютъ волка капканами, хотя въ

этомъ случаѣ бываетъ больше неудачъ, чѣмъ съ лисицами, такъ какъ волкъ часто уноситъ капканъ вмѣстѣ съ кускомъ дерева, къ которому онъ привязанъ, или срываетъ капканъ.

Чукчи употребляютъ противъ волковъ также прикормъ, во-первыхъ въ видѣ много разъ описаннаго клубочка изъ свернутой полоски китоваго уса, обмороженной топленнымъ саломъ и водой, которую волкъ проглатываетъ и которая оттаявъ расправляется въ его желудкѣ и разрываетъ его стѣнки. Волкъ очень живучъ и одинъ такой клубокъ не въ состояніи скоро обезсилить его; только проглотивъ ихъ нѣсколько, онъ лишается возможности уйти далеко. Противъ волковъ, лисицъ и песцовъ оленные чукчи употребляютъ также отраву, по русски *пометъ*, по чукотски чіlíмуӈ отъ *челибуха*. Это круглые небольшіе клубки, содержащіе въ себѣ сильно дѣйствующій ядъ, закатанный въ воскъ и облѣпленный снаружи саломъ.

Бѣлый медвѣдь — у́мӈы, составляющій для носовыхъ чукчей одинъ изъ главныхъ объектовъ охоты, для оленныхъ имѣетъ довольно второстепенное значеніе, такъ какъ они встрѣчаютъ его только болѣе или менѣе случайно во время охоты за тюленями. Бѣлый медвѣдь той части океана, которая расположена противъ Колымы, настолько трусливъ и неповоротливъ, что охота на него не считается особенно опасной. Даже русскіе порѣчане, вообще не отличающіеся храбростью, осмѣливаются нападать на него съ ружьями, копьями и даже луками. Но относительно бѣлыхъ медвѣдей болѣе восточной части океана, охотники разсказываютъ другое, и говорятъ объ особой разновидности медвѣдя — мырӈ-э́мӈы (что значитъ буквально «облѣзлый бѣлый медвѣдь»), который очень опасенъ охотникамъ. Къ бѣлымъ медвѣдямъ они причисляютъ также баснословное чудовище Коча́тко съ длинной вытянутой впередъ головой и костянымъ туловищемъ.

Что касается бураго медвѣдя — кэ́јӈын, то, наоборотъ, онъ могъ встрѣчаться рѣже приморскимъ чукчамъ, оленеводы же, проводящіе большую половину года внутри лѣсной черты, конечно должны были познакомиться съ нимъ поближе. Впрочемъ, въ коллекціи костяныхъ изображеній, которая, по моему мнѣнію, должна вся составлять издѣліе приморскихъ чукчей (хотя, къ сожалѣнію, я не нашелъ въ спискахъ Николая Львовича Гондатти никакихъ указаній относительно ея точнаго происхожденія) изображенія бураго медвѣдя представлены многими экземплярами поразительно сходно и живо схваченными. Всѣ другія племена сѣверовостока, включая въ то число русскихъ, относятся къ бурому медвѣдю съ суевѣрнымъ страхомъ и рѣшаются охотиться на него только въ случаѣ крайней нужды и притомъ только зимою, когда онъ спитъ въ берлогѣ. Чукчи усвоили себѣ относительно медвѣдя всѣ повѣрья и разсказы юкагировъ и ламутовъ, хотя все-таки ихъ страхъ передъ медвѣдемъ меньше и не носитъ такого суевѣрнаго характера. Впрочемъ,

черный медвѣдь не долженъ считаться особенно безобиднымъ противникомъ и мнѣ извѣстны многіе случаи нападенія медвѣдей на людей, особенно медвѣдей *шатуновъ*. Между прочимъ, на рѣкѣ Острокаменной, на верхнемъ теченіи р. Сухого Анюя я видѣлъ чукчу Ҕáďе, которому внезапно напавшій медвѣдь содралъ съ головы и съ лица всю кожу. Его спасла жена, ѣхавшая сзади, которая выдернула копье изъ-подъ нарты мужа и заколола медвѣдя. Содранную медвѣдемъ кожу лица и головы она натянула обратно, но тѣмъ не менѣе на лицо Ҕáďе теперь нельзя смотрѣть безъ содраганія. Туземцы говорятъ, что кромѣ обыкновеннаго бураго медвѣдя попадается еще такъ называемый *загривистый медвѣдь* съ бѣлой лямкой на шеѣ и гораздо болѣе свирѣпый.

Въ коллекціи, переданной мной Иркутскому Отдѣлу Императорскаго Географическаго Общества шаманскія (юкагирскія) изображенія медвѣдей имѣютъ такую бѣлую лямку. Въ старину русскіе иногда воздвигали противъ бураго медвѣдя большія падающія ловушки, но теперь медвѣжьи *кулёмы* сохранились только у нѣкоторыхъ юкагировъ.

Очень цѣнной охотничьей добычей для чукчей является россомаха — кэ́пер, которую сами чукчи цѣнятъ весьма дорогой цѣной и продаютъ дороже бобра; такъ какъ въ краѣ мало россомахъ, то онѣ ввозятся изъ Якутска въ Колымскъ именно для продажи чукчамъ. Россомаха тѣмъ цѣнится дороже, чѣмъ больше бѣлая лямка на ея спинѣ, и идетъ исключительно на обшивку и отдѣлку мужскихъ и женскихъ одеждъ.

Что касается зайцевъ, куропатокъ и т. п. мелкой дичи, то чукчи не выработали никакихъ опредѣленныхъ пріемовъ для этой охоты. Они обращаютъ на нихъ мало вниманія и только для горностая на западной тундрѣ заимствовали у якутовъ *черканъ*, хлопающую ловушку, чрезвычайно простую и остроумную.

Бѣлка — ра́ўlы̨ служитъ предметомъ промысла только для тѣхъ чукчей, которые живутъ на южныхъ границахъ племени въ перемежку съ ламутами. За то богатые чукчи въ годы, обильные бѣлкой, скупаютъ у ламутовъ бѣличьи шкурки, чтобы потомъ перепродавать ихъ русскимъ торговцамъ.

Охоту на тюленей оленные чукчи стараются производить, какъ только могутъ, такъ какъ тюленій жиръ и въ особенности тюленьи кожи составляютъ для нихъ предметъ необходимости. Многіе промышленники изъ пристрастія къ этой охотѣ проводятъ большую часть года на берегу океана, оставляя свои стада и семьи въ лѣсной чертѣ на зимовьѣ. Охота на тюленей производится или при помощи сѣтей, или при помощи длиннаго копья — і́пнэпі (№ 1408—48), употребляемаго также какъ метательное оружіе. Нерпичьи сѣти (№ 408—31, 32, 33) заметываются зимою въ дыхательной

проруби нерпы. Такъ какъ устье ея очень ловко спрятано подъ снѣжной застругой, то для отыскиванія прорубей употребляются собаки и безъ промысловыхъ собакъ человѣкъ не сможетъ заметать ни одной сѣти среди большаго обилія добычи.

Наиболѣе обыкновенная форма нерпичьей сѣти похожа на колыбель и подвѣшивается на четыреугольникѣ изъ шестовъ подъ дыхательнымъ каналомъ нерпы, которая однако имѣетъ возможность пролѣзть къ выходу, но на обратномъ пути она бросается, по своему обыкновенію, въ воду внизъ головою и запутывается въ сѣти.

Охота съ копьемъ производится поздней весной, когда нерпы любятъ грѣться на солнцѣ у своей проруби. Охотникъ, покрывъ голову шапкой изъ мѣха тюленьей головы и одѣтый въ одеждѣ изъ тюленьей шкуры, подползаетъ къ добычѣ, распластавшись по льду, и время отъ времени царапаетъ ледъ особымъ скребкомъ, сдѣланнымъ изъ нерпичьей лапы и прикрѣпленнымъ къ палкѣ (№ 408—28). Большей частью удается приблизиться на ударъ копья. Наконечникъ при ударѣ копья соскакиваетъ и охотникъ, потянувъ за ремень, привязанный къ срединѣ наконечника, поворачиваетъ его поперекъ раны. При помощи этого ремня охотникъ удерживаетъ тюленя, бросающагося въ воду и въ концѣ концовъ извлекаетъ его обратно на поверхность. Извлечь тюленя, запутавшагося въ сѣти подъ водой, не такъ легко и неоднократно случается, что добыча вываливается въ воду; для того, чтобы удержать ее, чукчи помогаютъ себѣ при помощи особыхъ крюковъ, похо́жихъ на голову *ша́тины* (№ 434—20).

Главнымъ орудіемъ рыбнаго промысла для оленныхъ чукчей является а́ӄан — уда. Какъ и у другихъ сосѣднихъ племенъ уда встрѣчается у чукчей въ самой первобытной формѣ, въ видѣ костянаго или даже деревяннаго колышка, гладко обточеннаго съ обоихъ концовъ съ лесой, привязанной къ срединѣ. Такая уда употребляется для промысла налимовъ (ӄачhа́ырӄын), щукъ (јууткуннэ́н) и гольцовъ (lііннэ́н). Болѣе обыкновенная уда выпиливается изъ желѣза, причемъ загнутый кончикъ ея не имѣетъ зазубрины, а къ верхней части крючка прикрѣпленъ небольшой красный лоскутокъ въ видѣ приманки (№ 434—21).

Чэру́нэ̨ — крюкъ (№ 434—22) употребляется какъ острога для того, чтобы лучить рыбу, которая играетъ или стоитъ на виду въ неглубокихъ водахъ. При ударѣ крюкъ соскакиваетъ и удерживается на палкѣ при помощи короткаго крѣпкаго шнурка; особенно удобно лучить такимъ крюкомъ харусовъ и небольшихъ щурятъ, которые въ солнечный день проводятъ цѣлые часы у самой поверхности воды въ полнѣйшей неподвижности.

Сѣти — ку́прэт, сплетенные изъ жильнаго шнурка или купленныя отъ русскихъ, оленные чукчи заметываютъ на устьяхъ рѣчекъ при впаденіи

ихъ въ озера или въ океанъ, также и на самомъ океанѣ, большей частью при помощи очень длиннаго шеста, вытянутаго надъ водой, такъ какъ у нихъ вообще нѣтъ никакихъ лодокъ. Въ тундреныхъ мѣстахъ, напр., къ западу отъ Колымы или у Чаунской губы рыбный промыселъ болѣе развитъ. На тундрѣ къ западу отъ Колымы, гдѣ многочисленныя озера очень богаты чиромъ, чукчи, по примѣру тунгусовъ, перегораживаютъ устья рѣчекъ и выбираютъ рыбу десятками пудовъ. Но у океана при заметываніи шестомъ промыселъ довольно скуденъ и производится въ лѣтнее время почти исключительно женщинами и старпками.

Что касается лодокъ, то оленные чукчи только къ востоку отъ Чауна имѣютъ небольшія байдарки, обтянутыя кожей; чукчи къ западу отъ Чауна обыкновенно не имѣютъ ни лодокъ, ни челноковъ, такъ что, если имъ приходится почему-либо совершать кочевку послѣ розлива водъ, они оказываются безпомощными передъ каждой рѣчкой и могутъ совершать переправу только при помощи очень сложнаго и небезопаснаго сооруженія изъ саней, связанныхъ вмѣстѣ и обтянутыхъ оболочкой натра, такъ что создается нѣчто вродѣ неуклюжаго плота.

Игры и игрушки.

Любимыми играми чукотскихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ является, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, подражаніе дѣйствительной жизни. Мальчики чуть не съ трехъ лѣтъ вооружаются обрывкомъ аркана и съ утра до вечера упражняются въ накидываніи его на любой одушевленный и неодушевленный предметъ. Собираясь въ группу чукотскіе ребятишки вѣшаютъ на древесной вѣткѣ или на шестѣ руйты ремень съ небольшимъ кускомъ дерева на концѣ и раскачивая его, стараются его поймать арканомъ. Точно также они складываютъ изъ камней воображаемыя стада или, взявши въ обѣ руки по вѣткѣ тальника съ многочисленными развилками, обрѣзанными въ видѣ оленьихъ роговъ, воображаютъ себя ѣдущими на парѣ оленей и устраиваютъ бѣгъ взапуски. Изъ игръ болѣе своеобразныхъ слѣдуетъ отмѣтить — jу́ут (№№ 22, 23), выдѣлываніе фигуръ на плетенкѣ изъ нитки, растянутой на десяти пальцахъ рукъ. Jу́ут напоминаетъ такую-же игру европейскихъ ребятишекъ, но онъ гораздо сложнѣе, такъ какъ на плетенкѣ появляются не только фигуры, но и цѣлыя группы, напр. охотникъ за оленями, моржи, движущіеся по льдинѣ, волкъ и лисица, ссорящіеся женщины, могущія потомъ передвигаться слѣва направо и справа на лѣво, потомъ замѣняющіяся другими при измѣненіи положенія пальцевъ.

Въ видѣ игрушекъ въ собственномъ смыслѣ чукотскія ребятишки

имѣютъ различные волчки, трещотки и жужжалки изъ кости, дерева и даже изъ сушеной рыбы (№ 434—71 до 79).

Дѣвочки же кромѣ того играютъ въ куклы. Чукотскія куклы — alóчelӈыт изображаютъ людей, мужчинъ и женщинъ, но всего чаще дѣтей, особенно грудныхъ. Величина ихъ почти также измѣнчива, какъ и у культурныхъ дѣтей. Сшиты эти alóчelӈыт довольно похожими на дѣйствительность и наполнены опилками, которыя при каждомъ несчастномъ случаѣ высыпаются. Alóчelӈыт считаются не только игрушками, но отчасти и покровителями женскаго плодородія. Выходя замужъ, женщина уноситъ съ собой свои куклы и прячетъ ихъ въ мѣшокъ въ тотъ уголъ, который приходится подъ изголовьемъ для того, чтобы воздѣйствіемъ ихъ получить скорѣе дѣтей. Отдать кому-нибудь alóчelӈыт нельзя, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ будетъ отданъ залогъ плодородія семьи. За то, когда у матери родятся дочери, она даетъ имъ играть свои куклы, причемъ старается раздѣлить ихъ между всѣми дочерьми. Если же alóчelӈын только одинъ, то онъ отдается старшей дочери, а для остальныхъ дѣлаютъ новыя. Есть такимъ образомъ alóчelӈыт, которые переходятъ отъ матери къ дочери втеченіе нѣсколькихъ поколѣній, каждый разъ въ исправленномъ и заново возобновленномъ видѣ.

Идолы и домашняя святыня.

Религіозные обряды чукчей и имѣющіеся у нихъ предметы культа пріурочены къ каждому отдѣльному очагу и святыня ихъ является святыней по преимуществу семейною.

Очагъ считается средоточіемъ каждой семьи и потому общеніе огнемъ между семьями разной крови воспрещается подъ опасеніемъ осквернения, несмотря на всѣ неудобства, проистекающія отсюда. Каждое празднество сопровождается жертвоприношеніемъ семейному огню.

Символомъ очага и вмѣстѣ съ тѣмъ главной семейной святыней считаются огнива — ӈы́рӈыр или у́тты-мі́ӈымі, о которыхъ уже упоминалось выше. У́тты-мі́ӈымі, сдѣланное для повседневнаго добыванія огня, не имѣетъ никакой особой святости. Ӈы́рӈыр, напротивъ, употребляется для зажиганія огня только во время извѣстныхъ праздниковъ; у многихъ чукчей, которые теперь употребляютъ, по преимуществу, трутъ и огниво, въ эти дни въ огонь, добытый кресаніемъ, все-таки прибавляютъ искру, добытую треніемъ изъ ӈы́рӈыр для приданія ему обрядового значенія. Нѣкоторые изъ ӈы́рӈыр переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе очень долгаго времени, но каждый изъ нихъ пріуроченъ къ какому-нибудь

отдѣльному человѣку, спеціальнымъ покровителемъ котораго онъ является; такимъ образомъ когда ребенокъ родится, одинъ изъ незанятыхъ наслѣдственныхъ ӈы́рӈыр пріурочивается ему. Когда же человѣкъ умираетъ, то его ӈы́рӈыр освобождается. Только, если при рожденіи ребенка нѣтъ ни одного незанятаго ӈы́рӈыр, то для него дѣлаютъ новый ӈы́рӈыр. Это считается очень хорошимъ признакомъ для семьи, такъ какъ указываетъ на ея ростъ. Къ каждому ӈы́рӈыр пріурочена часть стада съ особымъ тавромъ, и онъ считается неразрывно связаннымъ съ данным семейнымъ очагомъ. Такъ что молодой человѣкъ, поступая въ чужую семью, напр., въ качествѣ пріемнаго зятя, долженъ, оставляя свой шатеръ, покинуть вмѣстѣ съ тѣмъ и ӈы́рӈыр тѣмъ своимъ родственникамъ, которые остаются дома.

Вторымъ составнымъ элементомъ чукотской домашней святыни является та́ӈыӄут, въ буквальномъ переводѣ «отстранители несчастій».

Та́ӈыӄут всегда является въ видѣ связки, напоминающей огромныя четки. Въ составѣ связки входятъ:

1) о́к-кама́кыт — деревянные сучки, срѣзываемые съ различныхъ кустовъ, преимущественно тальничныхъ. Ихъ собираютъ во время путешествій; также во время весенняго праздника кӏ́вэј срѣзываютъ съ кучи хвороста, на которой уложены оленьи рога.

о́к-кама́кыт — «древесные духи» представляютъ изъ себя довольно неопредѣленное олицетвореніе лѣсовъ и полей, среди которыхъ живутъ люди. На шаманскіе призывы они являются въ видѣ у́тты-ро́мкын — «древеснаго народа», причемъ съ одной стороны являются живыми существами, а съ другой сохраняютъ свою древесную природу, боятся огня, имѣютъ корни, которые на ихъ пути задѣваютъ за кочки и пни, а при остановкахъ впѣдряются въ землю и т. п.

о́к-кама́кыт бываютъ весьма различной величины, но всѣ они съ одного конца раздвоены, что должно обозначать ноги.

Кромѣ связки та́ӈыӄут, о́к-кама́кыт носятъ также въ одиночку на поясѣ или на шеѣ, привязываютъ ихъ также къ вороту одежды младенца. Ихъ вырѣзываютъ также изъ кожи и пришиваютъ къ одеждѣ на локтяхъ и колѣняхъ, также къ спальной палаткѣ въ различныхъ мѣстахъ внутри и снаружи.

2) Отта́-ӏа́ӯӏ — «деревянный человѣкъ» и отт-ора́wеԀан — «деревянный человѣкъ» представляютъ изъ себя тѣхъ-же обособленныхъ оккама́кыт, но у перваго прибавлена голова надъ раздвоеннымъ кручкомъ, изображающимъ тѣло, а у второго также плечи или зачатки рукъ. Впрочемъ и тотъ, и другой вырѣзываются просто изъ дощечки.

3) Та́ӈыӄут-ӏа́ӯт — «голова отстранителя несчастій» — служитъ замѣною отта́-ӏа́ӯӏ, точно также какъ голова стараго ӈы́рӈыр, отрѣзанная

отъ его туловища и привязанная къ та́јӊыӄут'у служитъ замѣной настоящаго ӄы́рӄыр.

4) Мӊі̀-lэ́утті — «головы охотничьей добычи», которая была объектомъ особенныхъ очистительныхъ обрядовъ — мӊе́ырӄын. Чаще всего къ та́јӊыӄут'у привязываются головы ворона — вэ́lву-lэ́ўт, конецъ носа волчьей головы — э́ј̆ӄ-lэ́ўт, или деревянное ея изображеніе, или волчій черепъ.

5) Ена́ӄаl — представляетъ собой олицетвореніе умершаго предка, одного изъ уважаемыхъ родственниковъ. Обыкновенно онъ состоитъ изъ лоскутка шкуры или кожи, навернутаго на раздвоенную палочку — окка́мак'а. Его дѣлаютъ во время похоронъ покойника, котораго онъ долженъ представлять, отрѣзывая лоскутокъ отъ той шкуры, на которой лежитъ покойникъ, причемъ къ лоскутку оленьей шкуры пришивается узкая полоска собачьяго мѣха, что должно обозначать опушку кукашки. Послѣ похоронъ ена́ӄаl держатъ нѣсколько дней у лампы во внутренней палаткѣ, и во время каждой трапезы смазываютъ его жиромъ или кровью. Потомъ привязываютъ къ общей связкѣ та́јӊыӄут. Обветшавшіе ена́ӄаl сжигаютъ во время поминальнаго жертвоприношенія на могилѣ того, чьимъ представителемъ онъ является.

Третьимъ составнымъ элементомъ домашней святыни является бубенъ — јара́р. Чукотскій семейный бубенъ невеликъ и имѣетъ круглую форму. Онъ состоитъ изъ очень легкаго обода, обтянутаго кожей моржоваго желудка, а у оленныхъ чукчей кожей молодого теленка, хотя такая оболочка много уступаетъ въ звонкости моржовой. Въ качествѣ колотушки употребляется тонкая полоска китоваго уса съ лопаткообразнымъ расширеніемъ на концѣ. Но во время нѣкоторыхъ обрядовъ, напр., во время мӊе́ырӄын, вмѣсто колотушки изъ китового уса употребляется деревянная палка, которой ударяютъ однако не по натянутой кожѣ бубна, а по краямъ деревяннаго обода снизу. Чукотскій бубенъ не имѣетъ никакихъ привѣсокъ или украшеній, какъ тунгусскій или якутскій шаманскій бубенъ, но звукъ его чище и звончѣе, и чукчи цѣнятъ умѣнье извлекать изъ него болѣе или менѣе искусно разнообразные ряды отрывистыхъ или перекатывающихся звуковъ. Каждая семья должна имѣть свой бубенъ, упражненіе на которомъ во время извѣстныхъ праздниковъ обязательно для всѣхъ домочадцевъ, мужчинъ и женщинъ. Помимо этого чукчи прибѣгаютъ къ бубну по самымъ различнымъ поводамъ. Въ долгіе зимніе вечера чукча иногда берется за бубенъ просто для развлеченія, для того, чтобы сдѣлать свое настроеніе болѣе повышеннымъ и возбужденнымъ и при этомъ музыкальная сторона упражненій на бубнѣ и напѣвовъ играетъ такую же роль, какъ и собственно общеніе съ духами. Особаго шаманскаго бубна у чукчей нѣтъ, и шаманы въ собствен-

номъ смыслѣ слова употребляютъ для своихъ заклинаній свой обыкновенный семейный бубенъ.

Домашнія святыни чукчей находятся въ тѣсной связи съ культомъ домашняго очага. Подъ ихъ покровительствомъ находится здоровье и благосостояніе семьи. Они не могутъ быть передаваемы въ чужія руки, точно также какъ очагъ и связанный съ нимъ шатеръ не могутъ стать чужой собственностью. Семья считается существующей, пока члены ея имѣютъ возможность ставить свой шатеръ отдѣльно, зажигать въ немъ огонь, а во время смѣняющихъ другъ друга праздниковъ зажигать другой огонь на опредѣленномъ мѣстѣ позади шатра, раскладывать вокругъ него домашнюю святыню и совершать жертвоприношеніе жиромъ, кровью, жертвенной похлебкой. Когда семья разрушается, вслѣдствіе ли бѣдности или отсутствія взрослыхъ мужчинъ, и культъ семейной святыни не можетъ продолжаться, она должна быть покинута въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ наружной и внутренней палаткой и большей частью домашней утвари на полѣ, причемъ утварь и палатка большей частью приводятся въ негодный видъ для того, чтобы какой-нибудь иноплеменникъ не вздумалъ ихъ похитить.

Ы́ткымқ-у́қун — «гадательный камень» также составляетъ часть святыни чукчей. Гаданіе играетъ весьма видную роль въ чукотской обрядовой жизни. Многіе обряды, напр., похороны обязательно сопровождаются «вопрошаніемъ» — пыпо-тко́урҕын или ыткымко́урҕын относительно всѣхъ подробностей похороннаго ритуала, также относительно обстоятельства будущей судьбы родственниковъ и всѣхъ вообще присутствующихъ. Подробнѣе объ этомъ см. «Матеріалы по чукотскому языку и фольклору», текстъ № 14). Также производится гаданіе при нареченіи имени ребенку, при женитьбѣ и вообще при каждомъ болѣе или менѣе выдающемся измѣненіи обстоятельствъ. Большая часть гаданій производится при помощи подвѣшиванія гадательнаго камня на концѣ какой-нибудь палки, напр., дорожнаго посоха — кэцу́нэ или колотушки для отряхиванія снѣга — тіу́јҕын. Подвѣшенный камень приподнимается на вѣсу и при этомъ задается вопросъ. Спокойное состояніе камня есть отрицательный отвѣтъ, а внезапное раскачиваніе — утвердительный. Напр., при нареченіи имени ребенку, называютъ подъ-рядъ имена предковъ и умершихъ родственниковъ, такъ какъ предполагается, что въ видѣ младенца вернулся на землю кто-нибудь изъ нихъ. Внезапное раскачиваніе камня опредѣляетъ выборъ.

Мѣсто гадательнаго камня иногда занимаетъ «гадательный человѣкъ» — lawтыткымка́-lа̀ӯl, который состоитъ изъ обыкновеннаго оккама́к'а, привязаннаго къ болѣе или менѣе длинной палкѣ на короткомъ ремешкѣ. Гаданіе производится точно также какъ и съ камнемъ.

Особенно распространеннымъ является также гаданіе на оленьей ло-

паткѣ — па́рыѣыцын, которое примѣняется преимущественно при опредѣленіи направленія кочевки, но также и вообще передъ каждымъ предпринимаемымъ путешествіемъ. Для этого, убивъ особаго жертвеннаго оленя, извлекаютъ кость лопатки, тщательно отчистивъ ее отъ мяса. Осенью берутъ лѣвую лопатку при гаданіи о собственной судьбѣ, а правую при гаданіи о чужой; весной наоборотъ, что находится въ связи съ послѣдовательной смѣной чукотскихъ кочевокъ. Очищенную лопатку прожигаютъ, подкладывая подъ нее на самомъ тонкомъ ея мѣстѣ раскаленный уголекъ и раздувая это мѣсто съ наружной стороны, пока кость почернѣетъ и расщелится. По направленію этой щели опредѣляютъ исходъ путешествія (рисунокъ см. списокъ по страницамъ). Гребень, раздѣляющій лопатку на двѣ неравныя половины, считается хребтомъ [1]) — ічву́jӈы́н — *ac*. Наружный край лопатки считается моремъ — а́ӊӈы — *ab*. Нижняя часть лопатки, примыкающая къ гребню *подошва* — а́мӈі — *cd*, считается подземнымъ царствомъ, посвященнымъ волку и Кэ́lę. При прожиганіи лопатки образуется обыкновенно одна продольная черта, отъ которой въ различныхъ направленіяхъ идутъ другія меньшія трещины. Трещина, идущая сверху отъ хребта указываетъ, что во время путешествія или кочевки придетъ промыселъ съ хребта и считается благопріятнымъ указаніемъ.

Трещина, отдѣлившаяся отъ основной трещины въ области подошвы считается дурнымъ преднаемнованіемъ и означаетъ, что во время путешествія на стадо нападетъ волкъ, или на людей злой духъ Кэ́lę т. е. болѣзнь, смерть, несчастіе. Границей между хребтомъ и подошвой считается поперечная линія отъ мѣста прожога. Черта по направленію къ морю даже ниже этой деморкаціонной линіи считается благопріятной, указывающей, напр., на морской промыселъ, ибо «съ моря не приходитъ ничто худое», какъ говорятъ чукчи; двѣ раздвоенныя черты сверху предвѣщаютъ сильную вьюгу. Полукруглая черта снаружи сверху означаетъ смерть. Если продольная щель дойдетъ до верхняго края лопатки, это тоже предвѣщаетъ смерть и т. п.

Приморскіе чукчи точно такое же гаданіе производятъ на тюленьей лопаткѣ.

Я уже говорилъ выше, что чукотскіе шаманы не имѣютъ особаго шаманскаго бубна и пользуются семейнымъ. Точно также они не имѣютъ и особаго шаманскаго наряда, какъ тунгусскіе или ламутскіе шаманы, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ обладать высокой шаманской силой. Зато нѣ-

---

1) Т. е. вообще внутренней страной въ противоположность морю. Русскіе колымчане тоже называютъ внутреннюю далекую отъ берега страну — гора, даже если дѣло идетъ о тундрѣ.

которые изъ самыхъ сильныхъ шамановъ переодѣваются въ женское платье, такъ какъ вообще духи приказываютъ имъ принимать на себя женскій образъ. Такое уподобленіе женщинѣ имѣетъ самыя различныя степени. Въ самыхъ легкихъ случаяхъ мужчина только отпускаетъ косы или вдѣваетъ серьги на уши. Обыкновенно это дѣлается для предохраненія отъ духа болѣзни по совѣту шамана, но не связано ни съ какой шаманской силой. Вторая степень женоподобности состоитъ въ усвоеніи женской одежды, женскаго произношенія (которое значительно разнится отъ мужскаго) и женскихъ занятій, хотя все-таки такой человѣкъ можетъ имѣть жену и дѣтей. Третья степень женоподобности требуетъ отреченія отъ пола и женитьбы, причемъ половое общеніе между такимъ мужемъ и женой происходитъ modo Socratis. Именно такіе женоподные jырка-лáyl и являются самыми сильными шаманами. У восточныхъ чукчей, впрочемъ, кромѣ женскаго платья иногда встрѣчается и спеціально шаманское платье, въ видѣ легкаго балахона съ разрѣзами по бокамъ и обильной кожаной бахромой, но, сколько мнѣ извѣстно, оно заимствовано отъ эскимосовъ.

Костяныя издѣлія.

Приморскіе племена крайней оконечности сѣверовосточной Азіи, а именно приморскіе чукчи, приморскіе коряки и кереки, развили у себя довольно оригинальную вѣтвь искусства, состоящую въ вырѣзываніи небольшихъ фигурокъ изъ мамонтовой кости, оленьяго рога и дерева. Это три племени, болѣе или менѣе близко родственныя между собой и произведенія ихъ тѣмъ замѣчательнѣе, что у другихъ сосѣднихъ племенъ не встрѣчается ничего подобнаго, и тѣ немногія рѣзныя издѣлія, какія можно найти у ламутовъ (напр. дѣтскія игрушки, рѣзанныя изъ дерева) сравнительно поражаютъ своей нехудожественностью, и даже костяныя издѣлія гораздо болѣе культурныхъ якутовъ являются болѣе грубыми и невѣрными природѣ. Мало того, изъ двухъ вѣтвей чукотскаго племени, тождественныхъ по языку, но, вѣроятно, различныхъ по происхожденію, оленные чукчи не обнаруживаютъ никакой склонности къ художественной рѣзьбѣ, между тѣмъ какъ приморскіе состязаются въ искусствѣ съ коряками и кереками. Съ другой стороны, если сравнить издѣлія этой группы племенъ съ художественными издѣліями азіатскихъ и американскихъ эскимосовъ, съ которыми однако племена эти представляютъ много интересныхъ совпаденій, то выступаетъ на видъ довольно рѣдкое различіе въ самомъ способѣ воспріятій внѣшней природы. Между тѣмъ какъ эскимосы предпочитаютъ рисунокъ, исполняя его тонкими черными штрихами на гладкой бѣлой

костяной поверхности нерѣдко съ поразительной тонкостью и умѣньемъ схватывать характеристическія черты предмета, — чукчи, коряки и кереки предпочитаютъ вырѣзывать изъ своего костянаго матеріала фигурки, нерѣдко очень характерныя по живости исполненія, соединяютъ ихъ въ группы и въ многихъ случаяхъ являются настоящими рѣзчиками-миніатюристами. Если сравнить эскимосскія коллекціи различныхъ американскихъ музеевъ, лежащихъ въ основаніи очень подробнаго и обстоятельнаго труда В. І. Гофмана (The Graphic Art of the Eskimos. Report of the United States National Museum. 1897. Washington.) съ чукотско-коряцкой коллекціей Этнографическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, давшей матеріалъ для настоящаго очерка, то различіе это выступаетъ съ особенной рѣзкостью. Въ эскимосскихъ коллекціяхъ мало рѣзныхъ фигуръ, а въ чукотско-коряцкихъ почти нѣтъ рисунковъ; и только тѣ немногія предметы этихъ послѣднихъ коллекцій, которые имѣютъ опять-таки эскимосское происхожденіе, представляютъ опять рядъ рисунковъ, иногда еще болѣе поразительныхъ, чѣмъ рисунки, приведенные у Гофмана. Таково напр. изображеніе лягушки на № 443—2.

Впрочемъ я долженъ сказать, что въ дѣйствительной жизни различіе это является менѣе рѣзкимъ. Приморскіе чукчи обнаруживаютъ много вкуса и природнаго дарованія къ исполненію рисунковъ, но они не посвящаютъ имъ столько времени и труда, какъ эскимосы, и не считаютъ необходимымъ покрывать ими свои коробки, трубки и т. д., занимая ихъ болѣе или менѣе простымъ орнаментомъ.

Рисунки представлены въ описываемой коллекціи двумя номерами: 1) № 422—42 — доска, разрисованная чукчей и 2) № 408—140 — планъ рѣки Анадыра на 8 доскахъ, исполненный съ большой умѣлостью и имѣющій въ длину около двухъ саженей. Всѣ повороты рѣки переданы замѣчательно тщательно. Въ разныхъ мѣстахъ ея изображены олени и охотники за ними, людскія жилища и лѣса, медвѣди и т. п.

Съ другой стороны, сравнительно съ художественными произведеніями эскимосовъ, чукотско-коряцкія издѣлія поражаютъ своей непримѣнимостью къ какимъ бы то ни было требованіяхъ практической жизни. Между тѣмъ какъ эскимосскія рисунки и фигурныя надписи служатъ для украшенія различныхъ предметовъ обихода, чукотскія фигурки не имѣютъ никакого назначенія и лежатъ въ мѣшкахъ, вмѣстѣ съ прочей рухлядью, только изрѣдка вынимаемыя оттуда для разсматриванія. Даже рѣзныя рельефныя фигурки на трубкахъ и коробкахъ, которыя являются у керековъ,—у чукчей и у коряковъ напротивъ не встрѣчаются и употребляемые ими предметы этого рода имѣютъ очень простую и грубую форму.

Издѣлія коряковъ, чукчей и керековъ до такой степени сходны между

собою, что даже опытный глазъ не всегда можетъ отличить ихъ однихъ отъ другихъ. Работы керековъ представляютъ все-таки нѣкоторыя отличія, но чукотскія и коряцкія часто кажутся скопированными одни съ другихъ.

Матеріаломъ для нихъ чаще всего служитъ мамонтовая кость и моржовый зубъ, такъ какъ оленій и бараній рогъ и березовое дерево, тоже употребляемыя для этой цѣли, оказываются гораздо менѣе пластичными. Бараній рогъ употребляется преимущественно для выдѣлыванія бараньихъ же фигурокъ съ длинными закругленными спирально рогами, а изъ болѣе твердыхъ кусочковъ березы вырѣзываются изображенія птицъ, замѣчательной миніатюрности и искусства.

Инструменты, употребляемые для такихъ работъ, довольно первобытны и состоятъ изъ двухъ трехъ ножиковъ, узкихъ и сильно отогнутыхъ назадъ, по чукотски — тамéӈну-wal, и двухъ трехъ грубо сдѣланныхъ рѣзцовъ — ӏýмінэ. Кость прежде обработки распаривается въ кипяткѣ, отчего она становится мягче на нѣкоторое время.

Изъ изображеній, помѣщенныхъ на нижеприлагаемыхъ таблицахъ и представляющихъ только небольшую часть коллекціи музея, чукчамъ принадлежатъ №№ 1—41, корякамъ №№ 1—40 и керекамъ №№ 1—33, въ трехъ разныхъ таблицахъ (см. списокъ по страницамъ).

На таблицѣ, относящейся къ чукчамъ № 1 изображаетъ бураго медвѣдя; изображеніе сдѣлано съ большей живостью, хотя и уступаетъ коряцкимъ (№№ 1 и 3 слѣдующей таблицы). № 2 изображаетъ бѣлаго медвѣдя, который составляетъ одинъ изъ обычныхъ объектовъ чукотскихъ рѣзчиковъ, но у коряковъ не встрѣчается. № 3 изображаетъ волка, №№ 4 и 5 [1]) оленей, хотя оба изображенія недостаточно живо схвачены, ибо вообще изображенія сѣвернаго оленя рѣдко удаются, какъ чукчамъ, такъ и корякамъ. №№ 6, 7 изображаетъ горныхъ барановъ, № 8 изображаетъ моржа, любимое положеніе тѣла котораго схвачено чрезвычайно живо, № 9 представляетъ собаку на бѣгу, конечно упряжную, такъ какъ поза ясно указываетъ на напряженное усиліе во время ѣзды. Изображеніе сдѣлано изъ оленьяго рога и имѣетъ вполнѣ соотвѣтствующее же изображеніе собаки изъ коряцкой коллекціи. № 10 представляетъ большое изображеніе совы, со вставными крыльями, которыхъ не достаетъ. Все тѣло совы украшено орнаментомъ. № 11 изобраетъ нарту съ пятью парами собакъ, расположенныхъ продолнымъ азіатскимъ способомъ. Это изображеніе соотвѣтствуетъ такому-же изображенію таблицы коряцкихъ издѣлій, хотя коряцкая работа гораздо лучше. № 12 изображаетъ человѣка,

1) У № 5 рога сдѣланы изъ тоненькихъ пластинокъ оленьяго рога и могутъ выниматься изъ гнѣздъ.

мое положеніе тѣла котораго схвачено чрезвычайно живо; рис. 6 и 7 (434—65x и v) — дикихъ горныхъ барановъ; рис. 8 (434—66e) представляетъ живо схваченную фигуру горностая; это изображеніе вполнѣ сходно съ горностаемъ коряцкой работы (см. рис. 17, таб. XXII).

На таб. XX находимъ также чукотскія издѣлія: рис. 1 (434—65h) изображаетъ бураго медвѣдя; изображеніе сдѣлано съ большою живостью, хотя и уступаетъ коряцкимъ (см. рис. 1 и 4, таб. XXII); рис. 2 и 8 (434—65s и t) изображаютъ оленей, хотя оба изображенія недостаточно живо схвачены, ибо вообще изображенія сѣвернаго оленя рѣдко удаются, какъ чукчамъ, такъ и корякамъ. У фигурки, изображенной на рис. 8, рога сдѣланы изъ тоненькихъ пластинокъ оленьяго рога и могутъ выниматься изъ гнѣздъ. Рис. 3 (434—66a) изображаетъ баснословное чудовище, называемое въ сказкахъ кычаӈыр, повидимому въ насмѣшку, такъ какъ то же названіе носитъ журавль; этому чудовищу приписываютъ огромный хвостъ, похожій на суму, и вывороченныя ноздри, которыя такъ велики, что могутъ при вдыханіи втянуть человѣка. Замѣчательно, что въ коряцкой коллекціи есть изображеніе того-же чудовища съ фигурой всадника, повидимому злого духа (см. рис. 11, таб. XXII); оба изображенія чудовищъ до того сходны какъ будто-бы сдѣланы одной и той же рукой. Рис. 4 (434—65b) изображаетъ бѣлаго медвѣдя, который составляетъ одинъ изъ обычныхъ объектовъ изображенія у чукотскихъ рѣзчиковъ, но у коряковъ не встрѣчается. Рис. 5 (434—67/39) изображаетъ человѣческую фигуру съ тремя парами дельфиновъ на груди. Она соотвѣтствуетъ разсказу о великанѣ Lólӈыlen, который нѣкогда пришелъ съ заморскаго берега на чукотскій, легъ спать на берегу и проспалъ всю зиму, и морскіе оборотни, т. е. дельфины, которые будто-бы могутъ оборачиваться волками, выходили на берегъ и грызли его мясо. Тотъ-же оборотень-дельфинъ, изображенный на спинѣ медвѣдя представленъ на рис. 6, таб. XXI. Рис. 6 (434—67/30) изображаетъ человѣческую фигуру, несущую за спиной котомку; котомка по чукотскому обычаю спущена низко и поддерживается однимъ ремнемъ, протянутымъ черезъ грудь. Рис. 7 (434—65j) изображаетъ волка. Рис. 9 (434—67/11) изображаетъ человѣка въ челнокѣ съ затянутымъ отверстіемъ. Рис. 10 (434—66h), изображаетъ выдру. Рис. 11 (434—67/40), изображаетъ нарту съ пятью парами собакъ, запряженными продольнымъ азіатскимъ способомъ; это изображеніе соотвѣтствуетъ такому же изображенію коряцкой работы (см. рис. 19, таб. XXII), хотя коряцкая работа гораздо лучше.

На таб. XXI представлены также издѣлія чукчей: рис. 1 (434—69/18) изображаетъ орнаментъ изъ небольшихъ фигурокъ китовъ, напоминающій такой-же орнаментъ у Гоффмана. Рис. 2 (434—66f), изображаетъ сидящаго на заднихъ лапахъ зайца; изображеніе сдѣлано очень искусно. Рис. 3

(434—67/38) изображаетъ человѣка, сидящаго верхомъ на оленѣ, хотя поза человѣка совершенно неестественна, такъ какъ онъ сидитъ на серединѣ спины, а не на лопаткахъ и держится руками за рога. Рис. 4 (434—69/21) изображаетъ сову съ распущенными (вставными) крыльями; у всѣхъ изображеній совъ то въ когтяхъ, то въ клювѣ изображеніе пойманной мыши или евражки. Рис. 5 (434—67/18) — миніатюрная фигурка птицы съ распущенными крыльями. Рис. 6 (434—65g) изображаетъ дельфина-оборотня на спинѣ медвѣдя. Рис. 7, 8 и 9 (434—61i, j, к) представляетъ изображенія людей, сдѣланныя изъ дерева; это обыкновенныя дѣтскія игрушки, сдѣланныя безъ всякой художественности; фигура представленная на рис. 7 вся на шарнирахъ и имѣетъ вставленные глаза изъ мелкихъ бѣлыхъ бисеринокъ. Точно такія же игрушки, кое-какъ вырѣзанныя изъ кости и рога и служащія дѣтскими игрушками, обыкновенно связываются по нѣскольку штукъ на одномъ тонкомъ шнуркѣ, представляющемъ то потягъ собачьей упряжки, то оленій арканъ или что нибудь подобное. Рис. 10 (434—67/29) — сидящій человѣкъ, ударяющій въ бубенъ палкой снизу, какъ во время мңéырӈын. Рис. 11 (434—67/28) — сидящій человѣкъ. Рис. 12 (434—67/27) — человѣческая фигура въ довольно непристойной позѣ; судя по шапкѣ — русскій или американецъ. Рис. 13 (434—67/24) и 14 (434—67/25) — человѣческія фигуры. Рис. 15 (434—67/26) изображаетъ казака въ мундирѣ съ пуговицами. Рис. 16 (434—67/33) — нагая фигура женщины безъ ногъ. Рис. 17 (434—67/45) изображеніе нарты, повидимому, ѣздовой оленьей, съ человѣкомъ, стоящимъ на землѣ сзади сѣдока. Наконецъ, рис. 18, 19 и 20 (434—67/35—37) представляютъ миніатюрныя изображенія огнивъ.

На таб. XXII — представлены издѣлія коряковъ главнымъ образомъ изъ кости: Рис. 1 (441—37/1) изображаетъ медвѣдя, несущаго въ зубахъ евражку. Рис. 2 (441—37/26) изображаетъ оленя. Рис. 3 (441—37/4) — лисицу съ евражкой въ зубахъ. Рис. 4 (441—37/2) изображаетъ двухъ борющихся медвѣдей. Рис. 5 (441—37/18) — морского льва. Рис. 6 (441—37/41)—моржа. Рис. 7 (441—37/87) изображаетъ птицу, вѣроятно, лебедя съ распущенными крыльями (повидимому линялыми и лишенными маховыхъ перьевъ) на деревянныхъ колесикахъ. Рис. 8 (441—43/8) изображаетъ собаку на бѣгу, вѣроятно въ упряжкѣ; сдѣлана изъ бараньяго рога. Рис. 9 (441—37/24)—большое изображеніе оленя безъ роговъ, украшенное орнаментомъ. Рис. 10 (441—37/85) изображаетъ сову съ распущенными крыльями. Рис. 11 (441—37/11) — всадникъ, верхомъ на чудовищѣ кычáӈыр. Рис. 12 (441—37/5) изображаетъ двухъ морскихъ львовъ, взобравшихся на льдину. Рис. 13 (441—38/2) изображаетъ оленя. Рис. 14 (441—37/8) изображаетъ человѣка, ѣдущаго верхомъ на конѣ, при чемъ

человѣкъ сидитъ на лопаткахъ коня, какъ сидятъ на оленѣ. Конь сдѣланъ очень вѣрно, особенно, если принять во вниманіе, какъ рѣдко коряцкій художникъ могъ видѣть коня. Рис. 15 и 16 (441—38/31 и 32)—изображенія рыбъ, замѣчательно искусно сдѣланныя. Рис. 17 (441—38/3)—горностай. Рис. 18 (441—36)—наперстокъ изъ кости. Рис. 19 (441—37/12a)—собачья нарта съ отдѣльнымъ ямщикомъ, сдѣланнымъ изъ бараньяго рога.

На таб. XXIII представлены также коряцкія издѣлія: Рис. 1 (441—37/31) представляетъ оленью ѣздовую нарту. Рис. 2 (441—37/9) изображаетъ человѣка, сидящаго на землѣ съ котомкой за плечами; на него пападаетъ собака съ характерно закрученнымъ къ верху хвостомъ. Рис. 3 (441—37/10) изображаетъ двухъ дерущихся людей. Рис. 4 (441—37/38)—женская фигура. Рис. 5 и 6 (441—37/39 и 40)—человѣческія фигурки. Рис. 7, 8, 10, 11, 12 и 13 (441—38/5, 6, 8, 10, 11, 12)—мелкія и часто очень живо схваченныя фигурки разныхъ животныхъ (7, 10, 13—собаки). Рис. 9 (441—37/7), изображаетъ двухъ человѣкъ, ѣдущихъ съ кладью на плотѣ. Рис. 14 (441—46/27)—изображеніе лебедя, сдѣланное изъ дерева. Рис. 15 и 16 (441—39/10 и 441—40/6)—костяныя шашки. Рис. 17 (441—41)—цѣпочка, вырѣзанная изъ цѣльнаго куска кости. Рис. 18 (441—46/6)—изображеніе летящей птицы. Рис. 19 (441—37/81)—большое изображеніе совы съ вставными крыльями, которыхъ недостаетъ; все тѣло совы украшено орнаментомъ. Рис. 20 (441—37/13) представляетъ людей, ѣдущихъ на двухъ спаренныхъ вмѣстѣ челнокахъ. Рис. 21 (441—37/37)—человѣческая фигура съ ногами на шарнирахъ.

На таб. XXIV представлены костяныя издѣлія керековъ: Рис. 1 (442—28/26)—человѣческая фигура съ ногами на шарнирахъ. Рис. 2—5 (442—28/27—30)—человѣческія фигуры въ различныхъ костюмахъ съ орнаментомъ. Рис. 6 (442—28/56)—голова моржа на постаментѣ съ орнаментомъ. Рис. 7—10, 12—18, 21 и 25 (442—29)—различныя фигуры животныхъ и группы фигуръ на постаментахъ—вродѣ костяныхъ шашекъ. Рис. 11 (442—28/5)—изображеніе бураго медвѣдя. Рис. 19 (442—28/49) изображеніе тюленя на колесахъ. Рис. 20 (442—28/43)—изображеніе тюленя съ орнаментомъ. Рис. 22 (442—28/62)—изображеніе лисицы. Рис. 23 и 24 (442—30/1 и 2)—игрушечныя изображенія каменныхъ топоровъ, бывшихъ въ употребленіи въ прежнее время.

На таб. XXV—рис. 1 и 2 (442—25/1 и 2) представляютъ рѣзныя трубки изъ кости издѣлія керековъ. Рис. 8 и 9 (443—2/1 и 2)—трубки изъ кости эскимосскаго издѣлія, привезенныя съ предыдущими коллекціями отъ островныхъ эскимосовъ Берингова моря; трубки украшены любопытными рисунками совершенно эскимосскаго характера; послѣдняя украшена также рельефными фигурками морскихъ животныхъ.

Указатель фотографій, рисунковъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
6	434—34	Обрывокъ волосяной сѣти	—	—
7	434—55	Листовой (черкасскій) табакъ	—	—
7	434—56	Образцы табаку съ примѣсями	—	—
8	434—57	Прессованый табакъ для жеванія . .	—	—
8	434—38/1	Трубка для куренія табаку	I—3	1/4 нат. вел.
8	434—38/2	Idem	I—1	1/3 нат. вел.
8	434—38/5	Трубка изъ двухъ половинокъ обмотанныхъ ремешкомъ	I—5	1/2 нат. вел.
8	434—38/6	Деревянная трубка	I—2	1/2 нат. вел.
8	408—125	Трубка	—	—
Къ стр. 8	—	Рисунокъ металлич. трубки съ кисетомъ	I—4	1/3 нат. вел.
10	395—1	Мѣховая рубаха—кукашка	II—3	—
Къ стр. 10	—	Рисунокъ штановъ изъ пыжика . . .	II—2	—
Къ стр. 10	—	Рисунокъ штановъ изъ камусовъ. . .	II—4	—
10	395—16	Штаны изъ камусовъ (см. рис. 4, Т. II).	—	—
10	395—13	Штаны изъ пыжика (см. рис. 2, Т. II).	—	—
11	395—28	Сапоги (сшитые изъ камуса) (см. рис. 5, Т. II).	—	—
Къ стр. 11	—	Рисунокъ сапога сшитаго изъ камусовъ	II—5	—
Къ стр. 11	—	Рисунокъ ламутскаго женскаго кафтана	II—1	—
Къ стр. 11	—	Рисунокъ ламутскаго нагрудника . . .	III—4	—
12	395—43—46	Чукотскія шапки (см. рис. 6, Т. II). . .	—	—
Къ стр. 12	—	Рисунокъ шапки изъ телячьяго мѣха .	II—6	—
12	395—8—9	Женское платье (керкеръ-хоньбы) (см. рис. 1, Т. III)	—	—
Къ стр. 12	—	Рисунокъ женскаго платья (керкеръ-хоньбы)	III—1	—
13	395—22	Чулки	—	—
13	395—21	Мѣховые сапоги	—	—
13	395—52—57	Рукавицы	—	—
13	443—30	Куски дымленины	—	—
13	395—39	Кусокъ тюленьей кожи	—	—
14	395—60	Зимняя верхняя одежда—балахонъ (см. рис. 3, Т. III)	—	—
Къ стр. 14	—	Рисунокъ мужского балахона изъ сукна, ситца и т. п.	III—3	—
14	395—61	Балахонъ изъ кожи, замши	—	—
14	395—4	Женская камлейка (см. рис. 2 и 5, Т. III)	—	—
Къ стр. 14	—	Женскія камлейки	III—2 и 5	—
14	395—11	Дѣтская одежда—мѣшокъ.	—	—
15	395—10	Цѣльно сшитое дѣтское платье	—	—

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
16	434—50 b	Браслетъ	IV—8	—
16	434—47 c	Ожерелье украшенное бусами	IV—7	—
16	434—49 d	Головная повязка	V—6	—
18	434—17	Коряцкія вышивки на *опуванахъ*	IV—1—6	1/4 нат. вел.
18	id.	Idem	V—1—5	1/4 нат. вел.
18	id.	Idem. (Опуванъ № 1, вышитъ шелкомъ)	VI—1—2	1/4 нат. вел.
20	443—23	Оленья шкура	—	—
21	443—31	Крашеная *ровдуга* (замша)	—	—
21	443—27	Бѣленая *ровдуга*	—	—
Къ стр. 20—21	—	Обработка шкуры желѣзн. скребкомъ (фотографія)	XXV—3	—
24	408—1	Наружный шатеръ (модель)	—	—
Къ стр. 21—24	—	Лагерь—шатры чукчей (ориг. фотографія)	I—6	—
24	422—110 и 116	Оболочки для наружнаго шатра	—	—
24	422—117	Мохнатая спальная палатка	—	—
24	422—118	Оболочка походнаго шатра	—	—
24	408—2	Модель жилища сидячихъ чукчей	—	—
24	408—3	Колотушка для выколачиванія снѣга	VI—5	1/3 нат. вел.
24	408—4; 434—7	Idem	—	—
25	408—93	Модель тренога съ крючкомъ для подвѣшиванья котла	—	—
25	408—94	Модель желѣзнаго котла	—	—
25	408—15 и 434—26	Модель деревяннаго блюда (см. Т. VI, рис. 3)	—	—
25	434—28	Лопасть оленьяго рога для вынимания мяса изъ котла	VI—4	1/4 нат. вел.
25	434—30	Ложка деревянная	—	—
25	434—31	Ложки изъ дерева и рога (бараньяго)	VI—7 и VII—1—3	1/3 нат. вел.
25	434—29	Ковшъ (въ текстѣ чаша) изъ лиственичнаго наплыва	VI—6	1/4 нат. вел.
Къ стр. 25	—	Рисунокъ деревяннаго блюда (корыта)	VI—3	—
26	422—37 и 39	Каменныя лампы для нерпичьяго жира	VI—8 и 9	1/3 нат. вел.
26	434—32	Стаканъ и блюдце починенные посредствомъ жестяныхъ ободковъ	VII—4 и 5	1/3 нат. вел.
27	422—68	Приборъ для добыванія огня	VII—6 и 9	1/4 нат. вел.
27	444—7	Образчики постепенной обработки трута	—	—
28	408—75	Старинный чукотскій лукъ изъ лиственницы	VIII—1	1/4 нат. вел.
28	408—66	Стрѣлы съ костяными наконечниками	VIII—2—13	1/3 нат. вел.
28	408—67	Стрѣлы съ желѣзными наконечниками	IX—1—12	1/3 нат. вел.
Къ стр. 28	408—68 и 71	Колчаны для стрѣлъ	XI—1 и 2	1/3 нат. вел.
28	422—36	Кремневое ружье	—	—
29	422—35	Американскій винчестеръ	—	—
29	422—34	Пистонный штуцеръ	—	—
30	408—48 и 49	Копья (см. также рис. 3 той-же табл.)	X—1 и 2	1/12 нат. вел.
30	—	Наконечникъ копья (см. стр. 47 текста)	X—3	1/3 нат. вел.
30	444—12	Наконечникъ копья	IX—14	1/3 нат. вел.
30	434—13	Наконечникъ копья	IX—13	1/3 нат. вел.
30	408—62	Поколюга	—	—
30	434—10 a, b, c.	Панцырь, налокотникъ и *мишанъ*	XII—2—4	1/6 нат. вел.
30	434—9	Панцырь изъ полосъ лахтачной кожи	XII—1	1/6 нат. вел.
31	408—80	Большой ножъ съ ножнами (4)	X—4 и 5	1/4 нат. вел.
31	408—87	Модель широкаго ножа	—	—
31	408—81	Поясной ножъ	X—6	1/4 нат. вел.
31	434—90	Каменные ножи	X—7 и 8	1/4 нат. вел.

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
32	434—16	Праща	X—11	1/3 нат. вел.
32	434—14	Эпäкäт—метательное орудіе для ловли птицъ	XIII—1 и 2	1/3 нат. вел.
32	408—63	Шäтина съ метательной доской къ ней	X—10 и 9	1/10 (10) и 1/4 (9).
Къ стр. 32—33	—	Мотыки, тесла, пешни изъ желѣза (9), дерева (6) и кости (4, 7, 8)	XIV—4, 6—9	1/4 нат. вел.
33	422—5	Мастеровой ножикъ (12) съ деревянными ножнами (11)	VII—11 и 12	1/3 нат. вел.
33	422—14	Мастеровой ножикъ	VII—10	1/3 нат. вел.
33	408—91	Модель	—	—
33	408—98	Долотце	VII—16	1/2 нат. вел.
33	444—13	Гатка русскаго издѣлія (желѣзная) . .	VII—15	1/3 нат. вел.
33	408—89	Модель чукотскаго топора	—	—
33	408—99	Костяная гатка	VII—13	1/3 нат. вел.
33	434—3	Ковырялка (костяная) для развязыванья узловъ	VII—14	1/3 нат. вел.
34	407—22	Лыжи—«вороньи лапы»	XI—3	1/8 нат. вел.
34	407—46	Лыжи подбитыя камусомъ	XI—4 и 5	1/12 нат. вел.
35	408—6	Каменные молоты	XIII—5 и 6	1/4 нат. вел.
35	408—7	Паковальня	XIII—4	1/4 нат. вел.
35	408—11	Каменный скребокъ для кожъ	XIII—9	1/4 нат. вел.
35	408—12	Idem	—	—
35	408—10	Желѣзный скребокъ	XIII—8	1/4 нат. вел.
35	442—17	Каменный молотъ Керековъ	XIII—7	1/4 нат. вел.
35	422—2	Пила чукчей	XIII—3	1/4 нат. вел.
35	422—4	Сверло для желѣза	XIV—5	1/3 нат. вел.
35	434—1	Костяное сверло для дерева	XIV—1	1/3 нат. вел.
36	434—40 a, b, c, d.	Оленьи сухожилія	—	—
36	434—42	Нитки изъ сухожилій	—	—
36	434—42	Мотокъ бечевки изъ сухожилій для вязанья сѣтей	XIV—3	1/2 нат. вел.
36	434—43	Веревка изъ сухожилій	XIV—2	1/3 нат. вел.
36	434—44	Сѣть изъ жильныхъ шнурковъ	—	—
38	407—1 и 2	Модели ѣздовыхъ нартъ	—	—
Къ стр. 38	—	Рисунки ѣздовыхъ нартъ	XV—1 и 3	1/15 нат. вел.
39	407—3	Женская парта	—	—
39	407—6, 7 и 8	Кладовыя нарты	—	—
Къ стр. 39	—	Рисунокъ кладовой нарты	XV—2	1/15 нат. вел.
39	407—13—16	Упряжь оленья	—	—
Къ стр. 39	—	Ѣздовая нарта и два оленя въ упряжкѣ (фотографія)	XV—4	—
39	434—6	Узда для оленя въ видѣ гребенки изъ бараньяго рога	XV—5	1/3 нат. вел.
40	407—12	Мочепріемникъ	XV—6	1/3 нат. вел.
40	434—45	Ремень для манщика	—	—
43	408—108 и 109	Ударные капканы—*кляпцы*	XVI—2	1/3 нат. вел.
46	408—48	Копье	X—1—3	1 и 2—1/12 нат. вел.; 3-й—1/3.
46	408—31—33	Нерпичьи сѣти	—	—
47	408—28	Скребокъ изъ нерпичьей лапы	XVI—1	1/3 нат. вел.
Къ стр. 47	441—18/1	Наконечникъ для копья съ каменнымъ остріемъ (издѣліе Керековъ)	XVI—7	1/2 нат. вел.
47	434—20	Крюкъ для извлеченія добычи изъ воды	XVI—3	1/3 нат. вел.
47	434—21 c	Уда маленькая для вахни съ костяными крючками	XVI—4	1/3 нат. вел.

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
47	434—22	Крюкъ (острога для лученья рыбы, съ желѣзн. наконечникомъ)	XVI—6	1/3 нат. вел.
Къ стр. 47	434—23	Idem—модель, съ костянымъ наконечн.	XVI—5	1/3 нат. вел.
Къ стр. 41—47	443—16	Приспособленіе для ловли водяной птицы (изъ китов. уса)	XVI—9	1/3 нат. вел.
48	(№№ 22, 23)	Рисунокъ фигуръ на плетенкѣ изъ нити, растянутой на 10 пальцахъ . .	XVII—1 и 2	—
49	434—71	Игрушечная обувь	XVII—8	1/3 нат. вел.
49	434—72	Китъ, вырѣзанный изъ кожи (игрушка)	XVI—8	1/3 нат. вел.
49	434—73	Моржъ изъ травы (игрушка)	XVI—10	1/3 нат. вел.
Къ стр. 48—49	434—83	Мячъ изъ кожи	XVII—6	1/3 нат. вел.
49	434—80	Куклы	XVII—3—5	1/3 нат. вел.
49	434—80 d	Кукла-мужчина	XVII—3	1/3 нат. вел.
49	434—80 g	Кукла-ребенокъ	XVII—4	1/3 нат. вел.
49	434—80 e	Кукла-дѣвочка	XVII—5	1/3 нат. вел.
50	422—58/13	Связка Та́јӊыкуt	XVIII—1	1/3 нат. вел.
50	434—87	Idem—изъ старыхъ костей	XVIII—4	1/3 нат. вел.
51	422—54 d	Өttá-laўl — деревянный человѣкъ . .	XVIII—7	1/3 нат. вел.
51	422—54 h	Өtt-opáweďan — деревянный человѣкъ	XVIII—11	1/3 нат. вел.
51	422—73	Idem	XVII—7	1/3 нат. вел.
51	422—54 a	Та́јӊыкуt-láўt	XVIII—7	1/3 нат. вел.
51	422—61/2	Голова стараго Ҕы́рҕыр	XVIII—2	1/3 нат. вел.
51	422—70	Вэ́lву-lэ́ўt—голова вороны	XVIII—6	1/3 нат. вел.
51	422—77	Еӊа́ҕal — олицетвореніе умершаго предка	XVIII—9	1/3 нат. вел.
51	422—49	Бубенъ — јара́р	XVIII—8	1/4 нат. вел.
52	422—80	Гадательный камень	XVIII—5	1/3 нат. вел.
53	422—59	Гадательный человѣкъ	XVIII—3	1/3 нат. вел.
53	422—10/2	Лопатка для гаданья	XVIII—10	1/3 нат. вел.
55	422—42	Доска, разрисованная чукчей	XIX—1	1/4 нат. вел.
55	408—140	Планъ р. Анадыра, начерченный на доскахъ	XIX—2	1/10 нат. вел.
56	441—30	Инструменты для вырѣзываній фигурокъ изъ дерева, рога и кости . . .	XXV—4—7	3/4 нат. вел.
56	434—65 π	Изображеніе моржа изъ мамонтовой кости	XIX—3	нат. вел.
56	434—65 o	Изображеніе собаки изъ мамонтовой кости	XIX—4	нат. вел.
56	434—65 μ	Изображеніе моржа	XIX—5	3/4 нат. вел.
57	434—65 x и v	Изображеніе дикихъ горныхъ барановъ	XIX—6 и 7	нат. вел.
57	434—66 e	Изображеніе горностая	XIX—8	нат. вел.
57	434—65 h	Изобр. бураго медвѣдя	XX—1	3/4 нат. вел.
57	434—65 s и t	Изобр. сѣверныхъ оленей	XX—2 и 8	нат. вел.
57	434—66 a	Изобр. чудовища кыча̀ӊыр	XX—3	нат. вел.
57	434—65 b	Изобр. бѣлаго медвѣдя	XX—4	3/4 нат. вел.
57	434—67/39	Человѣческая фигура съ дельфинами на груди	XX—5	нат. вел.
57	434—67/30	Человѣческая фигура съ котомкой за плечами	XX—6	нат. вел.
57	434—65 j	Изобр. волка	XX—7	3/4 нат. вел.
57	434—67/41	Изобр. человѣка въ челнокѣ	XX—9	нат. вел.
57	434—66 h	Изобр. выдры	XX—10	нат. вел.
57	434—67/40	Изобр. нарты съ пятью парами собакъ.	XX—11	3/4 нат. вел.
57	434—69/18	Орнаментъ изъ небольшихъ фигурокъ китовъ	XXI—1	нат. вел.

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
57	434—66 f	Изобр. зайца, сидящаго на заднихъ лапахъ	XXI—2	нат. вел.
58	434—67/38	Человѣческая фигура верхомъ на оленѣ	XXI—3	нат. вел.
58	434—69/21	Изображеніе совы съ распущенными крыльями	XXI—4	3/4 нат. вел.
58	434—67/18	Миніатюрная фигурка птицы	XXI—5	нат. вел.
58	434—65 g	Изобр. дельфина-оборотня на спинѣ у медвѣдя	XXI—6	3/4 нат. вел.
58	434—61 i, j, k	Дѣтскія игрушки изъ дерева	XXI—7—9	1/2 нат. вел.
58	434—67/20	Изобр. человѣка съ бубномъ въ рукахъ	XXI—10	нат. вел.
58	434—67/28	Фигурка, изображающая сидящаго человѣка	XXI—11	нат. вел
58	434—67/24—27	Разныя человѣческія фигуры	XXI—12—15	нат. вел.
58	434—67/33	Фигурка нагой женщины безъ ногъ	XXI—16	нат. вел.
58	434—67/45	Изобр. нарты съ человѣкомъ, стоящимъ на землѣ сзади сѣдока	XXI—17	нат вел.
58	434—67/35—37	Миніатюрныя изображенія огнивъ	XXI—18—20	нат. вел.
58	441—37/1	Изобр. медвѣдя, несущаго въ зубахъ евражку	XXII—1	1/2 нат. вел.
58	441—37/26	Изобр. оленя	XXII—2	1/2 нат. вел.
58	441—37/4	Изобр. лисицы съ евражкой въ зубахъ	XXII—3	1/2 нат. вел.
58	441—37/2	Изобр. двухъ борющихся медвѣдей	XXII—4	1/2 нат. вел.
58	441—37/48	Изобр. морского льва	XXII—5	1/2 нат. вел.
58	441—37/41	Изобр. моржа	XXII—6	1/2 нат. вел.
58	441—37/87	Изобр. птицы (лебедя?) на дерев. колесахъ	XXII—7	1/2 нат. вел.
58	441—43/8	Изобр. собаки въ упряжкѣ (изъ бараньяго рога)	XXII—8	1/2 нат. вел.
58	441—37/24	Изобр. оленя съ орнаментомъ	XXII—9	3/4 нат. вел.
58	441—37/85	Изображеніе совы съ распущенными крыльями	XXII—10	1/2 нат. вел.
58	441—37/11	Изобр. всадника, верхомъ на чудовищѣ кычаӈыр	XXII—11	нат. вел.
58	441—37/5	Изобр. морскихъ львовъ на льдинѣ	XXII—12	нат. вел.
58	441—38/2	Изобр. оленя	XXII—13	нат. вел.
58	441—37/8	Изобр. человѣка, ѣдущаго верхомъ на конѣ	XXII—14	нат. вел.
59	441—38/31 и 32	Изображенія рыбъ	XXII—15 и 16	нат. вел.
59	441—38/3	Изобр. горностая	XXII—17	нат. вел.
59	441—36	Наперстокъ изъ кости	XXII—18	1/2 нат. вел.
59	441—37/12 a	Собачья нарта, съ отдѣльнымъ ямщикомъ, сдѣлан. изъ бараньяго рога	XXII—19	1/2 нат. вел.
59	441—37/31	Оленья ѣздовая нарта	XXIII—1	3/4 нат. вел.
59	441—37/9	Изобр. сидящаго на землѣ человѣка, на котораго нападаетъ собака	XXIII—2	нат. вел.
59	441—37/10	Изобр. двухъ дерущихся людей	XXIII—3	нат. вел.
59	441—37/38	Женская фигура	XXIII—4	нат. вел.
59	441—37/39 и 40	Человѣческія фигурки	XXIII—5 и 6	нат. вел.
59	441—38/5, 6, 8, 10—12	Мелкія фигурки разныхъ животныхъ	XXIII—7, 8, 10—13	нат. вел.

Страница текста.	№ коллекціи и предмета.	НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТА.	Таблица и № рисунка.	Приблизит. размѣръ.
59	441—37/7	Изобр. двухъ человѣкъ, ѣдущихъ съ кладью на плотѣ	XXIII—9	нат. вел.
59	441—46/27	Изобр. лебедя, сдѣланное изъ дерева. .	XXIII—14	3/4 нат. вел.
59	441—39/10 и 40/6	Костяныя шашки	XXIII—15 и 16	нат. вел.
59	441—41	Цѣпочка, вырѣзанная изъ цѣльнаго куска кости	XXIII—17	3/4 нат. вел.
59	441—46/6	Изобр. летящей птицы	XXIII—18	3/4 нат. вел.
59	441—37/31	Изобр. совы (вставныхъ крыльевъ недостаетъ) съ орнаментомъ	XXIII—19	3/4 нат. вел.
59	441—37/13	Изобр. людей, ѣдущихъ на двухъ спаренныхъ вмѣстѣ челнокахъ	XXIII—20	3/4 нат. вел.
59	441—37/37	Человѣческая фигура съ ногами на шарнирахъ	XXIII—21	1/2 нат. вел.
59	442—28/26	Человѣческая фигура съ ногами на шарнирахъ	XXIV—1	3/4 нат. вел.
59	442—28/27—30	Человѣческія фигурки въ разныхъ костюмахъ съ орнаментомъ	XXIV—2—5	нат. вел.
59	442—28/56	Голова моржа на постаментѣ, съ орнаментомъ	XXIV—6	нат. вел.
59	442—29	Различныя фигуры животныхъ, иногда группы на постаментахъ—вродѣ костяныхъ шашекъ	XXIV—7—10, 12—18, 21 и 25	нат. вел.
59	442—28/5	Изобр. бураго медвѣдя	XXIV—11	нат. вел.
59	442—28/49	Изобр. тюленя на колесахъ	XXIV—19	нат. вел.
59	442—28/43	Изобр. тюленя съ орнаментомъ	XXIV—20	нат. вел.
59	442—28/62	Изображеніе лисицы	XXIV—22	нат. вел.
59	442—30/1 и 2	Игрушечныя изображенія каменныхъ топоровъ	XXIV—23 и 24	нат. вел.
59	442—25/1 и 2	Рѣзныя трубки изъ кости (керецкія). .	XXV—1 и 2	3/4 нат. вел.
59	443—2/1 и 2	Трубки изъ кости съ орнаментомъ эскимосскаго характера	XXV—8 и 9	1/2 нат. вел.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
12	4 сверху	395,43	395—43
13	18 снизу	коробится	коробиться
18	13 сверху	441—17 е	441—17
25	10 снизу	чаша	ковшъ
30	18 снизу	копье	наконечникъ копья
43	19 сверху	служитъ	служатъ
46	2 снизу	№ 1408—48	№ 408—48

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе 1

Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей:

Пища 5

Одежда 9

Украшенія 16

Жилище 21

Утварь 24

Оружіе 28

Орудія 32

Оленеводство 36

Охота 41

Игры и игрушки 48

Идолы и домашняя святыня 49

Костяныя издѣлія 54

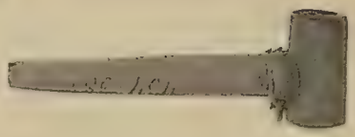
Указатель фотографій, рисунковъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ 60

Замѣченныя опечатки 66

Таблицы рисунковъ I—XXV.

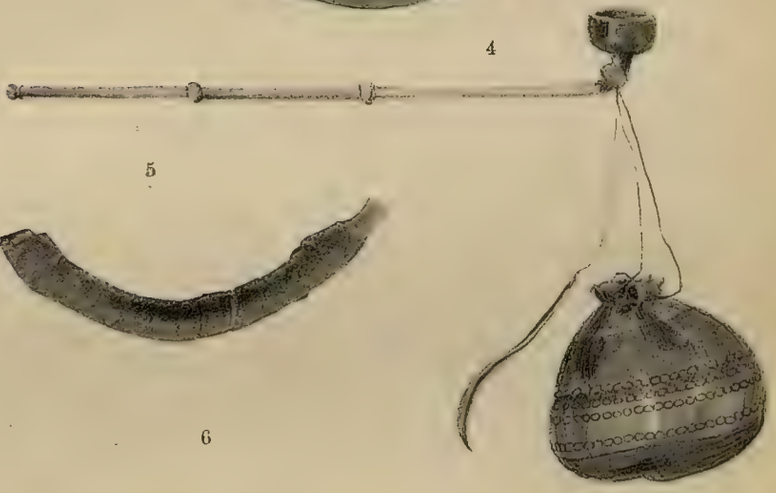
1

2



3

4



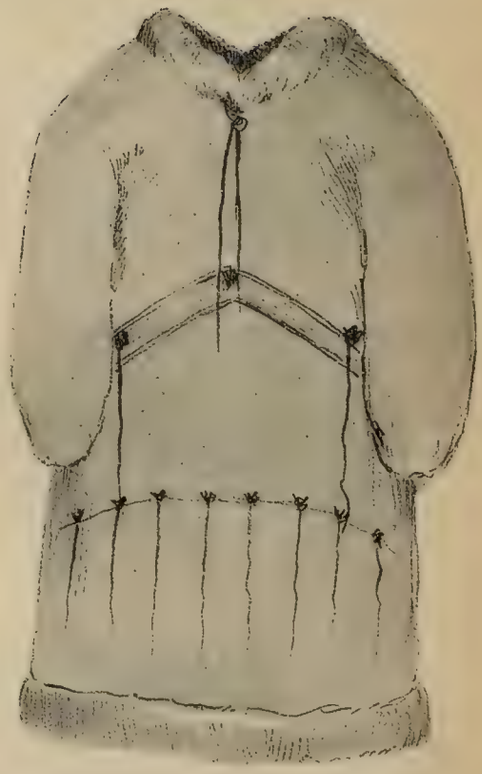
5

6

2.
1.
3.
4.
6.
5.

1.

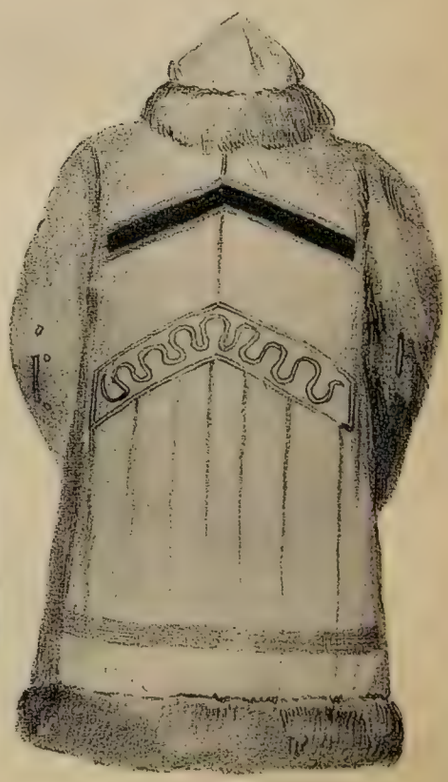
2.



3.

4.

5.



1.

2.

3.

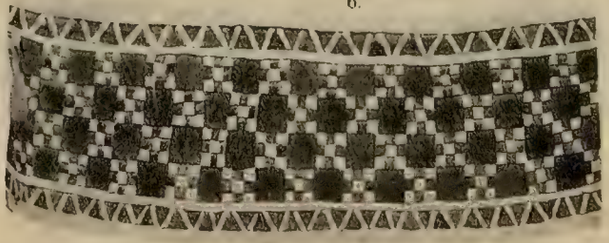
7.

4.

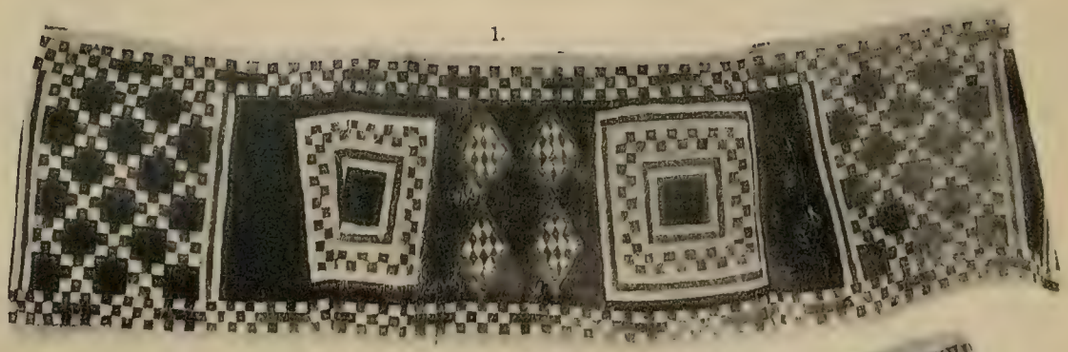
5.

8.

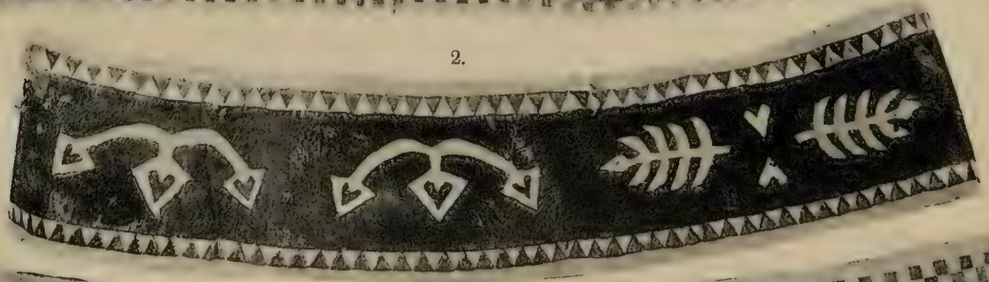
6.



1.



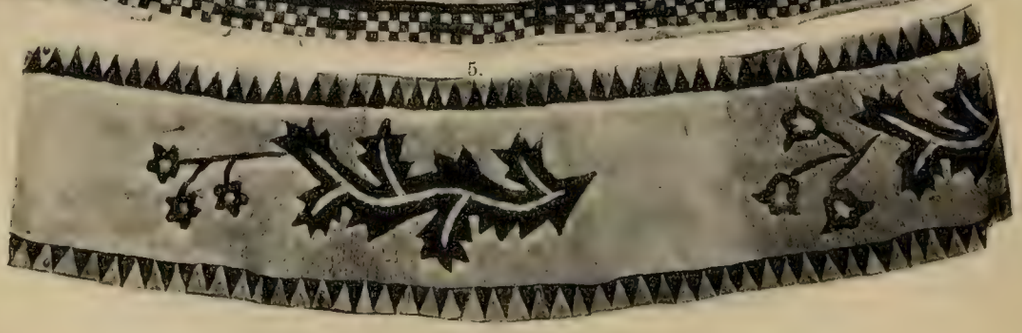
2.



3.

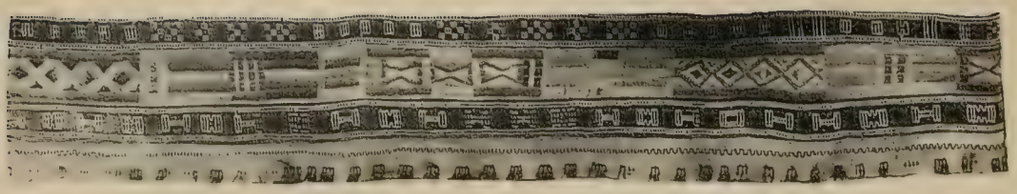
4.

5.

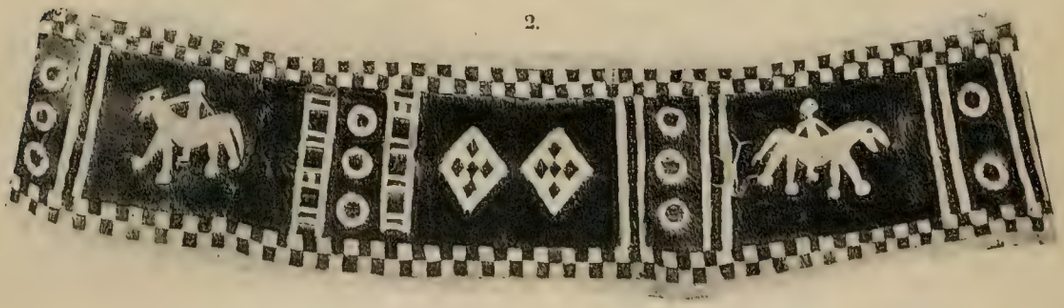


6.

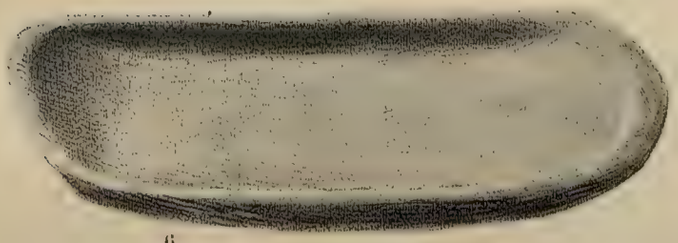
1.



2.



3.



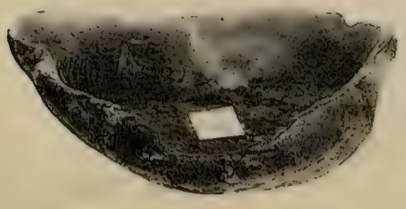
4.

5.

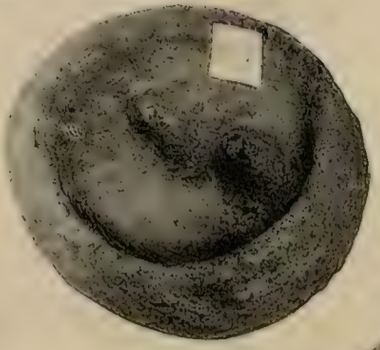
6.

7.

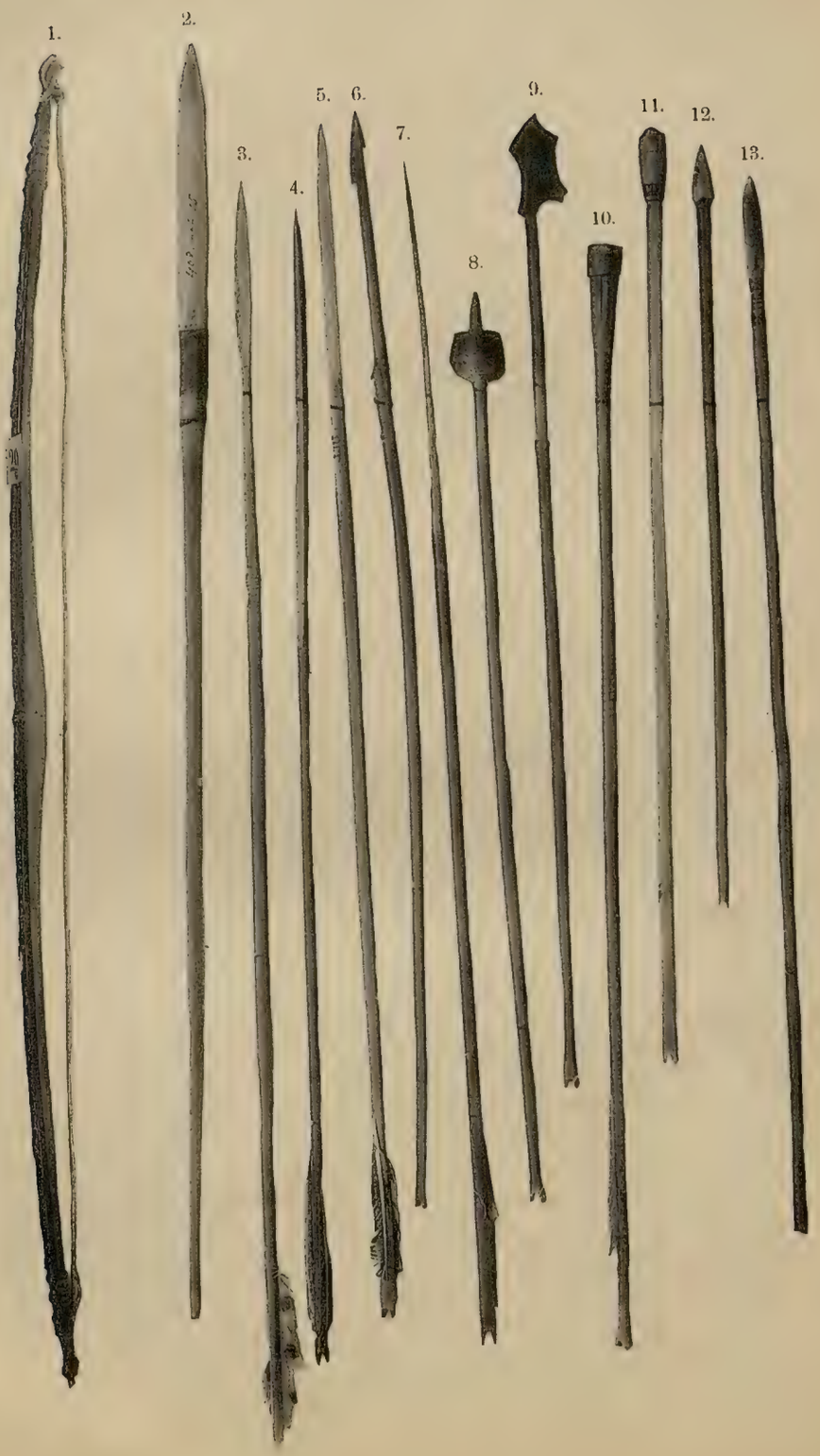
8.



9.



1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.

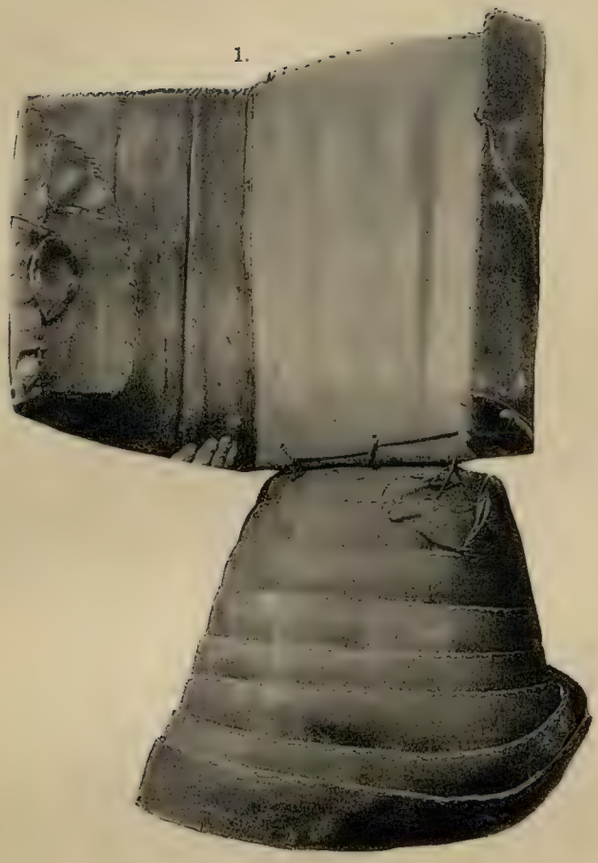

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.

1.
2.
4.
5.
6.
7.
8.
11.
10.
9.
3.

1.
2.
3.
4.
5.

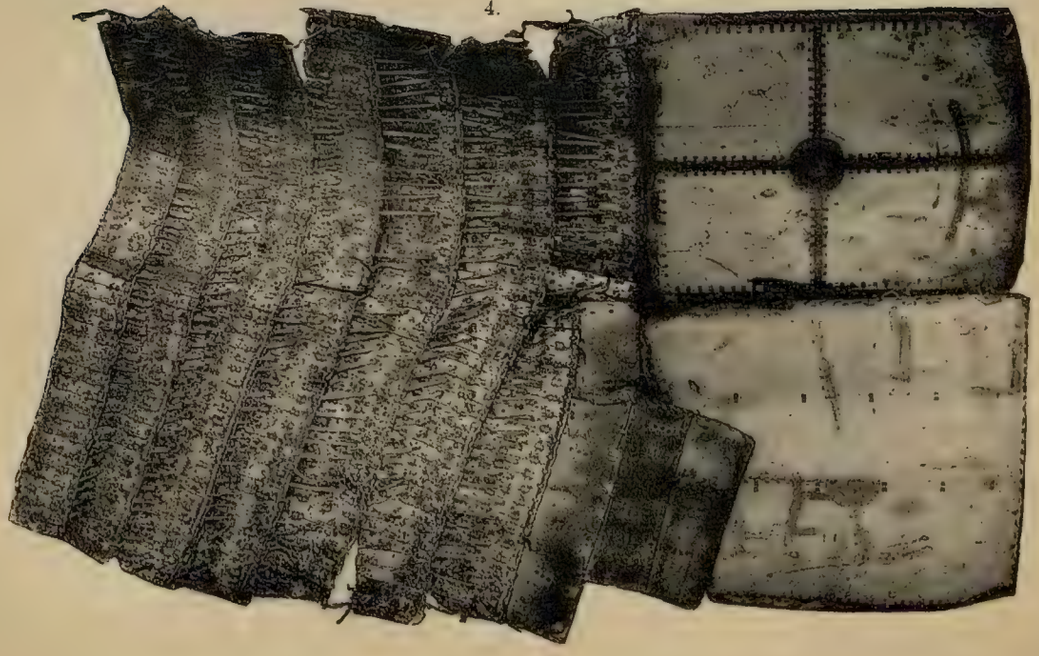
1.

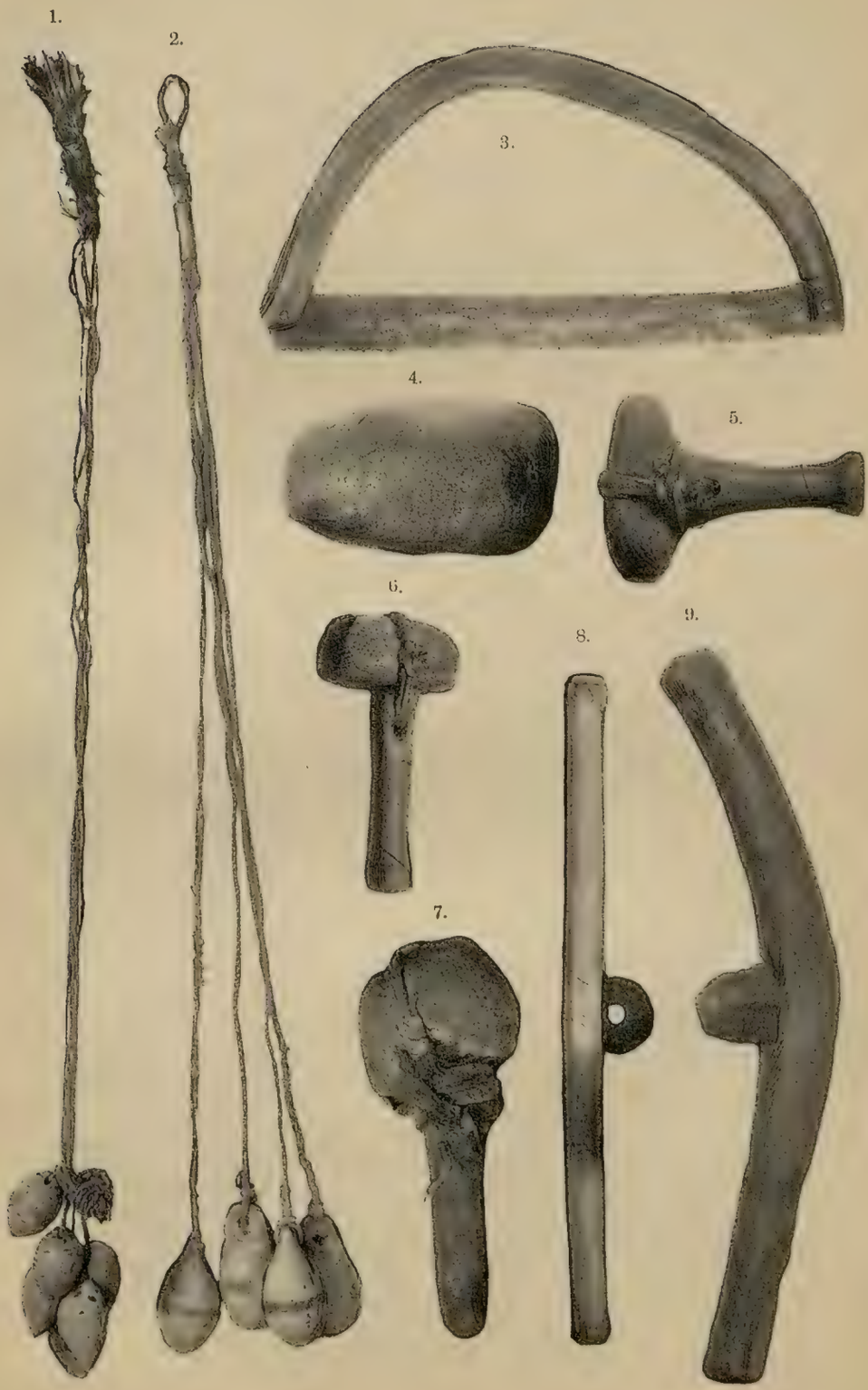


2.

3.

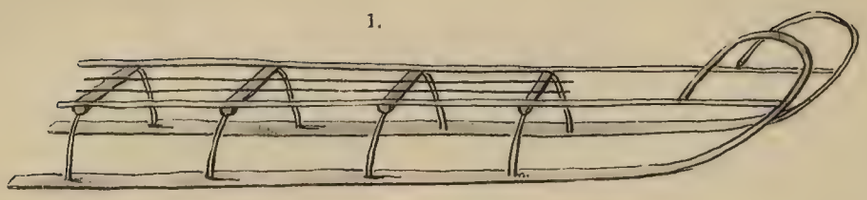
4.



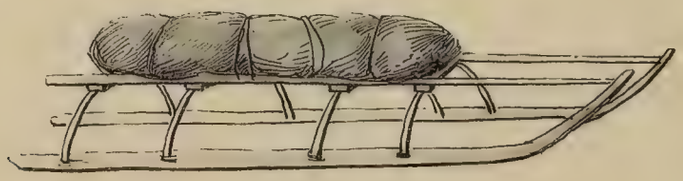

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
403. 88.

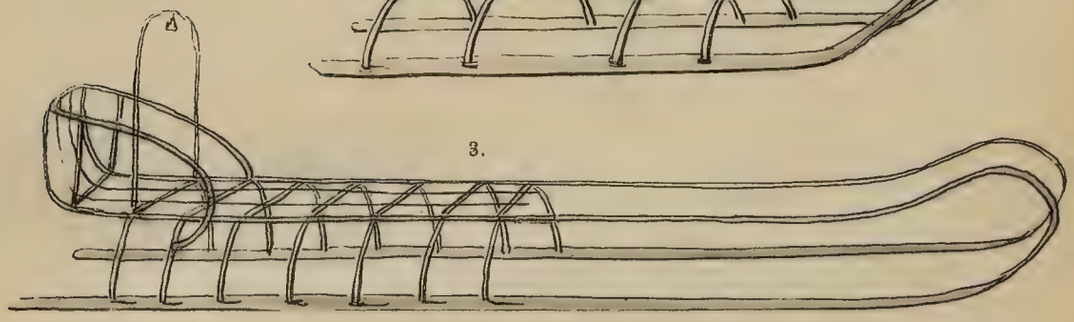
1.



2.



3.



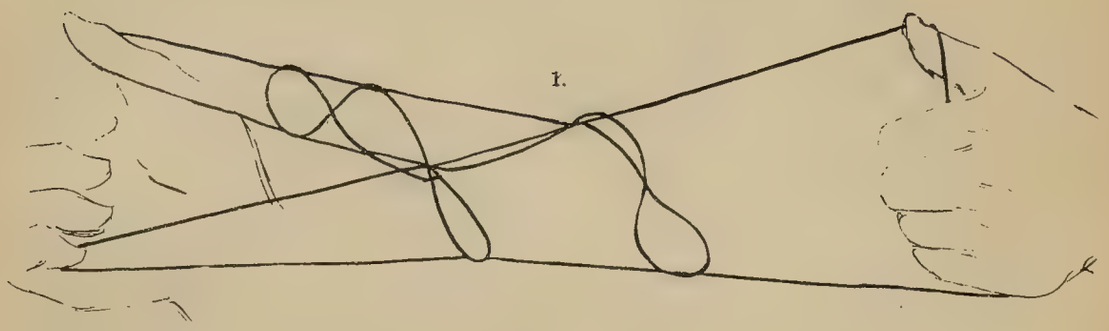
4.

5.

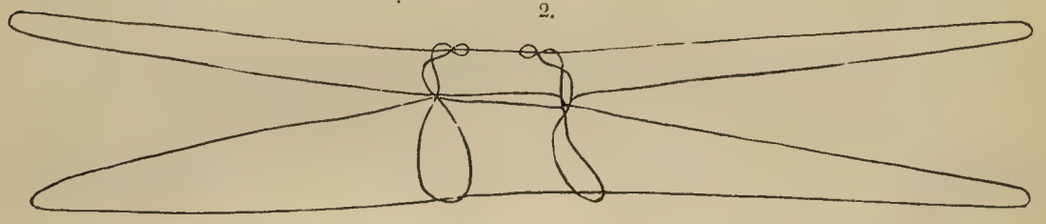
6.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7
8.
9.
10.

1.



2.



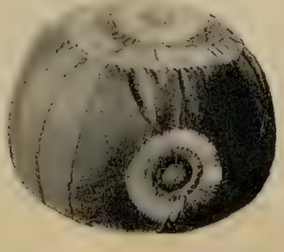
3.

4.

5.

8.

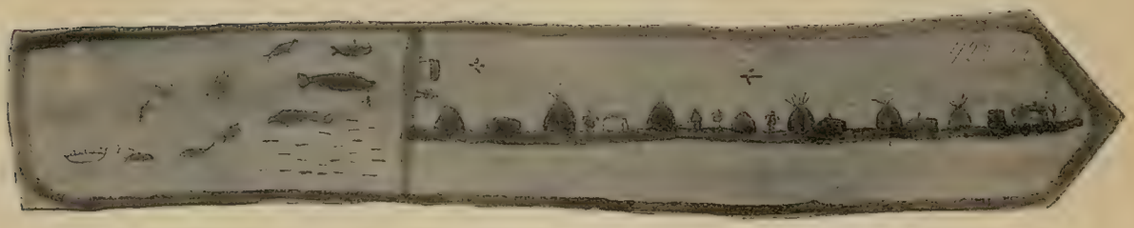
6.



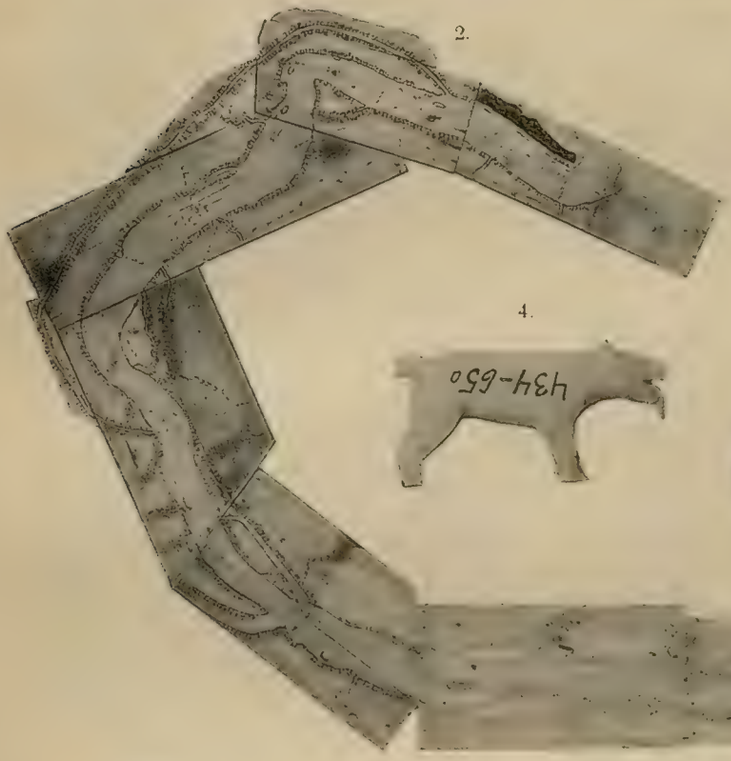
7.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
a
b
c
d
11.

1.



2.



3.

4.

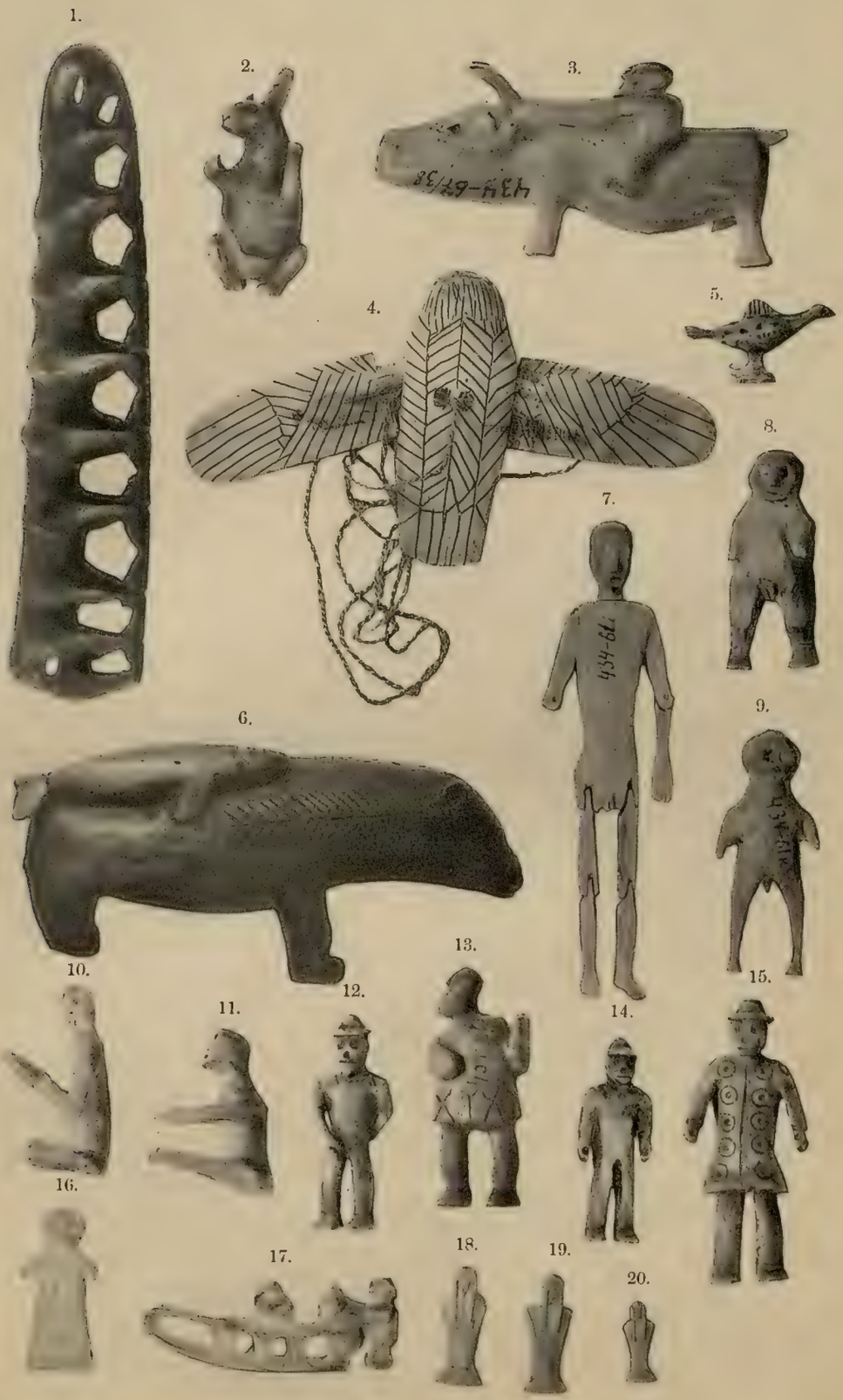
5.

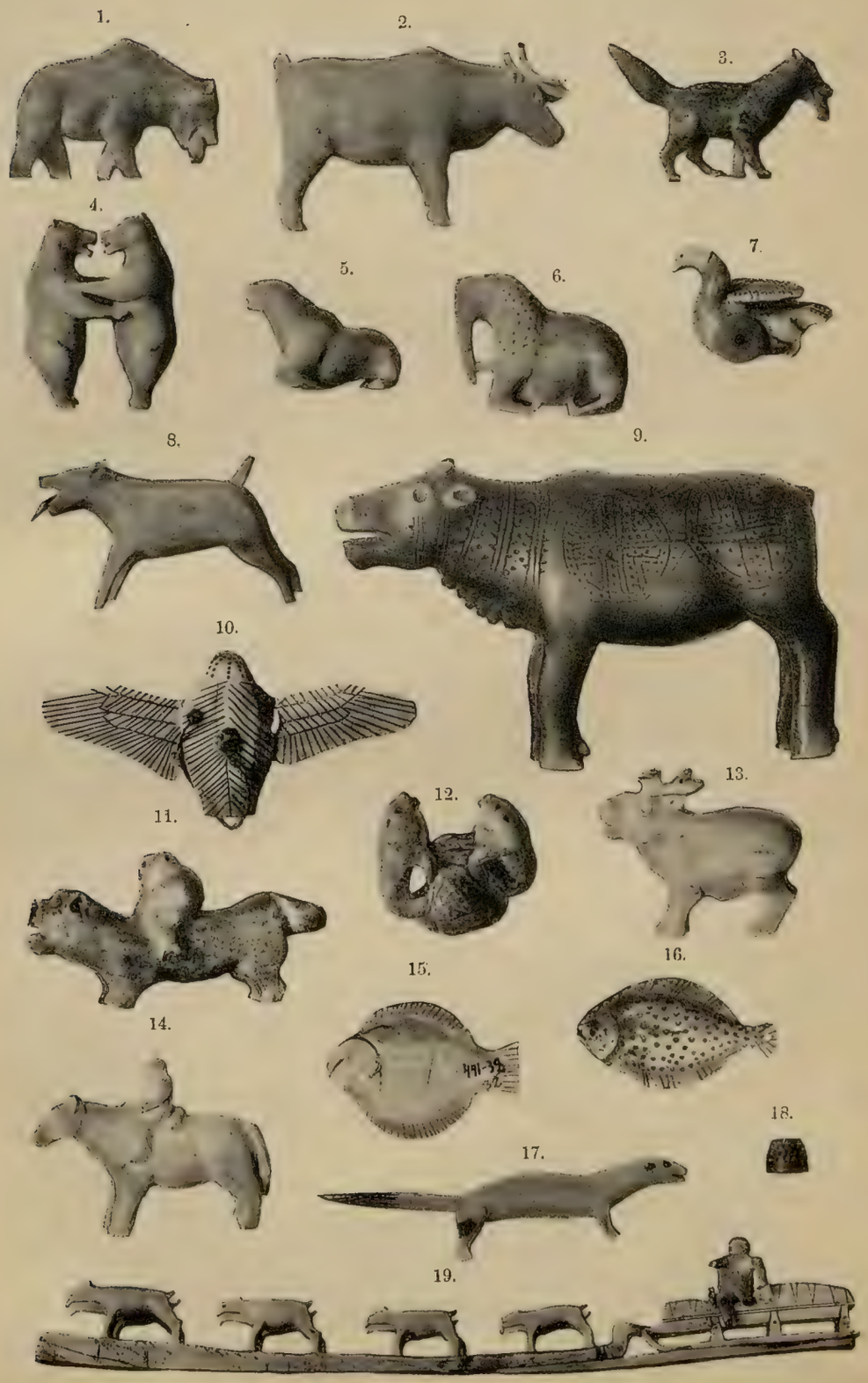
6.

7.

8.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.

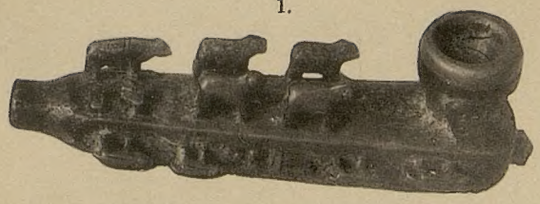

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.


1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.

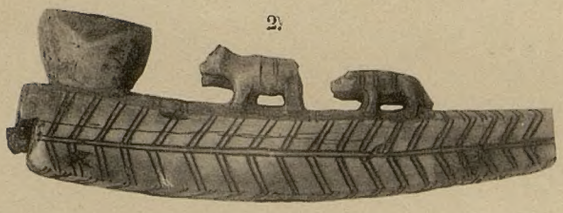
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
23.
25.
22.
24.

1.



2.



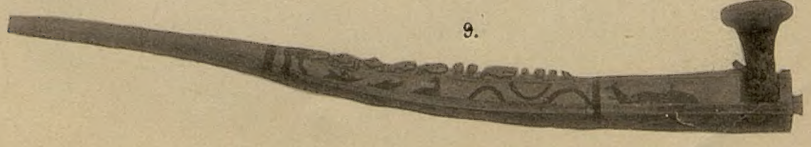
3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.